

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

<http://www.nbrb.by/bv>

2 [679] люты 2020

МАТЕРІАЛЫ

Международной
нумизматической конференции
«Белорусскому рублю – 25»

14–16 октября 2019 г.

Часть II

Диплом

XIII Международный конкурс монет
Монетное созвездие-2019

Победитель в номинации
Сувенирная монета

Год Свиньи

Национальный банк Республики Беларусь

Организатор конкурса – Издательский дом «Уотер Марк»
Contest Organizer – Water Mark Publishing House

Diploma

XIII International coin contest
Coin Constellation-2019

Winner in the nomination
Souvenir coin

Year of the Pig

National Bank of the Republic of Belarus

Председатель жюри конкурса
Head of the Contest Jury

Олег Хитальский
Oleg Khital'skiy

Памятные монеты Национального банка Республики Беларусь «Свет вачыма дзяцей. 2018» и «Год Свінні» стали победителями XIII Международного конкурса «Монетное созвездие – 2019».

Монета «Свет вачыма дзяцей. 2018» (дизайн: Оксана Новосёлова) заняла первое место в номинации «Приз зрительских симпатий». Монета «Год Свінні» серии «Кітайскі каляндар» (дизайн: аверс – Светлана Заскевич, реверс – Оксана Новосёлова) победила в номинации «Сувенирная монета».

Диплом

XIII Международный конкурс монет
Монетное созвездие-2019

Победитель в номинации
Приз зрительских симпатий

Мир глазами детей. 2018

Национальный банк Республики Беларусь

Организатор конкурса – Издательский дом «Уотер Марк»
Contest Organizer – Water Mark Publishing House

Diploma

XIII International coin contest
Coin Constellation-2019

Winner in the nomination
People's choice award

The world through children's eyes. 2018

National Bank of the Republic of Belarus

Председатель жюри конкурса
Head of the Contest Jury

Олег Хитальский
Oleg Khital'skiy

Редакционно-издательский совет

П.А.Маманович
(председатель совета, главный редактор)
А.О.Тихонов
(заместитель председателя совета)
А.М.Тимошенко
(заместитель главного редактора)
А.Ф.Галов
Д.Л.Калечиц
С.В.Калечиц
Е.Ф.Киреева
М.М.Ковалев
В.Н.Комков
И.В.Новикова
С.В.Салак
В.И.Тарасов
Ю.М.Ясинский

Номер подготовлен

Управлением информации
и общественных связей
Национального банка Республики Беларусь

Главный редактор

Петр Алексеевич Маманович

Зам. главного редактора

А.М.Тимошенко

Ответственный секретарь

С.В.Салак

Редакторы

И.В.Гилевич

I.Gilevich@nrb.by

В.Е.Кудина

V.Kudina@nrb.by

Т.В.Воронец

T.Voronec@nrb.by

Оформление и верстка

Е.С.Касилович

E.Kasilovich@nrb.by

Л.А.Поведайло

L.Povedailo@nrb.by

Адрес редакции

220008, г. Минск, просп. Независимости, 20
Тел.: (017) 219-23-84, 219-23-83, 220-21-84
Тел./факс 327-17-01
e-mail: bvb@nrb.by

Отпечатано

на республиканском унитарном предприятии
«Издательство «Белорусский Дом печати»
Лицензия № 02330/106 от 30.04.2004
220013, г. Минск, пр. Независимости, 79

Заказ № ???

Подписано в печать 27.02.2020

Формат 60x84 1/8

Офсетная печать

Усл. печ. л. 8,37

Тираж 131 экз.

Журнал зарегистрирован

Министерством информации
Республики Беларусь 20.03.2009
Свидетельство о регистрации № 175

Точка зрения редакции

не всегда совпадает с мнением авторов.

Статьи в разделе «Научные публикации»

предварительно рецензировались.

Перепечатка материалов –

согласно Закону Республики Беларусь

«Об авторском праве и смежных правах»

Распространяется по подписке

Подписные индексы:

индивидуальная подписка – 74829

ведомственная подписка – 748292

Учредитель –

Национальный банк
Республики Беларусь

© Банкаўскі веснік, 2020

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

БАНКОВСКИЙ ВЕСТНИК
BANK BULLETIN JOURNAL

Информационно–аналитический и
научно–практический журнал
Национального банка Республики Беларусь

Журнал внесен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам
Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

№ 2 (679) февраль 2020 года. Издаётся с апреля 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

Мариуш Мельчарек

Еще раз о возникновении монет

Статья посвящена проблеме возникновения монет. Благодаря появлению новых археологических находок уточнена хронология появления платежных средств в древнем мире. Отмечено, что в Греции введение монет совпало с созданием городов-государств и стало идеальным средством пропаганды.

3

Віталь СІДАРОВІЧ

Рымскія манеты – першыя грошы на Беларусі

За апошнія дзесяцігоддзі значна ўзбагаціліся звесткі пра знаходкі антычных манет на беларускіх землях. Аналіз нумізматычнага матэрыялу і яго супастаўленне з археалагічнымі культурамі далі магчымасць аўтару меркаваць, што менавіта срэбныя дэнарыі Рымскай Імперыі варта лічыць першымі грашамі на тэрыторыі Беларусі.

6

Павел ГОРБАНЬ

Шведские биллонные монеты номиналом 1 эре
в денежном обращении Речи Посполитой

В статье исследуются шведские монеты достоинством 1 эре образца 1665 г., обнаруженные на территории Беларуси. Количество находок и хронология чеканки свидетельствуют о возрождении торговли после завершения Северной войны. Несмотря на большое количество шведского биллона в обращении, номинально он не вписывался в местную монетную систему. Невысокая проба и нестабильный курс делали эту монету непривлекательной для накопления.

13

Юрий ДЕНИСЕНКО

К вопросу о некоторых нумизматических загадках
монетной чеканки Новгорода и Пскова XV–XVI вв.

Исследование посвящено монетной чеканке Новгорода и Пскова XV–XVI вв. Автор пытается разобраться в вопросе принадлежности букв-дифферентивов на новгородских и псковских монетах указанного периода, полагая, что они соответствуют не «денежникам», а лицам, ответственным за чеканку. Версии, предложенные автором, носят условный характер, однако они хорошо коррелируются как с отдельными нумизматическими данными, так и с общесоциальными событиями в целом.

19

Дзмітрый МАЦЕША

Новы тып падліковага жэтона (лічмана)
падскарбія вялікага літоўскага Андрэя Завішы

Артыкул прысвечаны знаходцы падліковага жэтона (лічмана, падскарбуўкі) падскарбія вялікага літоўскага Андрэя Завішы. Пасада падскарбія як кіраўніка фінансавага і фіскальна-мытнага ведамства з сумяшчэннем функцый кіраўніка змісйнага цэнтра давала шырокія паўнамоцтвы. Унікальны падліковы жэтон, знойдзены ў Гродзенскай вобласці, аўтар уводзіць у навуковае абарачэнне.

36

Валерий КОБРИНЕЦ

**Клад третьей четверти XVII в.
из д. Докучино Крупского района
(из фондов Национального исторического музея
Республики Беларусь)**

Исследование посвящено кладу XVII в., обнаруженному в Минской области в 1962 г., из собрания Национального исторического музея Республики Беларусь. В научный оборот вводится новый нумизматический материал: 62 монеты западноевропейской чеканки, 192 – русской. Среди последних – копейки, чеканенные вне пределов государственных денежных дворов. В статье приводятся данные о ценах на некоторые виды товаров, выявленные в бумагах Брестского городского суда за 1660-е гг.

40

Виктор МАЛЕЖИК

**Российская денга выпусков 1730–1754 гг.
в кладах, найденных на территории Беларуси**

Исследование посвящено российской денге, датированной 1730–1754 гг., в кладовых комплексах, обнаруженных на территории Беларуси. Это было время, когда предпринимались отчаянные попытки сохранить Речь Посполитую как государство, в том числе путем оздоровления национальной денежной системы и возрождения самодостаточной монетной чеканки в условиях глубокого кризиса и экспансии иноземной монеты. Автор объединяет информацию об известных комплексах монет, содержащих русскую денгу указанного периода, вводит в научный оборот новый нумизматический материал, обозначает его особенности применительно к рассматриваемой теме.

45

Валерий КОЛЕСИНСКИЙ, Иосиф СУДНИК
**Метрические характеристики прусских ортов 1699 г.,
найденных на территории Беларуси**

Статья посвящена анализу технологических характеристик прусских ортов, датированных 1699 г., обнаруженных на территории Беларуси. Авторы приводят новые сведения об указанных монетах и вводят их в научный оборот. На протяжении XVII–XVIII вв. орты являлись полновесными и популярными монетами, хотя и отличались по весу, размеру и пробе, а также по технологии чеканки.

51

Вячеслав ФИЛИНОВ

О Кричевском кладе «1909–1910–1911 гг.»

Статья посвящена научной инвентаризации нумизматического фонда дореволюционного времени. На основе изучения архивных дел о находках кладов в Могилевской губернии автор приводит примеры недостоверности исходных, базовых данных о кладах, их составе, месте и времени находки, приводимых в печатных работах справочного характера, перечнях и сводках. Наилучший способ избежать подобных ошибок – использовать те данные, которые содержатся в документальных, прежде всего архивных, источниках.

54

Михаил ОРЛИК

**К вопросу ипотечного кредитования
аграрного сектора в Приднепровской Украине
(вторая половина XIX в. – начало XX в.)**

Целью статьи является исследование ипотечного кредитования в Приднепровской Украине во второй половине XIX в. – начале XX в. Также проанализированы взгляды отдельных экономистов XIX в. – начала XX в. на проблемы ипотеки и кредитования в целом.

58

Виктор КАКАРЕКО

**Особенности денежного обращения на Гродненщине
в годы Первой мировой войны**

Автор статьи предлагает взглянуть глазами современного исследователя-коллекционера монет и банкнот на события в преддверии и в первые годы Первой мировой войны на территории Гродненщины. Нумизматический аспект позволяет лучше познать историю денежно-кредитной системы тех лет, особенности денежного обращения.

61

Кшиштоф ФИЛИПОВ, Барбара КУКЛИК

**Боны в немецких лагерях для польских
военнопленных во время войны (1939–1945)**

Статья посвящена денежному обращению в лагерях для военнопленных поляков в годы Второй мировой войны. Во всех таких лагерях немецкое военное командование ввело в 1939 г. специальные денежные средства (боны), которые были изготовлены заранее в рамках подготовки к войне. Авторы исследуют разнообразные боны и особенности их обращения в различных лагерях на территории Европы.

66

Еще раз о возникновении монет¹

Мариуш МЕЛЬЧАРЕК

Институт археологии и этнологии Польской академии наук, доктор исторических наук, профессор, Польша, г. Лодзь, e-mail: mielmar@umk.pl

Возникновение монет – обстоятельства создания монетарных денег, время начала выпуска монет и результаты их появления, в т. ч. насчитывающая долгую историю дискуссия о значении античных городов (polis, или также poleis) для распространения монет² – это вопрос, которому уделено много внимания. Рассуждения на эту тему начались еще в древние времена. Информация Геродота (1.94) о том, что лидийцы были первыми, кто стал чеканить монеты из золота и серебра, стала поводом для множества других мнений. Не-

возможно не упомянуть античных авторов Ксенофонта и Аристотеля. Аристотель посвятил монетной тематике и происхождению денег свои работы «Политика» (1.3.10–18) и «Никомахейская этика» (5.5). После Аристотеля произошло «разделение» мнений относительно основных свойств монеты – ее символического характера и экономического значения. Было сформулировано мнение³, что после Аристотеля хозяйственной функцией денег занялись знатоки экономики, а их символическим значением – политики (монета постепенно переставала быть символом, символом стало то, что было изображено на монетном штемпеле).

Известен ряд мнений на тему времени и обстоятельств изобретения монеты⁴. Они трансформировались под влиянием новых интерпретаций, касающихся результатов прежних исследований, новых археологических открытий, а также монетных находок и их тщательного анализа.

Долго царил мнением, что монеты были созданы в Лидии во второй четверти VI в. до н. э. Это была популярная датировка, поддерживаемая, среди прочего, благодаря авторитету Ж. Ле Ридера, автора значительной работы на тему истоков монеты⁵ (это подчеркнул В. Фишер-Боссерт⁶), в которой проанализированы доступные материалы того времени. Для новейших решений очень важным оказалось изменение хронологии археологических находок из эфесского Артемизона⁷, считавшихся самыми старыми монетами – были представлены аргументы для их датировки 650–625 гг. до н. э. Новое мнение⁸ появилось в результате переоценки⁹ хронологии Центральной базы храма Артемиды в Эфесе¹⁰. Очередной аргумент в пользу необходимости изменить датировку – это возрастающее количество типов регистрируемых монет из электрума; в настоящее время их насчитывается около 400¹¹.

¹ Перевод с польского.

² Why did the Greek polis originally need coins? *Historia*, 45, 3, 1996, p. 257–283; L. Kurke, *Coins, bodies, games, and gold. The politics and meaning in Archaic Greece*, Princeton 1999; R. Seaford, *Money and the early Greek mind*, Cambridge, 2004.

³ Jankowska, A. *Arystoteles i archeologia o Grecji okresu archaicznego. Formowanie polis, rozwój gospodarczy, początki monety*, Warszawa, 2017. Praca doktorska napisana w Instytucie Archeologii i Etnologii PAN.

⁴ Price, M.J. *Thoughts on the beginning of coinage*. (w:) C.N.L. Brooke, B.H.I.H. Stewart, J.G. Pollard, T.R. Volk (eds.), *Studies in numismatic method presented to Philip Grierson*, Cambridge 1983, p. 1–10; R.W. Wallace, *The origin of electrum coinage*, *American Journal of Archaeology* 91, 1987, p. 385–397; D. Schaps, *The invention of coinage and the monetization of Ancient Greece*, Michigan 2004; S. von Reden, *Money in classical Antiquity*, Cambridge 2010.

⁵ G. Le Rider, *La naissance de la monnaie, pratique monétaires de l'Orient ancien*, Paris.

⁶ Fischer-Bossert, W. *Electrum coinage of the 7th century B.C.*, (w:) O. Tekin (ed.) *Second International Congress on the History of Money and Numismatics in the Mediterranean World – Proceedings*, Antalya, 2018, 15 ff.

⁷ IGCH 1153, 1154. Pierwsza publikacja: B.V. Head, *The coins*, w: D.G. Hogarth o.c.; S. Karwiese, *The Artemisium coin hoard and the first coins of Ephesus*, *Revue Belge de Numismatique et de Sigillographie*, 137, 1991, p. 1–28.

⁸ Wartenberg, U. *Die Geburt des Münzgeldes: Die frühe Elektronprägung*, *Mitteilungen der Österreichischen Numismatischen Gesellschaft*, 56, 1, 2016, p. 32–34.

⁹ Pierwszej „korekty” archeologicznych” ustalení D.G. Hogartha (*British Museum Excavations at Ephesus. The Archaic Artemisia, London 1908*) dokonali A. Bammer, *Les sanctuaires des VIIIe et VIIe siècle à l'Artemision d'Ephèse*, *Revue Archéologique* 1991, 1, p. 63–84 (szczególnie 72, 74). Ustalenia A. Bammera wykorzystał G. Le Rider.

¹⁰ Weissl, M. *Grundzüge der Bau- und Schichtenabfolge im Artemision von Ephesos*, *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes*, 71, 2002, p. 313–346; M. Kerschner, W. Prochaska, *Die Tempel und Altäre der Artemis in Ephesos und ihre Baumaterialien*, *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes*, 80, 2011, p. 73–153.

¹¹ Fischer-Bossert, W. o.c., 15; W. Fischer-Bossert, *Brüllende Löwen. Eine Elektronserie des 6. Jahrhunderts v. Chr.*, *Mitteilungen der Österreichischen Numismatischen Gesellschaft*, 56/1, 2016, p. 23–29.

В этой ситуации следует согласиться с мнением, что выпуск монет в Лидии был начат, как описывает В. Фишер-Боссерт, за три поколения до Креза (561–547/6), то есть около середины VII в. до н. э., а может и еще немного раньше¹². После изменения хронологии появилось мнение о том, что надписи, обнаруженные на монетах из электрума, расшифрованные как «KUKALIM» и «WALWET»¹³, могут быть именами правителей (и не только), правивших до Креза (о них написал Геродот). Однако существуют сомнения относительно такой идентификации с точки зрения хронологических расхождений. Здесь стоит напомнить о находке монет из электрума, сделанной во фригийском Гордионе¹⁴, где находился лидийский гарнизон, это наводит на мысль о том, что монетами из электрума платили жалование солдатам.

Важно отметить, что в результате раскопок на территории Сард¹⁵ под вопросом оказалось утверждение, что самые старые электрумные монеты чеканились из натурального электрума. Было отмечено, что очень рано к натуральному электруму начали добавлять серебро¹⁶.

Новое предложение датировки, касающееся начала чеканки монет из электрума, заставляет по-новому посмотреть на локальные рынки Малой Азии. Это продиктовано весьма важной причиной, касающейся обстоятельств создания монет. Было отмечено, что когда в Лидии начали чеканить монеты из электрума (с уверенностью можно сказать, что почти в это же время аналогичные действия были предприняты в Ионии), в экономике поздней Ассирийской империи (VIII–VII в. до н. э.) повсеместно использовалось рубленое серебро – hacksilber¹⁷. В ассирийских текстах есть много упоминаний серебра – серебром расплачивались, серебро предоставляли в качестве ссуды¹⁸.

В последнее время было найдено много кладов рубленого серебра hacksilber¹⁹, в том числе и в ходе археологических раскопок.

Самые многочисленные сокровища рубленого серебра hacksilber были зарегистрированы на территории Леванта (ассирийцы овладели Левантом во второй половине VIII в. до н. э.). Старейшая и самая популярная форма бытования серебра напоминала современную плитку шоколада²⁰. Со временем серебро рубили в любой форме, в том числе

и в форме ювелирных изделий. Форма серебра не имела значения. Важно было качество серебра. Самое важное, что в ряде археологических находок в комплексе из Тель-Микне – Экрона было открыто рубленое серебро, упакованное в мешочки из ткани²¹. Мешочки были связаны и опечатаны. На печати, по вавилонской традиции, значилось имя того, кто упаковывал серебро в мешочки. Одна из самых старых таких булл происходит из Ларса в Вавилонии и относится к древнеавилонскому периоду.

Как подчеркивала К. Томпсон, то, что мешочки были снабжены печатью, должно было уберечь клад от нежелательного вскрытия²². На ней было указано, сколько весит серебро, и, наверняка, описано качество серебра – металлографический анализ всех обломков серебра из одного мешочка подтвердил, что все фрагменты серебра были одинакового качества. Здесь стоит обратить внимание, что рубка больших фрагментов серебра была продиктована не только желанием получить определенный вес, но и необходимостью проверить, нет ли среди собранных кусков серебра экземпляров с медным ядром²³. Среди серебра в форме «шоколадных плиток» известен такой случай.

Печати, которыми снабжались мешочки серебра, указывающие на того, кто подтвердил ценность мешочка, в Лидии были перенесены на монеты. Например, монета с надписью: «ΦΑΝΕΟΣ ΕΜΙ ΣΗΜΑ» – это знак Фанеса²⁴. Лидийцы на куски металла определенного веса перенесли то, что знали из печатей, связанных с использованием рубленого серебра. Об обстоятельствах такого решения можно спорить. Геродот (1.94) описывал лидийцев как торговцев²⁵. В Лидии до сих пор не было найдено клада рубленого серебра. Было ли помещение печати на куске электрума связано с отсутствием серебра в Лидии? Вряд ли, если учесть, что серебро добавляли в электрум. Быть может, это происходило «извне». Здесь стоит обратить внимание на то, что среди самых древних монет, выпускавшихся в Эфесе, есть электрумные и серебряные монеты, которые выпускались с одной и той же чеканкой²⁶.

Остается открытым вопрос, какова стоимость монеты из электрума по отношению к монете из серебра. Дело в том, что дискуссия на тему стои-

¹² W. Fischer-Bossert, *Electrum ...*

¹³ Dale, A. WALWET and KUKALIM. *Lydian coin legends, dynastic succession and the chronology of Mermnad kings*, *Kadmos* 54, ½, 2015, p. 151–166; W. Fischer-Bossert, *Electrum ...*, 16; Zob. O. Carruba, *Valvel e rkalil monetazione arcaica della Lidia: problem e considerazioni linguistiche*, (w:) R. Martini, N. Vismara (eds.), *Ermanno A. Arslan studia dicata. Parte I. Monetazione greca e Greco-imperiale*, *Glaur* 7, Milano, 1991, p. 13–23.

¹⁴ Thompson, M. Mörholm, O. Kraay, C.M. (eds.), *An Inventory of Greek Coin Hoards*, New York, 1973 [*American Numismatic Society*] (IGCH 1176).

¹⁵ Ramage, A., Craddock, P. (eds.), *King Croesus' gold. Excavations at Sardis and the history of gold refining*, London, 2000.

¹⁶ Zob. *opracowania zawarte w*: A. Ramage, P. Craddock (eds.), o.c.; W. Fischer-Bossert, *Electrum ...*, p. 16–19.

¹⁷ Balmuth, M. (ed.), *Hacksilber to coinage. New insight into the monetary history of the Near East and Greece*, *ANS NS* 24, New York 2001; Ch. Thompson, *Sealed silver in Iron Age Cisjordan and the 'invention' of coinage*, *Oxford Journal of Archaeology*, 22, 2003, p. 67–107.

¹⁸ Zawadzki, S. *Podstawy gospodarcze nowoassyryjskiej świątyni*, Poznań, 1981, p. 73–85. *Przykłady dokumentów*: J. Zablocka, T. Zawadzki (eds.), *Wybór źródeł do historii starożytnego Wschodu (do pol. I tysiąclecia pne.)* Poznań, 1966, p. 122–123.

¹⁹ Thompson, Ch.M. o.c.

²⁰ Thompson, Ch.M. o.c., p. 71–74.

²¹ Thompson, Ch.M. o.c., p. 100–102.

²² Thompson, Ch.M. o.c., p. 85–86.

²³ Thompson, Ch.M. o.c., p. 74.

²⁴ *Z bogatej literatury*: M.R. Alfordi, *Phanes: einige Gedanken zur Peron*, (w:) S. Scheers (ed.) *Studia Paulo Naster oblata, I. Numismatica Antiqua*, Leuven 1982, 1–6; P.R. Franke, R. Schmitt, *ΦΑΝΕΟΣ – ΦΑΝΟΣ ΕΜΙ ΣΗΜΑ*, *Chiron*, 4, 1974, p. 1–4.

²⁵ *Κάπηλοι*. Zob. W.W. How, J. Wells, *A commentary on Herodotus*, Oxford 1975, p. 103.

²⁶ Fischer-Bossert, W. *Ephesos switching from electrum to silver*, (w:) M. Nollé, P.M. Rothenhöfer, G.S. Schmied-Kowarzik, H. Schwartz, H.Ch. von Mosch (eds.), *Panegyrikoí logoi. Festschrift für Johannes Nollé zum 65. Geburtstag*, Bonn, 2019, p. 157–171.

мости монет из электрума имеет долгую историю и дала два противоположных результата. Первый – большое количество мелких электрумовых монет наводило на мысль, что подобными монетами пользовались для мелких сделок. Вторая теория – монеты из электрума имели большую стоимость по сравнению с монетами из серебра.

В эллинском мире использование серебра было не в новинку²⁷. В находках на территории Леванта обнаружено серебро, происходящее, среди прочего, из Лауриона, Сифноса и Халкидик. Клад рублено-

го серебра – из Эретрии. Об использовании серебра в Афинах может свидетельствовать перевод, относящийся ко временам Солона (594)²⁸. Нельзя забывать, что греческая колонизация очень широко раздвинула границы эллинского мира, как политические, так и экономические.

Однако в случае с Грецией введение монет совпало как раз с созданием государств-городов — «полисов», общин равноправных граждан. *Polis* хотел развиваться, хотел заявить о себе. Монета была идеальным средством пропаганды.

Once Again About the Occurrence of Coins

Mariusz MIELCZAREK, *Institute of Archeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Poland, Lodz, e-mail: mielmar@umk.pl.*

Abstract. *The article is devoted to the problem of the emergence of coins. Thanks to new archaeological finds, the chronology of the appearance of means of payment in the ancient world has been clarified. It is noted that the introduction of coins in Greece coincided with the creation of city-states and became an ideal means of propaganda.*

²⁷ Thompson, Ch.M. o.c., 90–93; W. Fischer-Bossert, *Ephesos ...*

²⁸ Kraay, C.M. *Archaic and Classical Greek coins*, London 1976, 314; S. Karwiese, *Aristotels' Ath. Pol. C. 10: des Rätsels Lösung?*, *Litterae Numismaticae Vindobonenses Roberto Goebel Dedicatae*, Wien 1979, p. 23–42; Ch.M. Thompson, o.c., 90.

Рымскія манеты – першыя грошы на Беларусі

Віталь СІДАРОВІЧ

УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт», загадчык вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта, Рэспубліка Беларусь, г. Мінск, e-mail: wital.sidarowicz@gmail.com

нет былі зафіксаваны ў вярхоўях Заходняга Буга і Стыра (правага прытока Прыпяці) [10, рис. 8], але знойдзены ў Беларусі манеты [36, р. 129–130] значна пашыраюць арэал іх распаўсюджання і дазваляюць выказаць меркаванне, што невялікая частка гецакага насельніцтва праз басейн Прыпяці магла дасягнуць Верхняга Падняпроўя. Варта адзначыць, што геты, якія ратаваліся ад скіфаў, сыходзілі, на думку А. Лявінскага [10, с. 120], у слабазаселеныя рэгіёны. Верагодна, такім рэгіёнам магла быць і тая частка Беларускага Падняпроўя, дзе былі знойдзены імітацыі тыпу *Huși-Vovriești*. Гэтая тэрыторыя ў апошній трэці IV ст. да н. э. з'яўлялася або паўночнай перыферыяй мілаградскай культуры [8, с. 75–76], або «кантактнай зонай» паміж днепра-дзвінскай і мілаградскай культурамі [12, с. 33–37, рис. 2].

Але пранікненне гэтых манет у Верхняе Падняпроўе было, хутчэй, спарадычным, і яго ні ў якім разе нельга лічыць пачаткам грашовага абарачэння на тэрыторыі нашай краіны. Тое самае можна казаць і пра вельмі нешматлікія знаходкі грэчаскіх [37, р. 72–73] і кельцкіх манет [6; 7] III–I стст. да

Распрацаваная заснавальнікам беларускай нумізматыкі В.Н. Рабцэвічам перыядызацыя грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі пачыналася з перыяду рымскага дэнарыя, але разглядаўся гэты перыяд вельмі сцісла [20, с. 105–106]. У значнай ступені гэта было выклікана недахопам інфармацыі. За апошнія дзесяцігоддзі звесткі пра знаходкі антычных манет на беларускіх землях значна ўзбагаціліся, што дазваляе скарэктаваць наша разуменне гэтага перыяду.

Першае, пакуль яшчэ спарадычнае і нязначнае, паступленне манет на нашы землі можна ўпэўнена адносіць да латэнскай эпохі – апошніх стагоддзяў да н. э. У беларускай частцы Верхняга Падняпроўя лакалізуюцца знаходкі так званых тэтрадрахмаў тыпу *Huși-Vovriești* (Хушы-Ваврыешці), якія з'яўляюцца імітацыямі македонскіх тэтрадрахмаў Філіпа II (359–336 гг. да н. э.). Характэрнай асаблівасцю гэтых срэбных манет з'яўляецца наяўнасць глыбокіх надсечак на рэверсе (малюнак 1). На думку А. Лявінскага, вытворчасцю імітацый тыпу *Huși-Vovriești* займалася фракійскае племя трыабалаў у другой палове IV ст. да н. э., а распаўсюджанне гэтых манет на поўнач звязана з іншым фракійскім племенем – гетамі, якія пасля разгрому іх у 331 г. да н. э. скіфамі мігрыравалі ў розныя рэгіёны, у тым ліку на Валынскае ўзвышша [10, с. 31, 119–120].

Менавіта тэтрадрахмы тыпу *Huși-Vovriești* з'яўляюцца адным з маркераў міграцый гетаў. Да пэўнага часу самыя паўночныя знаходкі такіх ма-

1

2

3

Тэтрадрахмы тыпу *Huși-Vovriești* з Магілёўскай вобласці:
1 – в. Ізюмава, Бабруйскі раён; 2–3 – в. Гарадзец, Быхаўскі раён
Малюнак 1

Тэтрахалк Панцікапея (220–210 гг. да н. э.) з г. Пінска Брэсцкай вобласці (Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь)
Малюнак 2

Дэнарыі Рымскай Рэспублікі (са збору Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь)

Малюнак 3

н. э. (малюнак 2), а таксама пра дэнарыі Рымскай Рэспублікі II–I стст. да н. э. Апошнія сустракаюцца ў Беларусі ўжо крыху часцей [33, р. 99–100], але не ў такой колькасці, каб іх пранікненне можна было назваць масавым. Распаўсюджанне рымскіх рэспубліканскіх дэнарыяў (малюнак 3) і, хутчэй за ўсё, кельцкіх манет звязана, перадусім, з пашырэннем у пачатку так званай эпохі рымскіх уплываў (на мяжы эр) арэала пшэворскай археалагічнай культуры, якую звязваюць з гістарычна вядомым усходнегерманскім племенем вандалаў. Бясспрэчна, пшэворскія помнікі I–II стст. н. э. вядомы на крайнім паўднёвым захадзе Беларусі, у правабярэжжы Заходняга Буга [4, с. 237], але цалкам верагодна, што экспансія асобных груп пшэворцаў на ўсход і паўночны ўсход акранула больш значныя тэрыторыі Беларусі. Пра гэта ўскосна могуць сведчыць знаходкі манет Рымскай Рэспублікі. Прысутнасць адносна значнай колькасці рэспубліканскіх манет у арэале пшэворскай культуры дазваляе даследчыкам меркаваць пра тое, што пшэворцы былі вельмі добра знаёмыя з прадукцыяй рымскіх манетных двароў, якую яны атрымлівалі, магчыма, з кельцкага асяроддзя [31, р. 107–111; 33, р. 93, 99–100]. Верагодна, з вандаламі можна звязваць і пачатак

паступлення на нашы землі манет Рымскай Імперыі, адчаканеных у I–II стст.

На жаль, слабая даследаванасць пшэворскіх помнікаў на тэрыторыі Беларусі і малалікасць знаходак дэнарыяў Рымскай Рэспублікі не дазваляюць выказаць меркаванні аб ролі гэтых манет у жыцці насельніцтва захаду Беларусі ў I ст. – сярэдзіне II ст. Магчыма, мы можам лічыць, што дзякуючы вандалам адбылося першае знаёмства тутэйшага насельніцтва з такім надзвычай важным прадуктам антычнай цывілізацыі, як манета.

Сапраўдны масавы прыток манет Рымскай Імперыі звязаны ўжо з іншымі народамі. Гэта, у першую чаргу, яшчэ адно ўсходнегерманскае племя – готы, якія з’яўляліся носьбітамі вельбарскай археалагічнай культуры. Прыкладна ў апошнія дзесяцігоддзі II ст. яны пачынаюць свой рух з Памор’я ў паўднёва-ўсходнім напрамку і займаюць вялізныя тэрыторыі, у тым ліку Беларускае Пабужжа. Насельніцтва вельбарскай культуры было вельмі добра знаёма з рымскімі манетамі. Яшчэ падчас свайго размяшчэння ў Памор’і готы кантралявалі знакаміты Бурштынавы шлях, безумоўна, маючы з гэтага прыбытак у выглядзе рымскіх прадметаў, у тым ліку манет. Пачынаючы з III ст., калі на тэрыторыі сённяшніх Украіны, Малдовы і Румыніі ўтвараецца чарняхоўская культура¹, аснову якой складалі менавіта готы, гоцка-рымскія кантакты робяцца вельмі інтэнсіўнымі. Гэтыя кантакты маюць, у першую чаргу, не эканамічны, а вайсковы характар. Нарабаваны падчас набегу на рымскія правінцыі багацці, а таксама выплаты кантрыбуцый і выкупаў за палонных мелі вынікам назапашвання ў варвараў каласальнай колькасці рымскіх манет. Апрача таго, Рымская Імперыя рэгулярна выплачвала значныя грашовыя сумы прыгранічным плямёнам за «лаяльнасць», г. зн. за падтрыманне міру і ахову рымскага лімеса (мяжы) ад іншых нападнікаў, а шмат варвараў (у першую чаргу, германцаў) служылі ў дапаможных частках рымскай арміі. Не варта адкідваць і эканамічныя спосабы паступлення грашовых эмій Рымскай Імперыі ў Барбарыкум [28, с. 70–71]. У перыяды мірнага суіснавання ў Імперыю ад паўночных варвараў масава паступалі харчаванне, футра, бурштын і г. д. У адваротным кірунку рухаліся прадметы раскошы, бронзавыя і шклянны посуд, упрыгажэнні і, безумоўна, манеты (у першую чаргу, срэбныя дэнарыі).

Большасць беларускіх знаходак рымскіх срэбных манет паходзіць з захаду і паўднёвага захаду краіны. Найвялікшая іх канцэнтрацыя назіраецца ў Пабужжы [22], якое ў эпоху рымскіх уплываў было занята помнікамі вельбарскай культуры. Яшчэ адзін рэгіён, для якога характэрна значная колькасць рымскіх дэнарыяў, таксама варта звязваць з насельніцтвам гэтай культуры. Гэта Пінска-Столінскае Палессе (пераважна, міжрэчча Стыра і Гарыні) з прылеглым да яго басейнам Ясельды [3, с. 391–392; 25].

Наступным рэгіёнам са значнай колькасцю знаходак рымскага манетнага срэбра з’яўляецца частка Панямоння, якая адпавядае сённяшнім заходнім раёнам Гродзенскай вобласці, перадусім Шчучынскаму

¹ Помнікі гэтай культуры на тэрыторыі Малдовы і Румыніі частка даследчыкаў вылучае ў асобную культуру Сынтана дэ Мурэш.

і Гродзенскаму. На жаль, археалагічная даследаванасць помнікаў першых стагоддзяў н. э. на захадзе Гродзеншчыны застаецца вельмі слабой і этнакультурная прыналежнасць мясцовага насельніцтва ў эпоху рымскіх уплываў і ў пачатку эпохі вялікага перасялення народаў застаецца, як правіла, пад пытаннем. Але значная колькасць знаходак срэбных рымскіх манет [18; 26], у тым ліку і скарбаў [19; 2], якія ўласціва для арэалаў германскіх археалагічных культур, дазваляе меркаваць, што гэтая частка Панямоння магла быць заселена носьбітамі вельбарскай культуры або, прынамсі, з'яўляцца зонай іх актыўнай экспансіі. Ускосна пра гэта могуць сведчыць археалагічныя даследаванні ў прылеглых да Гарадзеншчыны раёнах Польшчы [гл., напрыклад: 27, с. 229–258].

Такім чынам, ёсць значныя падставы меркаваць, што насельніцтва вельбарскай культуры з'яўлялася асноўным (нават дамінуючым) пастаўшчыком рымскіх манет на тэрыторыю Беларусі. Але гэтыя датычэнні срэбных дэнарыяў (малюнак 4) і, верагодна, рымскага манетнага золата. Медныя манеты Рымскай Імперыі (перадусім, буйныя наміналы II ст. – сярэдзіны III ст.) паступалі на нашы землі іншымі шляхамі. Памеры гэтых паступленняў, у параўнанні са срэбрам, былі даволі сціплымі, але іх нельга назваць выпадковымі. Звязаны яны, перадусім, са складанымі этнасацыяльнымі працэсамі, якія адбываліся ў эпоху рымскіх уплываў.

Дэнарыі Рымскай Імперыі (са скарбу з-пад в. Малеч Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці; Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь)

Малюнак 4

Так, у III–IV стст. адбываюцца міграцыі балцкага насельніцтва з паўночна-ўсходняй Польшчы і заходняй Літвы ва ўсходнім напрамку, у тым ліку на тэрыторыю Беларускага Панямоння. З гэтым насельніцтвам звязана, хутчэй за ўсё, фарміраванне культуры ўсходнелітоўскіх курганоў [13, с. 16–18]. Сведчаннем гэтых міграцый могуць быць адносна шматлікія знаходкі рымскай імперскай манетнай медзі, у першую чаргу ў паўночна-ўсходнім Панямонні, а таксама на нёманска-дзвінскім водападзеле. Варта падкрэсліць, што ў гэтым рэгіёне абсалютна

пераважаюць буйныя медныя наміналы сталічнай чаканкі. Такія манеты, на думку А. Запольскай, траплялі ў заходнебалцкія культуры пераважна праз прырэйнскія правінцыі [38, с. 112–113].

На поўначы і ўсходзе Беларусі таксама назіраецца адносна вялікая колькасць медных наміналаў Рымскай Імперыі. Але ў параўнанні з заходнімі абласцямі нашай краіны сярод рымскай медзі тут значную частку складаюць эмісіі ўсходніх правінцый Імперыі (малюнак 5: 3–4), перадусім балканскіх і дунайскіх. Гэта датычыцца, у першую чаргу, Падняпроўя, з якога паходзіць каля паловы падобных знаходак у Беларусі [37]. У той жа час тут рэгулярна сустракаецца і медзь сталічнай чаканкі (малюнак 5: 1–2), і срэбныя дэнарыі. Своеасабліваць у складзе знаходак рымскіх

Медныя манеты Рымскай Імперыі з Віцебскай вобласці:

- 1 – сестэрцыі Аляксандра Сэвера (в. Гута, Ушацкі раён);
- 2 – сестэрцыі Люцыя Вера (бераг воз. Недрава, Браслаўскі раён);
- 3 – манета Юліі Домны (в. Копцевічы, Чашніцкі раён);
- 4 – манета Макрына (в. Юзафова, Глыбоцкі раён). 1–2 – Рым; 3–4 – Нікея (Віфінія)

Малюнак 5

манет на ўсходзе Беларусі тлумачыцца шляхам іх паступлення – з Сярэдняга Падняпроўя. Распаўсюджанне разнастайных рымскіх імпартаў, у тым ліку і манет, стала вынікам утварэння кіеўскай археалагічнай культуры (якая лічыцца адным з верагодных продкаў славян) і далейшых міграцый носьбітаў яе традыцый уверх па Дняпры і яго прытоках, а таксама па прытоках Дзвіны [11, с. 70–72, 90–91]. Гэта культура мела цесныя сувязі з чарняхоўскай культурай, якая, у сваю чаргу, беспасрэдна кантактавала з усходнімі рымскімі правінцыямі. У арэале чарняхоўскай культуры зафіксавана каласальная колькасць знаходак рымскіх манет [16], сярод якіх невялікую, але абавязковую частку складаюць менавіта эмісіі балканскіх, дунайскіх і малаазійскіх правінцый Рымскай Імперыі [1, с. 149, 151]. Аднак, знаходкі манет у арэале кіеўскай культуры з'яўляюцца ў пэўнай ступені адлюстраваннем падобных знаходак у чарняхоўцаў.

Колькасць знаходак залатых рымскіх манет у параўнанні з меднымі, а тым больш са срэбнымі, з'яўляецца зусім мізэрнай. На сёння вядома толькі 16 аўрэўсаў і солідаў з 6 месцазнаходжанняў на тэрыторыі Беларусі. Верагодна, што ўсе яны мелі адтуліны або прымацаваныя вушкі, г. зн. з'яўляліся ўпрыгажэннямі (малюнак 6). Падобнае выкарыстанне рымскага манетнага золата характэрна не толькі для

1

2

Падвескі з рымскіх солідаў другой чвэрці IV ст. з Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці (прыватная калекцыя)

Малюнак 6

нашай тэрыторыі, але і для значнай часткі Барбарыкума [гл., напрыклад: 15; 30].

Варварскія плямёны, як правіла, не ўспрымалі залатыя манеты як плацежныя сродкі. Аналагічная сітуацыя назіраецца і з манетнай меддзю, але зусім па іншых прычынах. Калі залатая манета пераўтваралася ў варварскім асяроддзі ва ўпрыгажэнне або «знак адвагі» [29], то медныя манеты (перадусім, буйныя наміналы канца I ст. – сярэдзіны III ст.) выкарыстоўваліся ў якасці сыравіны для бронзаліцейнай вытворчасці. Пацвярджэннем гэтага меркавання служаць знаходкі фрагментаваных (у старажытнасці) манет (малюнак 7). Пераканаўча аб такім выкарыстанні рымскай манетнай медзі сведчыць знаходка абломка сестэрцыя ў бронзаліцейнай печы на гарадзішчы Наркунай у Літве [32, р. 11].

Цалкам верагодна, што сыравінная функцыя не была адзінай для медных рымскіх манет. Магчыма, яны маглі выкарыстоўвацца і ў гандлёвых аперацыях

Адсечаны фрагмент сестэрцыя Юліі Мамзі (222–235 гг.) з-пад в. Сянькоўшчына Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці (прыватная калекцыя)

Малюнак 7

у якасці таварагрошай. Але надзейных пацвярджэнняў гэтай гіпотэзы пакуль не існуе. Ускосна пра гэта маглі б сведчыць скарбы медных манет, але іх вельмі мала на тэрыторыі Беларусі. Сярод іх вылучаецца комплекс александрыйскіх тэтрадрахмаў апошняй чвэрці III ст. з-пад в. Турэц Карэліцкага раёна, які мог быць прывезены адным з варварскіх ваяроў, што служылі ў дапаможных атрадах рымскай арміі і бралі ўдзел у баявых дзеяннях на ўсходзе Імперыі [35]. Гэтыя манеты, якія выкарыстоўваліся іх гаспадаром на тэрыторыі Імперыі па прамым прызначэнні, у Панямонні страцілі, хутчэй за ўсё, свае пачатковыя функцыі і засталіся, відаць, толькі напамінам пра былое або папоўнілі запас каляровага металу.

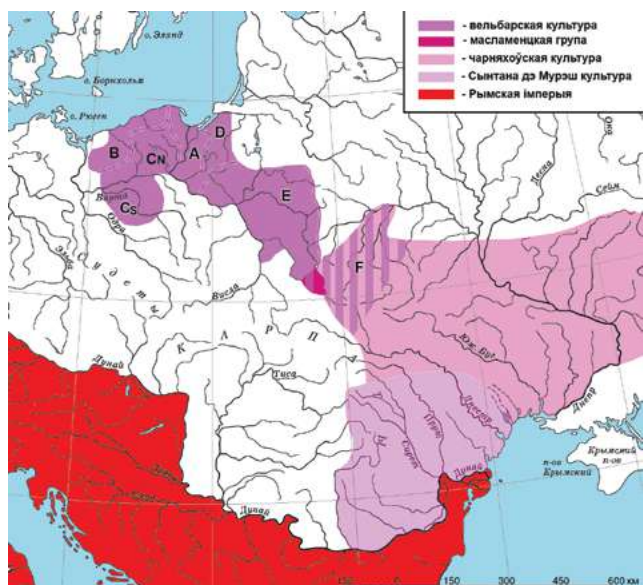
Такім чынам, ні медныя, ні залатыя рымскія манеты не маглі адыгрываць ролю першых грошай на тэрыторыі Беларусі. На гэтую ролю маглі прэтэндаваць толькі самыя масавыя на нашых землях антычныя манеты – срэбныя дэнарыі Рымскай Імперыі. Эмісіі гэтых манет былі самымі масавымі ў Старажытным Рыме. Яны павінны былі забяспечыць не толькі грашовае абарачэнне ўнутры краіны, але і інтэнсіўныя знешнеэканамічныя і знешнепалітычныя кантакты. Каласальны аб'ём імпарту самых розных тавараў – ад сыравіны і харчавання да прадметаў раскошы – вымагаў ад дзяржавы вялізных выдаткаў. Нават калі ўлічваць, што да II ст. н. э. пэўная частка імпарту была вынікам актыўнай экспансіі Рымскай Імперыі (трафеі, кантрыбуцыі і да т. п.), усё роўна значная колькасць дэнарыяў ішла на закупку замежных тавараў. Пачынаючы з другой паловы II ст. н. э. вельмі шмат рымскага срэбра выдаткоўвалася рымлянамі на выкуп палонных, выплату кантрыбуцыі, аплату «лаяльнасці» варвараў і г. д.

У розных рэгіёнах выкарыстанне рымскіх дэнарыяў было, што зразумела, неаднолькавым. Калі ў старажытных дзяржавах Азіі або на большасці непасрэдна прылеглых да Рымскай Імперыі варварскіх тэрыторый рымскае срэбра, несумненна, ужывалася ў грашовым абарачэнні, то роля гэтых манет на значнай тэрыторыі еўрапейскага Барбарыкума дагэтуль з'яўляецца дыскусійным пытаннем. Сярод рэгіёнаў з нявызначаным статусам рымскіх дэнарыяў застаецца і тэрыторыя нашай краіны.

Перадусім, варта адзначыць, што знаходкі дэнарыяў Рымскай Імперыі фіксуюцца амаль па ўсёй Беларусі, за выключэннем, магчыма, толькі некалькіх раёнаў на паўночным усходзе краіны. Але, як ужо было адзначана вышэй, канцэнтрацыя гэтых знаходак у розных рэгіёнах вельмі значна адрозніваецца – калі на Пабужжы дэнарыі можна лічыць тысячамі (а магчыма, і дзясяткамі тысяч), то ў Падзвінні іх вядома менш за дзясятка. Таму разважаць аб тым, ці можна лічыць срэбныя рымскія манеты першымі грашамі на тэрыторыі Беларусі, мы можам толькі ў дачыненні да паўднёва-заходняй часткі краіны, а менавіта да тэрыторыі, якая ў эпоху рымскіх уплываў з'яўлялася месцам пражывання (і экспансіі?) гота-гепідскіх плямёнаў, г. зн. вельбарскай археалагічнай культуры (малюнак 8).

Перад пачаткам гэтых разважанняў абавязкова трэба ўзгадаць пяць функцый, якія, згодна з палітэканамічнай думкай, уласцівыя грошам:

- 1) мера вартасці;
- 2) сродак абарачэння;

Арэалы вельбарскай і чарняхоўскай культур (аўтар В.Г. Белявец)
Малюнак 8

- 3) сродак плацяжу;
- 4) сродак накаплення;
- 5) сусветныя грошы.

На жаль, функцыю меры вартасці практычна немагчыма прасачыць па археалагічных даных. Мы можам толькі меркаваць, што рымскія дэнарыі, якія з'яўляліся невялікімі зліткамі высакакаснага срэбра, маглі выконваць гэтую функцыю разам з іншымі прадметамі.

Існаванне функцыі сродку абарачэння варта лічыць больш аргументаваным. Па-першае, рымскія манеты шырока распаўсюджаны ў арэале вельбарскай культуры [гл., напрыклад: 28; 34], хаця самі па сабе падобныя знаходкі не з'яўляюцца адназначным доказам выкарыстання іх у якасці плацежнага сродку. Па-другое, актыўнае выкарыстанне рымскіх манет уласціва для бліжэйшых сваякоў вельбарцаў – носьбітаў чарняхоўскай археалагічнай культуры, якая ў III–IV стст. была распаўсюджана на тэрыторыі сучасных Украіны і Малдовы. Насельніцтва чарняхоўскай культуры было добра знаёма з рымскімі манетамі, сярод якіх абсалютна пераважаюць срэбныя дэнарыі. На думку К. Мызгіна, на захадных ускрайках гэтай культуры, набліжаных да лімесна (мяжы Рымскай Імперыі), мела месца актыўнае выкарыстанне манет. Даследчык мяркуе аб існаванні ў гэтым рэгіёне грашовых адносін, але толькі на іх першапачатковай стадыі [14, с. 75–76]. У сваю чаргу, І. Зінькоўская лічыць, што ва ўсім арэале чарняхоўскай культуры ўжо існавала грашовае абарачэнне, няхай і ў пачатковай форме [9, с. 37–38]. Нарэшце, ролю рымскіх манет у жыцці чарняхоўцаў падкрэсліваюць даволі частыя знаходкі варварскіх імітацый, як чаканых, так і літых [5, с. 41], прычым вытворчасць апошніх у арэале чарняхоўскай культуры цяпер мае ґрунтоўнае пацвярджэнне [17]. Можна меркаваць, што выраб манет, якія капіравалі рымскія срэбныя і залатыя наміналы, быў або выкліканы недахопам арыгінальных манет, або з'яўляўся папросту спробамі мясцовых эмісій (у выпадку са значнай

часткай літых манет², якія зроблены з некаштоўных сплаваў, гэтыя эмісіі былі фактычна фальшываманетніцтвам). У любым выпадку, можна сцвярджаць, што манеты былі практычна абавязковым і звыклым атрыбутам чарняхоўскага і, цалкам верагодна, вельбарскага насельніцтва.

Для існавання такой функцыі грошай, як сродак плацяжу, патрэбна наяўнасць ліхварства, крэдытнай гаспадаркі і да т. п. Вельбарскае насельніцтва, якое знаходзілася яшчэ вельмі далёка нават ад протадзяржаўнай стадыі развіцця, хутчэй за ўсё, не мела нічога падобнага. Таму гэтую функцыю для рымскіх манет на тэрыторыі Беларусі можна лічыць неіснуючай.

У адрозненне ад папярэдняй існаванне такой функцыі рымскага дэнарыя, як сродак накаплення, безумоўна пацвярджаецца знаходкамі скарбаў. На сённяшні дзень на тэрыторыі Беларусі зафіксавана 14 скарбаў рымскіх дэнарыяў, з якіх 6 можна лічыць дакладнымі, 5 маладакладнымі і 3 недакладнымі (інфармацыя пра апошнія застаецца вельмі сціслай і, на жаль, не паддаецца верыфікацыі). Варта адзначыць, што з усіх гэтых дэпазітаў толькі Малецкі скарб, які быў ухаваны ў ляпной пасудзіне вельбарскай культуры, мы можам упэўнена адносіць да класічных накапленняў [24]. Для іншых скарбаў невядомыя ні тара, ні часцей за ўсё, дакладныя месца і абставіны знаходкі, а такія дэпазіты, як Лышчыцкі скарб [23], а магчыма, і Ставішчанскі [21], і Алекшыцкі [2] скарбы, што былі знойдзены на забалочаных участках, могуць мець ватыўны (ахвярны) характар.

Нарэшце, з пэўнай асцярожнасцю мы можам казаць пра такую функцыю дэнарыяў на нашых землях, як сусветныя грошы. І тут, зразумела, варта абпірацца не толькі на даныя беларускай археалогіі і нумізматыкі, але і на значна шырэйшы аб'ём навуковай інфармацыі. Рымскі дэнарый стаў адной з першых сусветных валют (калі не самай першай). Ужо срэбныя манеты рэспублікі шырока выкарыстоўваліся па-за яе межамі, а дэнарыі імперыі вядомыя амаль ва ўсёй Еўропе (за выключэннем хіба толькі яе паўночна-ўсходняга ўскрайку) і на значных частках Азіі і Афрыкі.

* * *

Такім чынам, можна меркаваць, што дэнарыі Рымскай Імперыі выконвалі ў той ці іншай меры чатыры з пяці функцый грошай. Першае спарадычнае пранікненне манет на тэрыторыю сучаснай Беларусі адбываецца яшчэ ў апошнія стагоддзі да н. э. і ў пачатку н. э. разам з рознымі племяннымі групамі, а таксама ў выніку кантактаў мясцовага насельніцтва з культурамі, набліжанымі да антычных цывілізацый. Аднак гэтыя адзінкавыя экзэмпляры доўгі час застаюцца экзатычнымі і незвычайнымі сведчаннямі пра жыццё далёкіх народаў. Сапраўды шырокае распаўсюджанне манет адбываецца толькі з канца II ст. н. э. дзякуючы прыходу на нашы землі насельніцтва вельбарскай культуры. Готы, якія актыўна выкарыстоўвалі рымскія манеты, паклалі пачатак грашоваму абарачэнню на тэрыторыі Беларусі. Зразумела, што мы можам меркаваць толькі пра самую прымітыўную форму гэтага абарачэння, але, на мой погляд, менавіта срэбныя дэнарыі Рымскай Імперыі варта лічыць першымі грашамі на беларускіх землях.

² Для гэтых манет нярэдка ўжываецца тэрмін «лімесныя» дэнарыі.

Бібліяграфічны спіс:

1. Бейдин, Г.В. Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры / Г.В. Бейдин // *Древности 2012. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2012. – Вып. 11. – С. 147–159.*
2. Белявец, В. Алексійцікі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў / В. Белявец, В. Сідаровіч // *Банкаўскі веснік. – 2018. – № 2. – С. 3–16.*
3. Белявец, В.Г. Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжа II/III – пачатку V ст. н. э. / В. Белявец // *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя [ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец]. – Минск, 2016. – Кн. 1. – С. 384–450.*
4. Белявец, В.Г. Пиэворская культура / В.Г. Белявец // *Археалогія Беларусі: у 2 т. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. – С. 235–237.*
5. Бурше, А. К вопросу о технологии производства ранних варварских подражаний римским монетам (по результатам металлографических анализов) / А. Бурше, К. Мызгин // *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Материалы докладов и сообщений. – М., 2017. – С. 40–43.*
6. Горбань, П. О находке монеты кельтской Галлии на территории Беларуси / П. Горбань // *Банкаўскі веснік. – 2014. – № 3. – С. 11–12.*
7. Горбань, П. О новой находке монеты кельтов на территории Беларуси / П. Горбань // *Банкаўскі веснік. – 2016. – № 7 (636). – С. 70–71.*
8. Егарэйчанка, А.А. Мілаградская культура / А.А. Егарэйчанка // *Археалогія Беларусі: энцыклапедыя [рэд.: Т.У. Бялова і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 75–76.*
9. Зиньковская, И.В. К вопросу о торговле и денежном обращении в Остроготском королевстве Эрманариха / И.В. Зиньковская // *Вестн. ВГУ. – Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2013. – № 1. – С. 33–40.*
10. Левинский, А.Н. История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н. э.) / А.Н. Левинский // *Stratum plus: Археология и культурная антропология. – Кишинев, 2010. – № 3. – С. 15–127.*
11. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев // *Раннеславянский мир. – М., 2007. – Вып. 8. – 252 с.: ил.*
12. Лошенко, М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси / М.И. Лошенко. – Минск: Минская фабрика цветной печати, 2011. – 406 с.
13. Медведев, А.М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.) / А.М. Медведев // *Инт-истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2011. – 200 с.*
14. Мызгин, К.В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения Днепро-Донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным / К.В. Мызгин // *Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов: сб. материалов. – Серия «Germania-Sarmatia». – Калининград: Янтарный сказ, 2008. – С. 68–87.*
15. Мызгин, К.В. О хронологии поступления золотых римских монет на территорию юго-восточного Барбарикума / К.В. Мызгин // *Нумизматические чтения ГИМ 2017 года. Материалы докл. и сообщ. – М., 2017. – С. 35–40.*
16. Мызгин, К.В. Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления / К.В. Мызгин // *Stratum plus: Археология и культурная антропология. – Кишинев, 2013. – № 4. – С. 217–233.*
17. Надвірняк, О. Про деякі аспекти локалізації центрів виробництва т. зв. «литих» денаріїв I – III століть н. е. на теренах поширення черняхівської спільноти / О. Надвірняк, О. Погорілець // *Актуальні проблеми нумізматіки у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей V міжнародної науково-практичної конференції. – Меджибіж – Переяслав-Хмельницький – Кропивницький – Київ, 2018. – С. 17–21.*
18. Побаль, Л. Антычныя грошы ў Гродзенскім Панямонні / Л. Побаль // *Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 2. – С. 49–52.*
19. Побаль, Л.Д. Скарб рымскіх манет з Жалудка / Л.Д. Побаль // *Шчучыншчына: мінулае і сучаснасць: матэрыялы навук.-практ. краязнаўчай канф., прысвечанай знакамітым людзям, помнікам гісторыі і культуры, гістарычным падзеям і мясцінам Шчучыншчыны. – Ліда, Лідская друкарня, 1997. – С. 42–45.*
20. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск: Полымя, 1995. – 686 с.
21. Сідаровіч, В. Скарб рымскіх манет з-пад вёскі Ставішча Брэсцкага раёна / В. Сідаровіч // *Studia Numismatica Albaruthenica. – Мінск, 2011. – Vol. I. – С. 41–48.*
22. Сідаровіч, В. Белорусское Побужье в период римских влияний в свете нумизматических находок / В. Сідаровіч // *Деньги и их место в истории общества. Международный нумизматический симпозиум. Тезисы докладов. – Кремница, 2010. – С. 16–17.*
23. Сідаровіч, В. Лыццкі клады рымскіх манет / В. Сідаровіч // *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. – М., 2009. – С. 44–45.*
24. Сідаровіч, В. Малечкі клады рымскіх денаріев (основные итоги исследования) / В. Сідаровіч // *Pieniądz i systemy monetarne – wspólne dziedzictwo Europy: Białoruś-Bulgaria-Litwa-Lotwa-Moldawia-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina: studia i materiały. Pod red.: K. Filipowa, B. Kuklik. – Augustów-Warszawa: ZG PTN, 2012. – S. 29–35.*
25. Сідаровіч, В.М. Находки римских монет на территории белорусского и украинского Полесья (бассейн р. Припять) / В.М. Сідаровіч, К.В. Мызгин // *Другія навуковыя чытанні паміж прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча: праграма і тэз. дакл. / Беларус. дзярж. ун-т, гіст. фак.; Нац. гіст.-культурны музей-запавед. «Нясвіж». – Мінск: БДУ, 2014. – С. 16–17.*
26. Сідаровіч, В. Новые находки античных монет в Белорусском Понеманье / В. Сідаровіч // *Pieniądz – Symbol – Władza – Wojna. Wspólne dziedzictwo Europy: Białoruś-Estonia-Litwa-Lotwa-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina: studia i materiały. Pod red.: K. Filipowa, B. Kuklik. – Augustów-Warszawa: ZG PTN, 2010. – S. 42–52.*
27. Andrzejowski, J. Pod wodzą Filimera, czyli osadnicy wielbarscy na Mazowszu i Podlasiu / J. Andrzejowski // *Nowe materiały i interpretacje, stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej [red.: M. Fudziński, H. Paner]. – Gdańsk, 2007. – S. 229–258.*

28. Bursche, A. *Moneta i kruszec w kulturze wielbarskiej w okresie późnorzymskim* / A. Bursche // *Przegląd Archeologiczny*. – Warszawa, 1983. – T. 31. – S. 47–90.
29. Bursche, A. *The Battle of Abritus, the Imperial Treasury and Aurei in Barbaricum* / A. Bursche // *The Numismatic Chronicle*. – 2013. – Vol. 173. – P. 151–170.
30. Bursche, A. *Złote medaliony rzymskie w Barbaricum: symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskich u schyłku starożytności* / A. Bursche. – Warszawa: Instytut Archeologii UW, 1998. – (Światowit. Supplement Series A: Antiquity, vol. II, 1998). – 306 s. + 26 tabl.
31. Dymowski, A. *Nummi serrati, bigati et alii. Coins of the Roman Republic in East-Central Europe north of the Sudets and the Carpathians* / A. Dymowski. – Warszawa, 2016. – 341 p.
32. Luchtanas, A. *Žalvario apdirbimas ankstyvuosiuose rytų Lietuvos piliakalniuose* / A. Luchtanas // *Lietuvos Archeologija*. – 1981. – P. 5–17.
33. Myzgin, K. *Roman Republican Coins and Their Imitations from the Territory of Ukraine and Belarus* / K. Myzgin // *Римские пещно-бликанские монеты и их имитации с территории Украины и Беларуси*. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. – 290 p.
34. Romanowski, A. *Znaleziska monet rzymskich z terenów kultury wielbarskiej na Podlasiu, prawobrzeżnym Mazowszu i zachodniej Białorusi* / A. Romanowski // *Wiadomości numizmatyczne*. – Warszawa, 2007. – R. LI, z. 1 (183). – S. 29–51.
35. Sidarovich, V. *A hoard of Alexandrian Tetradrachms from the Last Quarter of the 3rd Century AD Found in the Upper Neman Region* / V. Sidarovich // *Notae Numismaticae–Zapiski Numizmatyczne*. – Kraków, 2013. – Vol. VIII. – P. 173–184.
36. Sidarovich, V. *Barbarian Imitations of Ancient Coins in the Territory of Belarus* / V. Sidarovich // *Notae Numismaticae–Zapiski Numizmatyczne*. – Kraków, 2017. – T. XII. – P. 125–137.
37. Sidarovich, V. *The Finds of Greek and Roman Provincial coins in Belarus* / V. Sidarovich // *Notae Numismaticae–Zapiski Numizmatyczne*. – Kraków, 2014. – T. IX. – P. 71–94.
38. Zapolska, A. *The Influx of Roman Coins to the West Balt Culture Environment* / A. Zapolska // *Notae Numismaticae–Zapiski Numizmatyczne*. – Kraków, 2013. – T. VIII. – P. 105–123.

Roman Coins – the First Money in Belarus

Vital SIDAROVICH, EI “Belarusian State University”, Head of Museology Laboratory of Faculty of History, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: wital.sidarowicz@gmail.com.

Abstract. Over the past decade, the information about the discovery of ancient coins in the Belarusian lands has been greatly enriched. Analysis of the numismatic material and its comparison with the archaeological cultures allowed the author to suggest that it is silver denarius of the Roman Empire that should be considered as the first money in the territory of Belarus.

Шведские биллонные монеты номиналом 1 эре в денежном обращении Речи Посполитой*

Павел ГОРБАНЬ

Член ОО «Белорусское нумизматическое общество», Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: wildwind@tut.by

Толерантность рынков и законов Речи Посполитой к иностранной монете дает весьма пеструю картину денежного обращения на территориях Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, что получает свое отражение в находках монет. Шведские биллонные эре с коронованной монограммой в лавровом венке на аверсе и тремя коронами государственного герба на реверсе являются одной из таких достаточно частых находок. На *рисунке 1* представлен этот тип монеты, чеканка которого началась в 1665 г. при короле Карле XI и закончилась в 1761 г. при короле Адольфе-Фредрике.

В отечественной историографии вопрос обращения указанных монет в Речи Посполитой не рассматривался, поскольку среди нумизматов бытует мнение, что появление этих монет у нас связано исключительно с событиями Северной войны (1700–1721). Однако факты свидетельствуют о том, что это не совсем корректная точка зрения. Сбор статистических данных о монетных находках и анализ собранной информации позволяют уточнить представление о времени и причинах появления монет достоинством в 1 эре на рынке, их роли в денежном обращении.

Для понимания механизмов появления шведского биллона в истории денежного обращения начала XVIII в. необходимо заглянуть чуть глубже в историю. Первые монеты шведского чекана, находки

Карл XI (1660–1697)

Карл XII (1697–1718)

Ульрика Элеонора (1718–1720)

Фредрик I (1720–1751)

Адольф Фредрик (1751–1771)

Тип биллонных монет номиналом 1 эре, установленный в 1665 г.
Рисунок 1

* На всех рисунках монеты приводятся без соблюдения масштаба.

Полтораки:

Густав Адольф (Рига)

Кристина (Ливония)

Рижские солиды:

Густав Адольф

Кристина

Карл X Густав

Шведский чекан в оккупированной Ливонии и Риге

Рисунок 2

которых зафиксированы на территории Беларуси, относятся к XVI в. [12]. Это единичные находки, количество их очень мало и очевидно, что их эпизодическое попадание на наши рынки если и происходило, то какого-то ощутимого следа не оставило.

Значительно более важным событием стала организованная Швецией на захваченных в первой четверти XVII в. прибалтийских территориях, в первую очередь в г. Эльблонге и г. Риге, чеканка монет для торговли с Речью Посполитой. В силу массовости производства самых ходовых номиналов – солида и полторака (рисунок 2), а также очевидных больших объемов закупок в течение продолжительного времени, биллон чеканки прибалтийских владений Швеции становится самой массовой монетой Речи Посполитой к середине XVII в., о чем свидетельствуют как единичные находки, так и большое число комплексов с широким количественным диапазоном монет [18].

Что же закупалось так активно Швецией в Речи Посполитой? Нашими традиционными экспортными товарами того времени были лес, поташ, пенька,

кожа, лен и, конечно же, зерно [6; 9]. Экономика Европы в XVI–XVII вв. пережила явление, получившее название «революция цен» [16]. Массовый привоз драгоценных металлов из Южной Америки вызвал волну роста цен, которая постепенно прошла с Запада на Восток, в результате чего в течение примерно столетия произошло многократное повышение стоимости промышленных, а затем и сельскохозяйственных товаров. Рост цен на традиционные статьи шведского экспорта – лес и железо – вызвал развитие мануфактурного производства и приток денежных средств, что отразилось в приросте экономической и военной мощи государства [7; 8; 13]. Результатом военных кампаний короля Швеции Густава-Адольфа (1594–1632) стали обширные завоевания по балтийскому побережью, установление контроля над балтийской торговлей (в первую очередь над хлебной торговлей) через порты Риги и Ревеля [3; 14].

Очевидно, что для проведения крупных внешнеторговых операций требовалась монета крупных номиналов. На монетных дворах захваченных территорий периодически чеканились талеры, полталеры, золотые дукаты и даже кратные дукату монеты. Но тиражи этих выпусков были незначительны, сами монеты на сегодняшний день являются нумизматической редкостью. Роль торговой монеты играли, главным образом, отчеканенные в Нидерландах талеры и их фракции, а также золотые дукаты. Разменной монетой служили гроши и трояки чеканки г. Эльблонга, но в большей степени битые огромными тиражами полтораки и солиды эльблонгского монетного двора и особенно двух рижских. Говоря о мелких номиналах, следует отметить еще один любопытный факт: медные шведские монеты, отчеканенные для внутрисударственного обращения и попадавшие в значительных количествах на завоеванные территории, о чем свидетельствуют многочисленные найденные там клады [15], на территории Беларуси отмечаются лишь редкими единичными находками (рисунок 3). Мнение о том, что их роль в денежном обращении XVII в. на наших территориях недооценена [19], не находит своего подтверждения ни в статистике находок, ни в письменных источниках.

Медный эре времен правления Густава-Адольфа (1594–1632), найденный в Узденском районе Минской области

Рисунок 3

Ко второй половине XVII в. Речь Посполитая вследствие разорительных войн на ее территории теряет свою значимость в качестве экспортера. Это находит свое отражение в изменении характера эмиссии шведской монеты на захваченных прибалтийских территориях, которая в 60-х гг. XVII в. практически сходит на нет. Монетный двор Ливо-

нии последний выпуск шведских солидов сделал в 1665 г., полтораков – в 1669 г. Последние выпуски солидов рижского монетного двора также датированы 1665 г., полтораков – 1669 г. (рисунки 4). После этого ливонский монетный двор работу прекратил, а в работе рижского наступил длительный перерыв. Работа рижского монетного двора ненадолго была возобновлена при Карле XII, в начале 1700-х гг. была начата чеканка дукатов и полтораков [11]. Полто-

Карл XI, Ливония

Карл XI, Рига

Карл XII, Рига

Шведские полтораки времен правления Карла XI и Карла XII, отчеканенные в Прибалтике

Рисунок 4

Сборная фотография типичных белорусских единичных находок монет номиналом в 1 эре на территории Беларуси

Рисунок 5

раки Карла XI (1660–1697) 1669 г. редко находятся на территории Беларуси, нет сведений о находках полтораков Карла XII (1697–1718).

Однако с прекращением прибалтийской чеканки шведская монета не исчезла из денежного обращения Речи Посполитой, существовала еще длительное время. На рубеже XVII–XVIII вв. ее дополнили еще собственно шведские биллонные монеты номиналом 1 эре. Автором были собраны сведения о более чем ста шестидесяти единичных находках таких монет, данные о годах выпуска, эмитентах и районах находок. На рисунке 5 в качестве иллюстрации приведена сборная фотография подобных находок.

Гистограмма распределения монет по годам чеканки представлена на рисунке 6. Выделен временной период Северной войны, а также более узкий временной коридор активной фазы этой войны на белорусских землях. Как видно из представленных данных, большая группа монет не вписывается в эти временные рамки. Если в отношении более ранних выпусков с большой долей вероятности можно допустить, что они попали сюда с войсками Карла XII наряду с его собственными монетами, отчеканенными во время войны, то связать с военными событиями монеты, выпущенные после завершения активной фазы боевых действий на территории современной Беларуси, а тем более после окончания Северной войны, не представляется возможным.

Кроме общего большого количества находок монет номиналом в 1 эре и широкой географии таких находок, факт стабильного и долговременного присутствия их на рынке подтверждается многочисленными находками экземпляров, отчеканенных следующими после Карла XII правителями Швеции. В представленной статистике таких почти 48%, а если брать за временную границу 1708 г. как год окончания боевых действий на территории современной Беларуси, то процентное соотношение получается 32% к 68%.

Представленная статистика – это лишь верхушка айсберга, в реальности таких находок как минимум на порядок больше. При этом необходимо отметить, в первую очередь, массовый характер находок указанных монет. Территориально эти находки разбросаны по всей Беларуси, затруднительно назвать районы, где таковых нет вообще. Очевидна ординарность таких находок на территории современной Литвы [17]. Мониторинг интернет-ресурсов Польши и Украины позволяет сделать вывод о распространенности находок шведского биллона и на других землях бывшей Речи Посполитой. При этом в противоположность номиналу в 1 эре находки монет достоинством в 4 и 5 эре редки. Для сравнения: монет номиналом в 1 эре зафиксировано 162 штуки, монет в 5 эре – семь находок, монет в 4 эре – одна. И, наконец, все находки имеют характер случайных единичных, автором не зафиксировано случаев обнаружения этих монет в составе кладов.

Поражение в Северной войне положило начало постепенной потере Швецией завоеванных территорий и сокращению шведского военного присутствия за пределами Скандинавии. Однако это не означало потерю Швецией балтийских портов, в первую очередь Риги, в качестве внешнеторговых терминалов. Статья 6 Ништадтского мирного договора гласила:

Гистограмма распределения шведских находок по годам

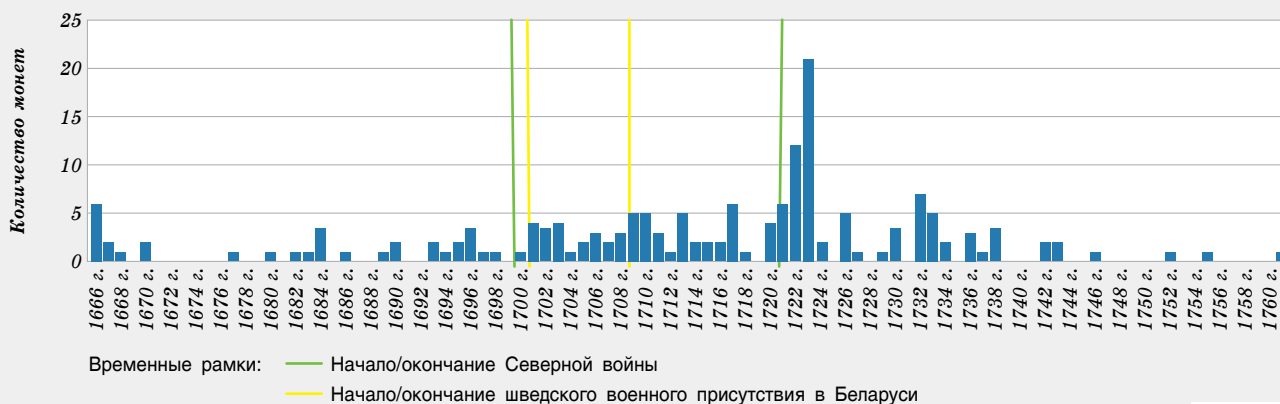

Рисунок 6

«Е.к.в. свейское о коммерции сим себе выговорил, что ему в вечные времена свободно быть имеет в Риге, в Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50 000 руб. хлеба покупать повелеть, который по учиненному засвидетельствованию, что оный или на е.к.в. счет, или от свейских от е.к.в. к тому именно уполномоченных подданных закуплен, не платя никаких пошлин или иных налогов, в Швецию свободно вывезен быть имеет; что, однако же, не о тех летах разумеется имеет, в которые за недородом или иными важными причинами е.ц.в. принужден будет вывоз хлеба генерально всем нациям запретить» [10]. Хлебный экспорт был жизненно важен для шведского государства, поэтому закрепление внешнеторговых прав в мирном договоре по итогам проигранной войны было, пожалуй, не менее существенно, чем выплата проигравшей стороне 2 млн. ефимков в качестве компенсации за потерянные территории. Резонно полагать, что через Ригу продолжали перемещаться и иные товары.

Эта статья договора соблюдалась российской стороной вплоть до 1738 г. К тому времени назрел новый кризис в отношениях между Швецией и Россией, кульминацией которого стала война 1741–1743 гг. Как видно на гистограмме, находки шведских биллонных монет по годам чеканки после этих событий еще изредка фиксируются, но очень быстро сходят на нет, самая молодая зафиксированная находка датируется 1761 г. – последним годом чеканки этого монетного типа. Можно полагать, что монета данного типа практически перестала поступать на местные рынки.

Приведенные данные позволяют сделать предположение о том, что биллонная шведская монета но-

миналом в 1 эре была принята рынком и в условиях нехватки монет отечественной чеканки принимала участие в некоторых повседневных расчетах, имея некую местную котировку. Сравнение метрологии показывает близость монет номиналом в 1 эре с монетами достоинством в 1 грош Сигизмунда III (1587–1632) последних выпусков (1620-х гг.) по размеру и массе [2] (таблица 1). Известно, что проба гроша была 281 промилле, что соответствует содержанию чистого серебра 0,28 грамма. Можно ли считать, что эре стал своеобразной заменой гроша?

Поиск информации о содержании чистого серебра в эре в шведских источниках открывает два важных обстоятельства, которые необходимо иметь в виду. Во-первых, во второй половине XVII в. в стране существовали шесть систем счета, имеющих в основе ту или иную монету [1]. Это система счета на золото, две системы медного счета (в монетах и в платах) и три системы серебряного счета: в риксдалерах, в марках и в эре. Чистый вес счетного далера в серебряных эре был ниже, чем чистый вес счетного далера в марках, который, в свою очередь, был ниже чистого веса собственно риксдалера. Этим была обусловлена разница курсов серебряных монет внутри Швеции: риксдалер, далер каролин (далер в счете на марки – по названию монеты в 2 марки) и счетный далер, или далер курант, выраженный в эре, – все эти термины указывали на реальную монету, в которой производился расчет суммы. Точно так же в системе счета применялся счетный эре, который имел разный курс в разной монете в разное время. Во-вторых, в течение всего периода чеканки серебряный эре постоянно терял в чистом весе, что отражалось как в официальном, так и в рыночном курсе эре серебряного чекана к риксдалеру. Изменения в официальном курсе приведены в таблице 2.

При этом рыночный курс риксдалера был выше. Так с 1665 г. по 1673 г. он установился на уровне 56 эре за риксдалер, затем начал расти, намного превысив к 1681 г. установленный в этом году официальный курс в 64 эре. До 1702 г. рыночный курс колебался в пределах 65–67 эре с кратковременным всплеском до 72 эре в конце столетия. С 1703 г. он устанавливается около 70 эре за риксдалер, в 1716 г. начинается рост курса, он превышает 73 эре, в по-

Таблица 1

Сравнение метрологии гроша и эре

Монета	Размер, мм	Вес, г
1 грош польский/литовский 162X гг.	18–19	1,00
1 эре шведский 1665–1761 гг.	18	1,23

Таблица 2

Официальные курсы пересчета шведских монет

Дата установления	Официальный курс
7/10/1665	1 риксдалер = 52 эре s.m. (действителен до 19/3/1681) 1 дукат = 100 эре s.m. (действителен до 19/3/1681)
19/3/1681	1 риксдалер = 64 эре s.m. (действителен до 29/12/1718) 1 дукат = 128 эре s.m. (действителен до 29/12/1718)
29/12/1718	1 риксдалер = 96 эре s.m. (действителен до 1776) 1 дукат = 192 эре s.m. (действителен до 1/1/1777)

следующие годы – уже 102 и 161 эре соответственно. Вероятно, установление нового официального курса сбilo нарастание спекулятивных настроений, и рыночный курс установился в районе 110 эре с тенденцией падения (вплоть до курса ниже официально установленного), затем с 1728 г. стабилизировался наравне с официальным. Далее с 1734 г. до 1768 г. снова пошел постепенный рост, дошедший до уровня 111 эре за риксдалер.

Принимая для расчетов чистый вес риксдалера в 25,27 г (это данные для риксдалеров, отчеканенных в годы правления королевы Кристины в количестве почти миллиона штук, данными последующих чеканов 1655–1717 гг. можно пренебречь ввиду их незначительности), можно получить чистый вес эре примерно 0,35–0,36 г, что соответствует 250–260 пробе. Содержание серебра в монетах постепенно снижалось, к 1719 г. чистый вес серебра для монет номиналом в 1 эре стал уже 0,24 г (195 проба).

С учетом этих факторов можно смело предположить, что курс шведского эре в Речи Посполитой не был стабильным. На настоящий момент автору не известны письменные упоминания о платежах или расчетах с их использованием, где применялся бы пересчет эре на местные счетные единицы – грош и золотый.

Выводы:

1. Шведские биллонные монеты номиналом в 1 эре образца 1665 г. активно и территориально ши-

роко участвовали в товарных операциях на рынках Речи Посполитой.

2. Количество находок и хронология чеканки свидетельствуют о возрождении экспортно-импортной торговли в стране после тяжелых потерь в войнах второй половины XVII в. и последствий Северной войны.

3. Периодом обращения этих монет был временной промежуток с начала 1700-х гг. и до денежной реформы Станислава Августа Понятовского в 1766 г.

4. Можно полагать, что в первой половине XVIII в. монеты достоинством в 1 эре в какой-то мере компенсировали дефицит отечественной мелкой серебряной монеты при отсутствии крупного медного номинала, заполняя разрыв в расчетных номиналах между массовыми монетами медного и серебряного счета – солидами и шостаками.

5. Несмотря на большое количество шведского биллона в обращении, номинально он не вписывался в местную монетную систему в отличие от ранее выпущенных шведами монет в г. Эльблонге и г. Риге. Невысокая и нестабильная проба, нестабильный курс делали эту монету непривлекательной для накопления.

6. Отсутствие сведений в исторических источниках о выплатах каких-либо долговых или налоговых сумм, завещательных записей или записей о торговых сделках в шведских эре косвенно подтверждает то, что монета не считалась выгодным инструментом для тезаврирования.

Библиографический список:

1. Edvinsson, R. *The multiple currencies of Sweden-Finland 1534–1803. Historical Monetary Statistics of Sweden / R. Edvinsson // Volume I: Exchange Rates, Prices, and Wages, 1277–2008.* – Stockholm: Ekerlids Förlag, Sveriges riksbank, 2009.
2. Kopicki, E. *Monety Zygmunta III Wazy / E. Kopicki.* – Szczecin, 2007.
3. Soom, A. *Der baltische Getreidehandel im XVII Jahrhundert / A. Soom // «Almquist u. Wiksell».* – Stockholm, 1961.
4. *Standard Catalog of World Coins: 17th Century, 1601–1700 (Standard Catalog of World Coins: 1601–1700).* – 2003.
5. *Sveriges mynt 1521–1977: The coinage of Sweden / Bjarne Ahlström, Yngve Almer, Bengt Hemmingsson.* – 1976.
6. Буцик, Г.П. *Экономические связи Беларуси: исторический опыт / Г.П. Буцик // Вестник Белорусского государственного экономического университета.* – 2006. – № 1. – С. 100–106.
7. *Всемирная история. Энциклопедия. Скандинавские страны в XVI в. – первой половине XVII в.* – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – Том 4. Глава XIII.
8. *Всемирная история. Энциклопедия. Международное положение в Европе в первой половине XVII в. и тридцатилетняя война.* – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – Том 4. Глава XXXII.
9. Заборовский, Л.В. *Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе / Л.В. Заборовский.* – М.: «Наука», 1981.
10. Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. В.И. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/>.
11. *Svenska besittningar och deras myntning [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://www.home.neab.net/gandalf/coins/possessions/>.

12. Калиновский, А. *Находки на территории Беларуси монет Шведского королевства (вторая половина XVI в. – начало XVII в.)* / А. Калиновский // *Банкаўскі веснік*. – 2016. – № 3. – С. 24–25.
13. Нефедов, С.А. *История России. Факторный анализ* / С.А. Нефедов / Т. 2.: *От окончания Смуты до Февральской революции*. – М.: *Территория будущего*, 2010.
14. Поршнев, Б.Ф. *Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства* / Б.Ф. Поршнев. – М.: «Наука», 1976.
15. Потин, В.М. *Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв.* / В.М. Потин // *Скандинавский сборник*. – Таллин, 1974.
16. *Революция цен* // *Советская историческая энциклопедия: в 16 т.* / под ред. Е.М. Жукова. – М.: *Советская энциклопедия*, 1968. – Т. 11.
17. Рузас, В. *Монеты XVII–XIX вв. из Пажайслиса (г. Каунас) в Музее денег Банка Литвы* / В. Рузас // *Банкаўскі веснік*. – 2017. – № 12. – С. 44–50.
18. Рябцевич, В.Н. *Нумизматика Беларуси* / В.Н. Рябцевич. – Минск: *Польмя*, 1995.
19. Юргенсон, В. *Иностранная медная монета в денежном обращении Беларуси второй половины XVI в. – середины XVII в.* / В. Юргенсон // *Актуальні проблеми нумізматіки у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей IV між-нар. наук.-практ. конф., Київ, Кіровоград, Переяслав-Хмельницький, 22–23 червня 2016 р.* / ДВНЗ Переяслав-Хмельницький, держ. пед. ун-т ім. Г. Сковороди; ред. кол.: Коцур В.П. (гол. ред.) [та інш.]. – Київ, Кіровоград, Переяслав-Хмельницький: ДВНЗ П-ХДПУ ім. Г. Сковороди, 2016. – С. 76.

Swedish Billon Coins with a Face Value of 1 Oere in Monetary Circulation of the Polish-Lithuanian Commonwealth

Pavel GORBAN, Member of the NGO “Belarusian Numismatic Society”, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: wildwind@tut.by.

Abstract. *The article examines Swedish coins with a denomination of 1 oere of the 1665 series found in Belarus. The number of finds and the chronology of coinage indicate the revival of trade after the end of the Northern War. Despite the large number of Swedish billon in circulation, nominally it did not fit into the local monetary system. The low standard and unstable rate made this coin unattractive for savings.*

К вопросу о некоторых нумизматических загадках монетной чеканки Новгорода и Пскова XV–XVI вв.

Юрий ДЕНИСЕНКО

Член ОО «Белорусское нумизматическое общество»,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: dyn291171@tut.by

История изучения российских монет насчитывает уже не одну сотню лет. Однако до сих пор в российской нумизматике осталось множество неразрешенных загадок. Одной из них является вопрос принадлежности букв-дифферентов на монетах Новгорода и Пскова XV в. – нач. XVI в. Попробуем разобраться в этом вопросе.

При определении букв-дифферентов будем исходить из предположения, что они соответствуют не «денежникам», а лицам, являвшимся ответственными за чеканку. Сначала рассмотрим новгородскую и псковскую чеканки после присоединения их к Московскому государству. Начнем с новгородской.

По версии автора ответственными за чеканку были княжеские наместники. Дифферент соответствовал любому из них, кто назначался Великим князем. После соответствующего анализа информации из разных источников [4–15], был составлен перечень новгородских наместников. Для сопоставления его с монетными дифферентами разделим интересующую нас эмиссию на несколько этапов.

1. «Великокняжеская» новгородская чеканка, которая хорошо описана в статье М.А. Львова [1]. Исходя из анализа размещенной там информации, можно нарисовать упрощенную схему чеканки этого

периода (*рисунок 1*), добавив данные по наместникам и их соответствию дифферентам.

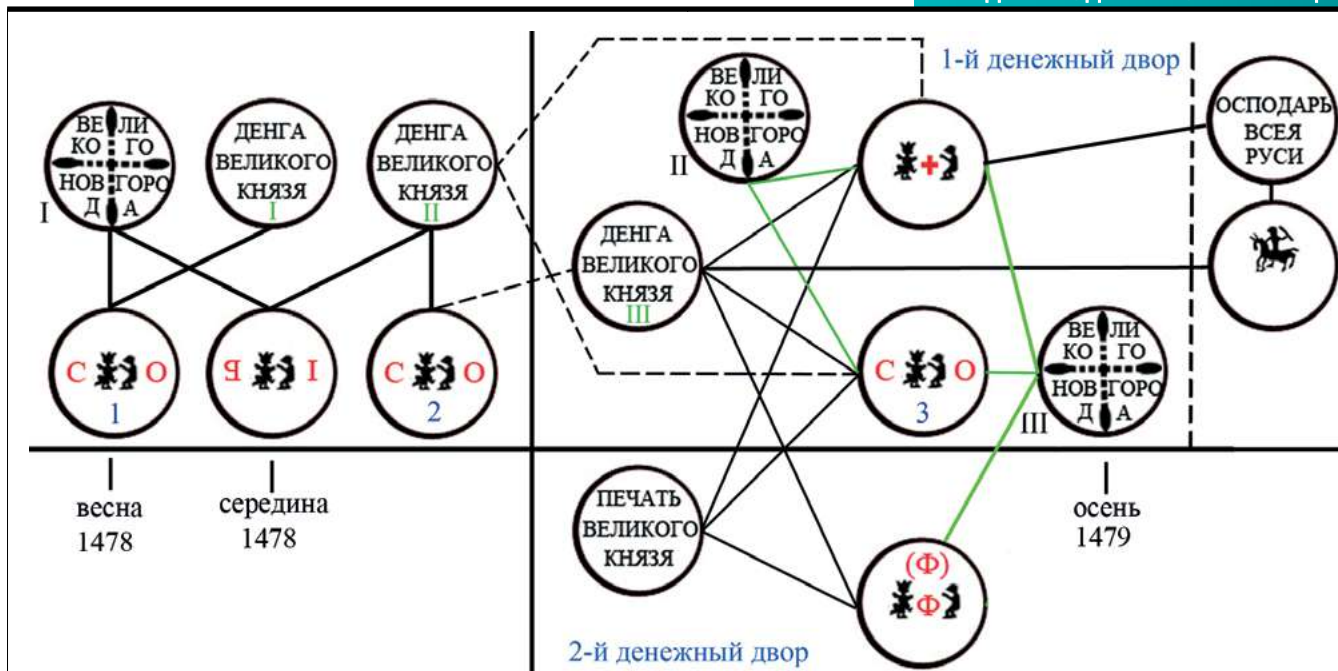
По мнению автора, весной 1478 г. ввиду достаточной «лояльности» Ивана III (1462–1505) [16] чеканка была продолжена «старыми» штемпелями с надписью: «ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА» с последующим добавлением «великокняжеских» реверсов. Об этом нам говорит наличие такого реверса «ДЕНГА» № I (*рисунок 1*), который имеет штемпельные связи только с монетами «независимой» чеканки, а также то, что средний вес последних «независимых» монет составляет около 0,76 г, что соответствует «великокняжеским» на начальном этапе (монеты «ДЕНГА» № I, II на *рисунок 1*) [1].

Сначала было 4 наместника. Воевода И.В. Булгак-Патрикеев (буквы Б-И) был назначен примерно в середине 1478 г. после смерти И.В. Оболенского-Стриги. Затем изготавливаются новые «великокняжеские» комплекты с буквами С-О (ДЕНГА № 2 на *рисунок 1*) – И. Станицев и Я. Оболенский. Далее после некоторой паузы чеканка разделилась на две части, или два денежных двора. На первом «били» новгородки с надписью «ДЕНГА» + дифферент С-О (ДЕНГА № 3 на схеме *рисунок 1*), а также без букв. Средний вес – заниженный (0,72 г) [1]. На втором – с надписью «ПЕЧАТЬ» + дифферент Ф. Средний вес – как у «независимых» новгородок (0,8 г) [1]. Между монетными дворами периодически происходил обмен штемпелями реверсов. Зеленый цвет на *рисунок 1* – предположительно фальшивая чеканка «старыми» штемпелями с низким средним весом 0,7 г [1].

Обе «заниженные» чеканки могли, в итоге, спровоцировать волнения, аналогичные 1447 г., которые привели к изгнанию наместников и новому походу Ивана III на Новгород осенью 1479 г. На этот раз Иван III поступил жестко [16]. По нашему мнению, именно после этих событий, дабы показать уже полное подчинение Москве, чеканка Новгородской монеты была возобновлена (предположительно в марте 1480 г.) с титулом «ОСПОДАРЬ» и Московским «ездецом».

2. Чеканка от имени «Осподаря всея Руси» при Иване III. Используя информацию из книги В.В. Зайцева [2] и статьи И.В. Волкова о втором денежном дворе [3], отобразим ее упрощенную схему на *рисунок 2* и *рисунок 3*, опять добавив данные о наместниках и дифферентах.

Переход к «осподарской» чеканке осуществлен на 1-м денежном дворе с помощью штемпелей «великокняжеских» денег, а на 2-м денежном дворе – посредством штемпелей медных «великокняжеских» пул

Дифферент	Софийская (владычицкая) сторона	Годы	Торговая (купеческая) сторона
–	Оболенский-Стрига Иван Васильевич	02.1478–весна 1478	Шуйский-Китаев Василий Федорович
Я – I	Булгак-Патрикеев Иван Васильевич	сер. 1478–1479	
О – С	Оболенский Ярослав Васильевич	02.1478–1479	Станицев Иван Зиновьевич
Ф		1478–1479	Шуйский-Китаев Василий Федорович (Василий Федоров сын Шуйского) (чеканка на втором денежном дворе)

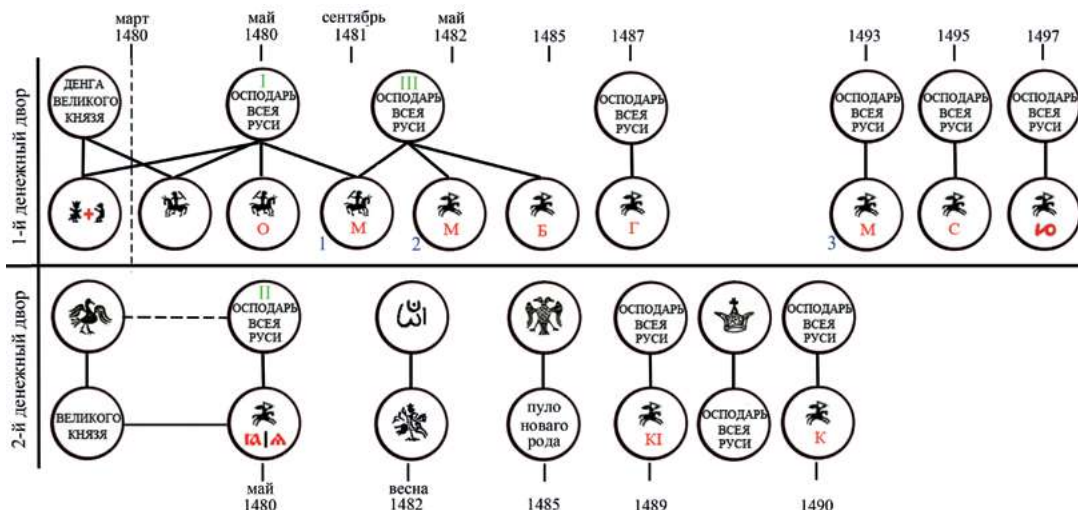
Упрощенная схема «великокняжеской» новгородской чеканки

Рисунок 1

с изображением птицы (рисунки 2, 3). Причем, по версии автора, сначала для пул был изготовлен новый штемпель реверса «ОСПОДАРЬ». С его помощью «выбито» в меди небольшое количество пул, а потом, после решения начать чеканить серебряные денги с дифферентом **IA, A** (ОСПОДАРЬ № II на рисунке 2), этот штемпель и старый «великокняжеский» от пула пошли в работу, но уже для изготовления монет в серебре (рисунок 3). Таким образом, после прекращения чеканки серебряных денег с дифферентом **Ф** (осень 1479 г.) 2-й денежный двор непродолжительно «бил» медные «великокняжеские» пулы с изображением птицы в период с осени 1479 г. до весны 1480 г.

С сентября 1481 г. стало 2 наместника Г.В. Морозов-Поплева и В.Ф. Шуйский-Китаев, штемпеля по-прежнему оставались ручной резки (ОСПОДАРЬ № I и М № 1 на рисунке 2). Но через некоторое время перешли на их изготовление с помощью маточника. Вследствие этого появился новый комплект (ОСПОДАРЬ № III и М № 2 на рисунке 2). Когда же это произошло? Если предположить, что чеканка началась с марта 1480 г., и шла равномерно, то до прихода Морозова-Поплевы (сентябрь 1481 г.) прошло 17 месяцев.

Исходя из штемпельных данных И.В. Волкова [3], в этой цепочке известно 35 разновидностей (сочетаний аверс-реверс) монет ОСПОДАРЬ, т. е. около 2 разновидностей на 1 месяц работы. Причем 5 из них в начале чеканки относится к монетам без буквы под изображением всадника. Это говорит нам о начале изготовления денег с дифферентом **О** примерно на два месяца (5/2) позже общего начала производства – ориентировочно с мая 1480 г. (рисунок 2). Значит, начало чеканки монет с дифферентом **IA, A** тоже май 1480 г., а это, в свою очередь, указывает на момент окончания чеканки медных пул с изображением птицы (рисунок 2). Из этого же источника [3] узнаем, что количество «ручных» разновидностей монет, соответствующих аверсу М № 1 на рисунке 2, всего 18. Если воспользоваться предыдущей формулой, то получаем, что примерно через 9 месяцев (18/2=9) после прихода Морозова-Поплевы началось использование маточника, т. е. в мае 1482 г. Работа 2-го денежного двора проходила изолированно от 1-го, обмена штемпелями между ними в этот период не зафиксировано, кроме единственного случая – факта появления штемпеля ОСПОДАРЬ от монет с

Дифференциал	Софийская (владычицкая) сторона / 1-й наместник	Годы	Торговая (купеческая) сторона / 2-й наместник
–	Булгак-Патрикеев Иван Васильевич	03.1480–08.1481	Шуйский-Китаев Василий Федорович
О	Оболенский Ярослав Васильевич	03.1480–08.1481	Станицев Иван Зиновьевич
IA, A (Я)	Оболенский Ярослав Васильевич (чеканка на втором денежном дворе)	05.1480–08.1481	
М	Морозов-Поплева Григорий Васильевич	09.1481–II. пол.1482	Шуйский-Китаев Василий Федорович
М	Нет данных (возможно Морозов-Поплева Григорий Васильевич)	II.пол.1482–1485	Нет данных (возможно Бледный-Шуйский Василий Васильевич)
Б	Кошкин-Захарьин Яков (Иаков) Захарьевич	1485–1487	Нет данных (возможно Бледный-Шуйский Василий Васильевич)
KI	Кошкин-Захарьин Яков (Иаков) Захарьевич (чеканка на втором денежном дворе)	1487–1489	Кошкин-Захарьин Юрий (Георгий) Захарьевич
Г	Кошкин-Захарьин Яков (Иаков) Захарьевич	1487–1489	Кошкин-Захарьин Юрий (Георгий) Захарьевич
К	Кошкин-Захарьин Яков (Иаков) Захарьевич (чеканка на втором денежном дворе)	1490–1493	Плещеев Петр Михайлович
М	Плещеев Петр Михайлович (Петр Михайлов сын Плещеев)	1493–1495	Нет данных
–	Пенко-Ярославский Даниил Александрович	1495	Оболенский-Лыко Иван Владимирович
С	Ярославский Семен Романович	1495–1496 1496–1497	Оболенский-Лыко Иван Владимирович Пенко-Ярославский Даниил Александрович
Ю (Ю)	Оболенский-Лыко Иван Владимирович	1497	Нет данных
Ю (Ю)	Нет данных (возможно Оболенский-Лыко Иван Владимирович)	1498–1499	Челяднин Андрей Федорович
–	Копычев-Лобан Иван Андреевич	1500	Челяднин Андрей Федорович
–		1500–1501	Шуйский Немой Василий Васильевич
–		1501	Ярославский Семен Романович
–	Щеня-Патрикеев Даниил Васильевич	1502–1505	Шуйский Немой Василий Васильевич

Упрощенная схема «осподарской» новгородской чеканки при Иване III

Рисунок 2

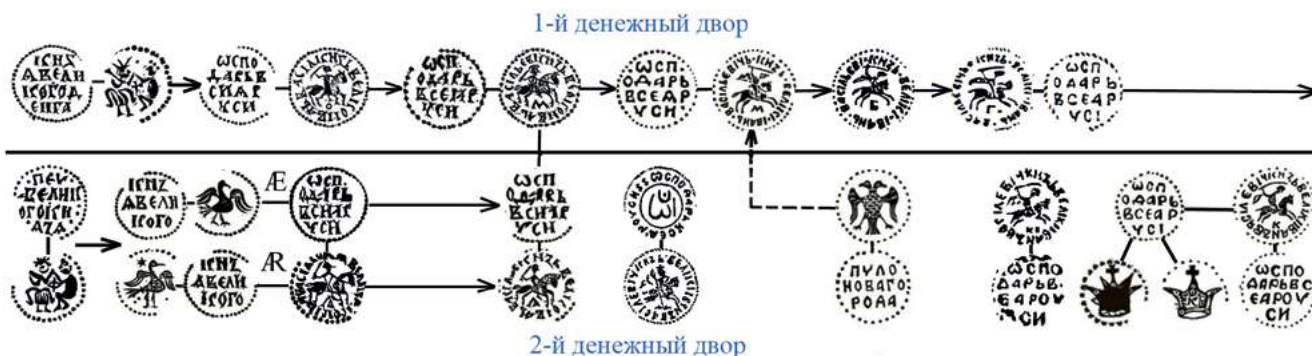

Схема «осподарской» чеканки монет на двух денежных дворах Новгорода (использованы прорисовки монет из [2], [3], [18])

Рисунок 3

буквами **IA**, **A** (2-й денежный двор) на 1-м дворе в период изготовления на нем монет с буквой **M** (рисунок 3). По данным И. Волкова [3], это примерно 14-я разновидность в цепочке, что соответствует 7-му месяцу работы Морозова-Поплевы, или марту 1482 г. Таким образом, 2-й денежный двор продолжал «бить» монеты под руководством Я. Оболенского даже после его ухода с должности наместника в августе 1481 г. скорее всего на правах откупа. Работа осуществлялась гораздо интенсивнее, по всей видимости, на нескольких «линиях», т. к. разновидностей монет с буквами **IA**, **A** гораздо больше, чем с буквой **O** [3].

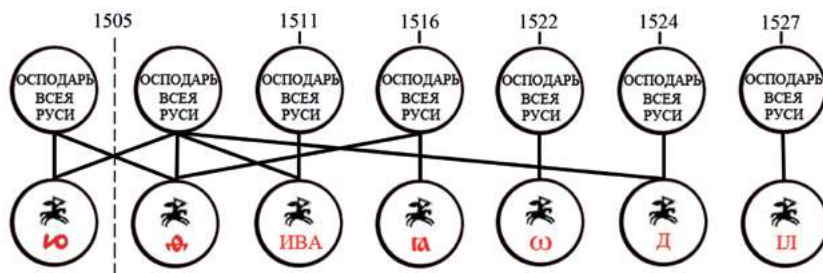
В период 1487–1489 гг. Я. Кошкин-Захарьин (буквы **KI**) руководил Новгородом совместно со своим братом Юрием (Георгием). Причем Я. Кошкин чеканил денгу на 2-м денежном дворе, а его брат (буква **Г**) – на 1-м (рисунок 2). Исходя из редкости (**R4** по Зайцеву [2]), чеканка монет с буквами **KI** длилась не более нескольких месяцев. Скорее всего, это обусловлено решением снова «бить» медные пула (с короной на аверсе), чеканка которых также была очень короткой. Похоже, что обе эти эмиссии «уложились» в период 1489–1490 гг. (рисунки 2, 3). Когда на 2-м денежном дворе чеканка медных пул прекратилась – возобновилась эмиссия серебряных денег Я. Кошкина, но уже с буквой **K**. Об этом нам говорит штемпельная связь по реверсу **ОСПОДАРЬ** между ними (рисунок 3).

Нетрудно заметить, что на серебряных денгах Я. Кошкина (2-й денежный двор) имеются две отличительные черты, которых нет на монетах, чеканенных на 1-м денежном дворе. Это характерное написание слова «**РОУСИ**», а также отчества Ивана III «**ВАСИЛЕВИЧ**». Точно такое же написание имеют новгородки с арабской надписью «**ИБАН**». Поэтому изготовление последних автор тоже относит ко 2-му денежному двору (рисунки 2, 3). С учетом того, что денга «**ИБАН**» имеет разновидность, изготовленную штемпелем «ручной» резки, то сделать ее могли только после окончания чеканки денег с дифферентом **IA**, **A**, но до внедрения маточника, т. е. в период с марта 1482 г. по май 1482 г. Кстати, надпись «**ВАСИЛЕВ**» в легенде есть еще только на монете именно с буквами **IA**, **A** (Зайцев № 95.2 [2]). Затем была изготовлена «маточниковая» пара штемпелей денги «**ИБАН**». Определенно их чеканка осуществлялась, прежде всего, в политических целях для привлечения сторонников в арабоязычных землях, ранее входивших в состав Золотой Орды,

а также с целью демонстрации своей «независимости» от Большой Орды в свете недавнего противостояния на реке Угре и последующей смерти хана Ахмета. Москва в это время проводила политику «собирания» не только земель русских, но и бывших золотоордынских. Наибольший интерес в этом плане представляло Казанское ханство. Этой эмиссией Иван III хотел показать преемственность нынешнего Московского государства по отношению к «старой» Московии в составе Орды, когда чеканка монет осуществлялась на двуязычной основе. Но в данном случае вместо имени хана было арабское имя князя Московского, чего, конечно, не могло быть раньше в силу подчиненности его хану Золотой Орды. Обозначенный автором на рисунке 2 период чеканки денги «**ИБАН**» (весна 1482 г. – 1485 г.) вполне согласуется с историческими событиями [16]. Согласно им, Иван III в начале 1482 г. начал подготовку к Казанскому походу, а в 1485 г. «поставил» в Казани «своего» хана – Мухаммеда-Амина. Тогда чеканка, по всей видимости, и была прекращена, т. к. Иван III подумал, что цель достигнута. Он же не предполагал, что конфликт затянется до 1487 г.

Становится возможным установить примерное время чеканки медных пул с двуглавым орлом, т. к. известна «маточниковая» серебряная денга с буквой **M** и следами от плохо зачищенного штемпеля такого пула (рисунок 3, связь обозначена пунктиром). По мнению автора, их начали «бить» после окончания чеканки денег «**ИБАН**» на 2-м денежном дворе в конце эмиссии монет с дифферентом **M** на 1-м дворе, т. е. где-то с 1485 г. Чеканка продолжалась примерно до 1489 г. (рисунок 2). В дальнейшем их эмиссия возобновилась, но уже после 1493 г. Также можно определить, когда чеканились серебряные четверицы с изображением птицы и легендой **ОСПОДАРЬ**. Это, возможно, произошло в период с марта 1480 г. (общее возобновление чеканки) по май 1480 г., когда была прекращена чеканка медных пул с изображением птицы. Скорее всего, новая власть после событий 1479–1480 гг. решила убрать с монет «птицу» как «суверенный» символ города. Сразу после этого или через некоторое время, но в соответствии с этим же решением, была начата чеканка «осподарских» черверец с «владимирским барсом» ручной резки штемпелей, которые в последний стали «маточниковыми».

В последующие годы чеканка новгородских денег осуществлялась только на 1-м денежном дворе (рисунок 2). Наместником в 1497 г. становится И.В. Обо-

Дифферен- рент	1-й наместник	Годы	2-й наместник
–	Нет данных	1505–1506	Шуйский Немой Василий Васильевич
		1507	Нет данных
☉ (Ф)	Давыдов Хромой Григорий Федорович (Григорий Федоров сын Давыдов)	1508	Беззубцев Михаил Константинович
☉ (Ф)	Щеня-Патрикеев Даниил Васильевич	1508–1509	Давыдов Хромой Григорий Федорович (Григорий Федоров сын Давыдов)
–	Щеня-Патрикеев Даниил Васильевич	1510	Шуйский Немой Василий Васильевич
ИВА	Нет данных (возможно Морозов-Поплевин Иван Григорьевич)	1511–1513	Шуйский Немой Василий Васильевич
ИВА	Морозов-Поплевин Иван Григорьевич	1514	Шуйский Немой Василий Васильевич
IA(IA)	Морозов-Поплевин Иван Григорьевич	1515	Ростовский Александр Владимирович
	Ростовский Александр Владимирович	1516	Морозов-Поплевин Иван Григорьевич
–	Ростовский Александр Владимирович	1517	Тучков-Морозов Михаил Васильевич
		1517–1518	Шуйский Немой Василий Васильевич
		1518–1519	Воронцов Михаил Семенович
		1519	Бутурлин Всячина Иван Никитич
		1520	Нет данных
☉	Ростовский Александр Владимирович	1522	☉(☉)боленский-Стригин Иван Иванович
	☉(☉)боленский-Стригин Иван Иванович	1523–1524	Нет данных (возможно дворецкий Сабуров Иван Константинович)
Д	Добрынский-Симский Хабар Иван Васильевич	1524–1525	Стригин-Шиха Василий Иванович
		1526–1527	Нет данных (возможно дворецкий Морозов Иван Семенович)
ИЛ	Нет данных (возможно Ляцкий Иван Васильевич)	1527	Нет данных
–	Нет данных	1528–1530	Горбатый-Шуйский Кислый Михаил Васильевич
–	Федор Мелик-Тагирович	1531	Горбатый-Шуйский Кислый Михаил Васильевич
–	Нет данных	1532–1533	Нет данных
–	Горбатый-Шуйский Борис Иванович	1534	Нет данных
		1535	Воронцов Михаил Семенович

Упрощенная схема «осподарской» новгородской чеканки при Василии III

Рисунок 4

ленский-Лыко. Возможно, именно ему принадлежит дифферент **Ю**, который можно расшифровывать как лигатуру **ИО**, а не как букву **Ю**. Посредством этих «новгородок» осуществлен переход к денгам Василия III с дифферентом **Ю**. Но как такое могло быть, ведь после И. Оболенского с 1500 г. наместниками были еще несколько человек (рисунок 2)? Дело в том, что в марте 1499 г. сын Ивана III Василий Иванович был объявлен Великим князем Новгородским и Псковским и «пожалован» этими городами. Вероятно, на первых порах новый князь поменял «формулу» назначения ответственного за эмиссию и определил им И. Оболенского вне зависимости от того, был он наместником или нет.

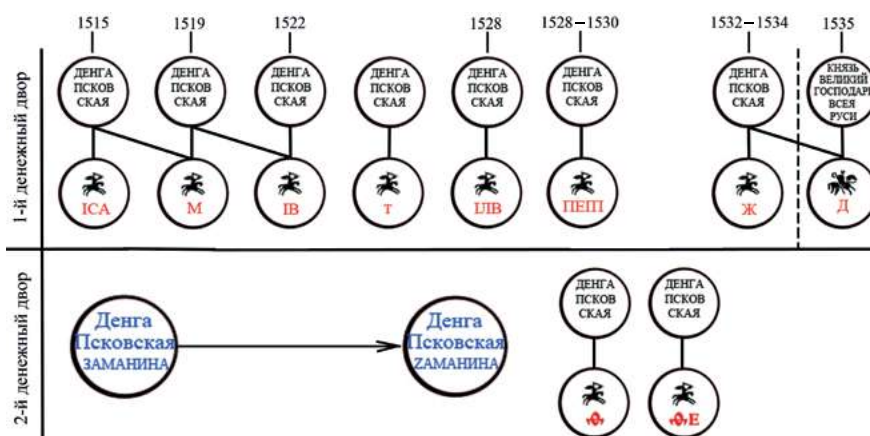
3. «Осподарская» чеканка при Василии III. Опять же, с учетом информации в книге В.В. Зайцева [2] и данных о наместниках, отобразим эту денежную эмиссию на рисунке 4.

В период с 1505 г. по 1509 г., скорее всего, Великий князь назначил ответственным за чеканку именно Г.Ф. Давыдова Хромого, который сам наместничал в 1508–1509 гг. Примечательно, что этот боярин уже в 1506 г. был при дворе Д.В. Ховрина – казначея Василия III [8], что могло сыграть

немаловажную роль в выборе «главного» за городскую чеканку.

С 1510 г., по версии автора, дифференты становятся «составными», т. е. содержат «реквизиты» двух наместников. Например, дифферент **ИВА** – Иван Морозов и **ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ**, дифферент **ИА** (сочетание **И** и **А**) – Иван Морозов и Александр Ростовский. Через некоторое время опять произошла смена «политики» – буква снова стала обозначать одного наместника. Дифферент в виде **Ю** «омеги» можно приписать И.И. Оболенскому-Стригину, т. к. эта буква часто использовалась в начале слова вместо «О». Последними «дифферентными» новгородками в чеканке Василия III являются денги с буквами **ЛЛ**. По мнению автора, это инициалы Ивана Ляцкого. Он был авторитетным московским боярином, но попал в опалу после приезда из посольства к Польскому королю (апрель 1527 г.), а в 1528 г. был и вовсе «сослан» наместником в Псков. Думаю, что до этого он в 1527 г. успел «побывать» в Новгороде.

Перейдем теперь к псковской чеканке в составе Московского государства. В очередной раз используя данные из книги В.В. Зайцева [2] и сведения о наместниках, упрощенно отобразим ее на схеме (рисунок 5).

Номер периода	Дифферент	1-й наместник	Годы	2-й наместник
1	–	Давыдов Хромой Григорий Федорович	1510–1511	Челяднин Иван Андреевич
2	–	Шестунов Великий Петр Васильевич	1511–1514	Курбский Семен Федорович
3	–	Шуйский Иван Васильевич	1514	
4	ICA	Шуйский Иван Васильевич	1515–1518	Сабуров Андрей Васильевич
5	М	Горбатый-Шуйский Кислый Михаил Васильевич	1519–1521	Хрипунов-Ряполовский Лобан Петр Семенович
6	–	Нет данных	1522	Пронский Юрий Дмитриевич
7	–	Нет данных	1523–1527	Нет данных
8	ЛВ	Микулинский Василий Андреевич	1528	Ляцкий Иван Васильевич
9	ПЕТ	Нет данных	1528–1530	Нет данных
10	–	Пенков-Ярославский Хомяк Иван Данилович	1531	Волынский Иван Михайлович
11	–	Нет данных	1532–1533	Нет данных
12	–	Кубенский Михаил Иванович	1533–1534	Нет данных
13	Д	Кубенский Михаил Иванович	1534–1535	Воронцов Дмитрий Семенович

Упрощенная схема псковской чеканки при Василии III и Иване IV (по 1535 г.)

Рисунок 5

В Пскове во времена Василия III, по всей видимости, существовало также два денежных двора. По аналогии с Новгородом сначала дифферент являлся «составным», поэтому первому из них (ІСА) соответствует период с 1515 г. по 1518 г. (рисунок 5). Таким образом, в 1510–1514 гг. эмиссии на 1-м денежном дворе не было, только могла чеканиться денга «ЗАМАНИНА» на втором.

По версии автора, слово «ЗАМАНИНА» не обозначает «денежника» с прозвищем Заманин, а является производным от слова «землянин», которое употреблялось в это время на землях Велико-го княжества Литовского (ВКЛ) для обозначения землевладельца (земельника). Это отражено даже в Статуте ВКЛ за 1529 г. Как известно, связи между ВКЛ и Псковом в нач. XVI в. еще были достаточно сильны, даже в Псковских летописях можно обнаружить употребление «литвинских» слов. Как известно, язык Статута – старобелорусский. Но произношение по-белорусски этого слова будет через Я – «зЯмянин», т. е. старославянскими буквами «зЯмЯнин». Как и в случае со словом «псковскаяА» на монетах, которое при Василии III превратилось в «псковскАА», две буквы «Я» в слове «зЯмЯнина» могли стать двумя буквами «А». В итоге получилось «ЗАМАНИНА». То есть надпись на монете гласит, что это «денга псковская земельника». После 1510 г. Василий III конфисковал у псковских бояр много земельных угодий, которыми нужно было распоряжаться. Возможно, этими вопросами занимался некий специальный орган, который и чеканил эту монету.

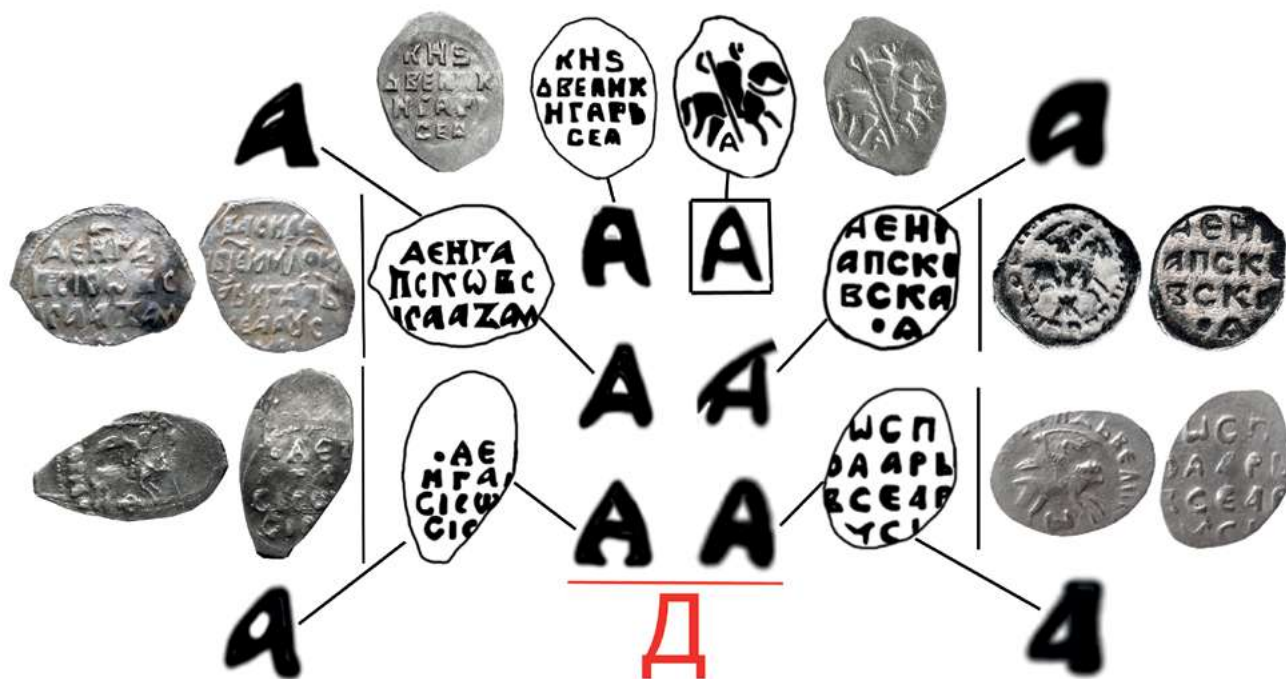
С 1519 г. дифферент снова соответствует только одному из наместников. Неопределенными оказались монеты с буквами ІВ и Т. Они приходятся как раз на период 1522–1527 гг., когда нет данных о руко-

водителях города (рисунок 5). На монетах с дифферентом ІВ присутствует имя ИВАН, а это значит, что и наместником должен был быть человек именно с этим именем.

Дифферент ПЕТ (ПЕ + Т) автор связывает с И.Д. Пенковым-Ярославским (рисунок 5). По всей видимости, он совместно с неизвестным пока наместником был ответственным за чеканку в период с конца 1528 г. по 1530 г. Исходя из факта наличия комбинированных монет – пореформенный аверс Ивана IV «всадник с копьем» + реверс от монет с буквой Ж (рисунок 5), можно сказать, что денги с буквой Ж «били» в период с 1532 г. по 1534 г. от имени также пока не известного наместника. Дифференты Ф (Ф) и ФЕ (ФЕ) тоже остались не определены, как и время их чеканки, а также денежный двор, на котором она осуществлялась. Зато появилась возможность определить первый пореформенный дифферент уже при чеканке Ивана IV (1535 г.). Во-первых, на монете присутствует дифферент Д, а не А, как считалось ранее. Буква А на монетах была строчной, а не заглавной (рисунок 6). Во-вторых, буква Д как раз соответствует наместнику Дмитрию Воронцову (рисунок 5).

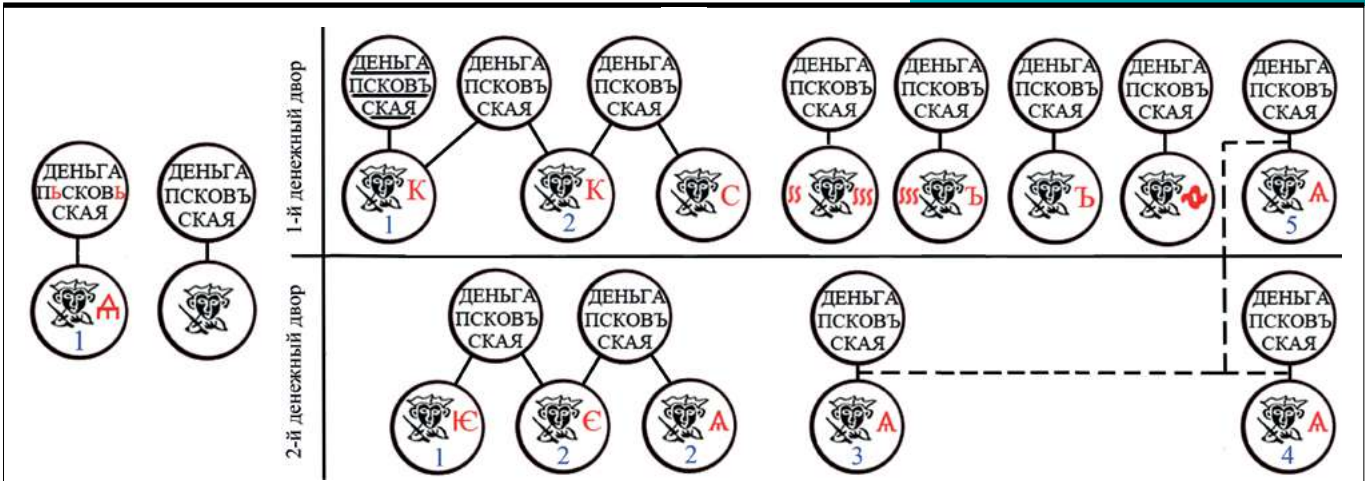
Теперь можно перейти к рассмотрению чеканки Новгорода и Пскова периода независимости. Начнем с Пскова. Наиболее полно с указанием штемпельных связей она рассмотрена А.С. Мельниковой [20]. Проанализировав данные, автор составил свое видение Псковской эмиссии – две упрощенные схемы: первая отражает чеканку монет до появления денег с барсом (рисунок 7), а вторая – после этого (рисунок 8).

По версии автора, дифференты принадлежали псковским посадникам, назначенным ответственными за чеканку. Скорее всего, это были

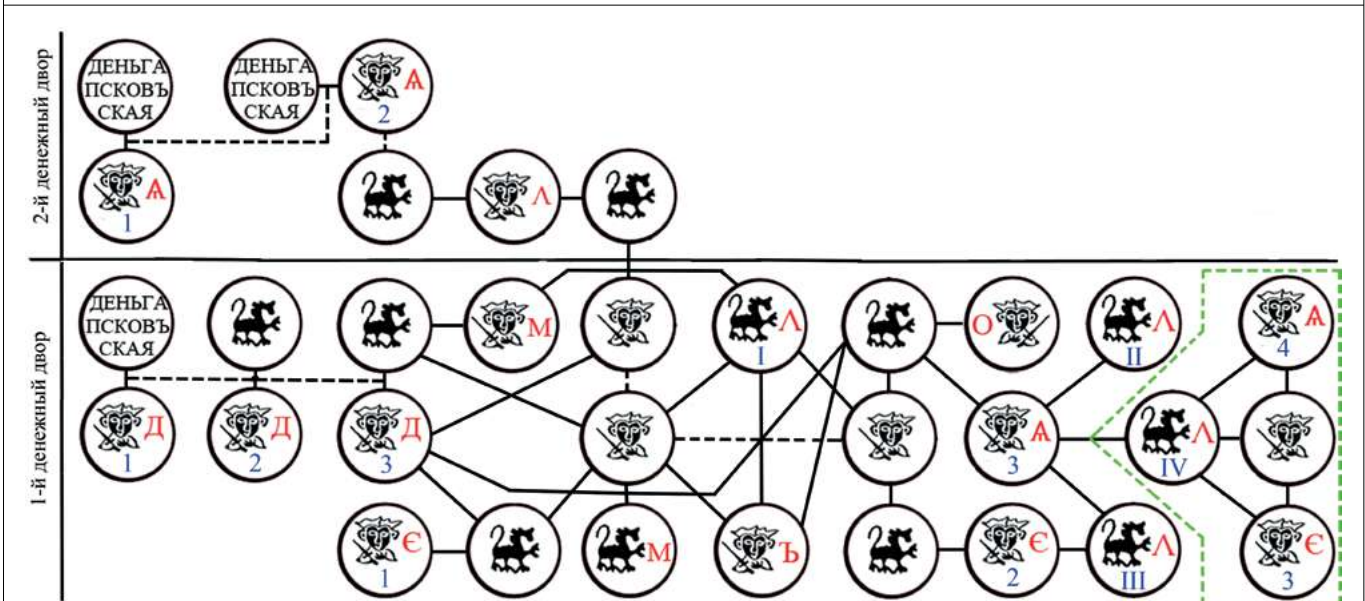
Сравнение написания букв Д и А на псковских и новгородских монетах (изобр. www.coins.su/forum, www.rus-moneta.ru, № 3273 из [20])

Рисунок 6

Упрощенная схема псковской независимой чеканки до появления монет с изображением барса

Рисунок 7

Упрощенная схема псковской независимой чеканки после появления монет с изображением барса

Рисунок 8

«известные» люди, которые в итоге обязательно «попали» в летописи. После анализа информации из различных источников и отбора посадников, которые имеют прозвища, имена и отчества (ПИО), начинающиеся с букв-дифферентов, автором была составлена диаграмма (рисунок 9), где цветом выделены наиболее «подходящие» из них. Каждый посадник имеет свой номер, который проставлен в ячейки, соответствующие годам упоминания в летописных источниках.

При выборе посадников учитывались следующие моменты:

1. Псковские посадники служили пожизненно от момента своего назначения. Похоже, что и ответственного за чеканку тоже назначали пожизненно. Поэтому смена дифферентов связана, прежде всего, с «уходом» посадников, т. е. с моментом, когда в летописях они больше не упоминаются.

2. В связи с вероятностью наличия неточностей в летописных данных возможны отличия фактических

(расчетных) данных от летописных. Такие места в таблице выделены светлым тоном.

3. Современные написания ФИО отличаются от написания ПИО в XV в. не только орфографически, но и могут звучать совершенно по-иному, что отражено вариантами в скобках.

4. На начальном этапе чеканки в качестве дифферента выступала буква **А** (Я) особой формы (**А**).

5. Знак **☙** – это стилизованная старославянская буква **Ф** (**Ф**).

6. Буква **Ъ** – символ, одним из вариантов употребления которого было графическое обозначение звука «О», в дальнейшем была полностью заменена на букву **О**. Использование тех или иных букв всецело зависело от грамотности и (или) желания исполнителя.

7. Ввиду наличия реверса со словами, подчеркнутыми линиями (рисунок 7), полагаем, что посадники, имеющие в ПИО букву **К**, должны были служить в 1450-х – 1460-х гг., т. к. такое написание легенды характерно для «соседней» новгородской чеканки именно этого периода.

Годы	Дифферент	Посадник												Дифферент	
1424	А (А)	1													
1425			3												
1426			1	7	11										
1427			3	7											
1428					11										
1429			1												
1430															
1431			1	7											
1432			1		11										
1433															
1434		1	7	11											
1435			7	11											
1436-1440	без букв														
1441				7											
1442-1443															
1444									16						
1445									16						
1446															
1447					12										
1448-1450															
1451-1454															
1455								13							
1456			4	8	12			16							
1457-1459															
1460								16							
1461	Е(1)	2			12			16							
1462					12	14 (судья)		16							
1463	Е(2)	2			12	14 (судья)		16	19 (без титула)	22					
1464				4	8		14	16			22				
1465			4	8				16							
1466	А								19						
1467				4						19					
1468										19					
1469				2						19					
1470				2						19					
1471				2						19			36		
1472					9			17						38	
1473				2	5					19	24				
1474				2	5						23	24		36	
1475						12	15	17				29		38	40
1476	А				12		17		20 (без титула)		29	33	36	38	40
1477				5	9		15	17			25	30	36		40
1478							15				23				
1479				2	5										
1480				2	5	9			18	20		25	31	36	40
1481															
1482				2							23				
1483		А Л		2		12		17			23	25		36	40
1484												26	32	33	
1485				2	6	10	15	17	18	20	23		34	36	40
1486	Л Ъ (О)		6	10	15	17				23	27		36	38	
1487-1490	без букв														
1491															
1492															
1493															
1494															
1495											23	27	32		
1496											23				
1497											23				
1498											23				
1499											27			37	40
1500	Л - А Л - Е без букв								21				37		
1501												32			
1502															
1503														34	37
1504									21					34	
1505-1508															
1509											23	28			39
1510											23	28		35	39

1	Яким Павлович
2	Яков Иванович Кротов
3	Микула Павлович
4	И(Е)натий Логинович
5	Козьма Сысоевич
6	А(О)ндрей Иванович
7	Иван Сидорович
8	Леонтий (Елентий*) Макарьевич
9	Василий Сазонович
10	Василий Коростовой
11	Сильвестр Леонтьевич
12	Зиновий Михайлович
13	Стефан Аристович
14	Кондрат
15	Василий Логинович
16	Максим Ларионович
17	Микита Ларионович
18	Макарий Васильевич
19	Стефан Афанасьевич
20	Дорофей Гаврилович
21	Микула Сысоевич
22	Дорофей Альферьевич
23	Леонтий Тимофеевич
24	Терентий А(О)ндреевич
25	Ир Алексеевич
26	Елисей Анисеевич Каплин
27	Яков Афанасьевич (Офонасов) Брехотый
28	Михаил Иовлевич Помозов
29	Моисей Федорович
30	Филип Андреевич
31	Филип Пукышев
32	Василий Епимахович
33	Гаврила Картачев
34	Григорий Яковлевич Кротов
35	Иван Яковлевич Кротов
36	Зиновий Сидорович
37	Федор Гаврилович Сокиркин
38	Козьма Андронович Тилкин
39	Юрий Елисеевич Колпин
40	Стефан Максимович

* - по аналогии с посадником Леонтием (Елентием) Лубком (1404-1407 гг.)

Диаграмма псковских посадников, ПИО которых соответствует монетным дифферентам

Рисунок 9

8. Будем считать, что интенсивность чеканки монет на одной «производственной линии» примерно одинаковая на всем протяжении эмиссии. При ее расчете будем указывать количество разновидностей (аверс-реверс) в соответствии с работой А. Мельниковой [20].

Денги начального этапа чеканки с **А** и без дифферента (*рисунок 7*) однозначно были изготовлены до 1460 г. Об этом нам говорит состав клада, найденного в 1906 г. в местности Жабоход под Псковом [22]. Затем, анализируя данные из табл. II статьи А.С. Мельниковой [20], можно сказать, что чеканка разделилась, скорее всего, на два денежных двора (*рисунок 7*). Наиболее оптимальными периодами чеканки денег с дифферентом **К**, переходящим в **С**, и соответствующими времени 1450-х – 1460-х гг., являются периоды службы посадников Кондрата и Стефана Афанасьевича. Оптимальным временем перехода одной чеканки к другой является 1465 г. (*рисунок 9*). Таким образом, до момента окончания чеканки денег с буквой **С** (1473 г.) прошло 8 лет, т. е. интенсивность чеканки – около 12 вар. в год ($95/8=11,9$). Следовательно, Кондрат «отвечал» за чеканку в течение 5 лет и был назначен в 1461 г. (*рисунок 9*). С учетом полученной интенсивности чеканки и данных на *рисунок 9* можно определить другие периоды чеканки монет с различными дифферентами, связав их с соответствующими посадниками (*рисунок 10*).

Начиная с определенного момента некоторые буквы соответствуют отчествам (фамилиям) посадников, а не их именам, как было ранее. Связано это, по всей видимости, с укреплением московского влияния после событий 1471 г., где ситуация отчество=фамилия была гораздо более типичной.

Первые монеты с «владимирским барсом» – с дифферентом **Д**, т. к. только они имеют предыдущую разновидность со строчной надписью (*рисунок 8*). Чеканка их на 1-м дворе началась примерно с 1480 г. (*рисунок 9, таблица 1*). Эта дата совпадает с предполагаемым временем изготовления новгородских четвериц с барсом, т. е. подтверждает наличие в 1480 г. некоего «общего» решения Московских властей, связанного с переходом Пскова и Новгорода на Московскую символику (см. ранее).

В 1480-х годах на обоих денежных дворах были организованы несколько параллельных «производственных линий», чеканивших монеты с дифферентами **Д**, **Е**, **М**, **Л**, **А** (*рисунки 7, 8*). Причем, денги с буквами **М** и **Е** штемпельно «связаны» с монетами, имеющими дифферент **Д** (табл. IV и V из [20]), поэтому отнесены к 1-му денежному двору, а монеты с буквой **Л** отнесены ко 2-му двору по причине существования их штемпельной связи с аверсом **А** (табл. III из [20]). С 1486 г., по нашей версии, чеканка продолжилась только на 1-м денежном дворе на нескольких «производственных линиях» (*рисунок 8*), т. к. вся последующая эмиссия буквально «пронизана» штемпельными связями между разными типами монет. Показанные в табл. V из [20] экземпляры со строчной надписью, возможно, отнесены сюда ошибочно из-за повторного применения их штемпелей аверсов в этот период чеканки.

На заключительном этапе, примерно с 1497/1498 гг., средний вес псковских монет становится равным 0,79 г (табл. V из [20]), что сближает их с весовой нормой, принятой в Московском государстве (на *рисунок 8* выделено пунктиром) [20]. Изготавливаются «тяжелые» денги с дифферентами **Л-А** и **Л-Е** плюс некоторое количество монет только с буквой **Л**. Причем вариантов монет с буквами **Л-Е** больше, чем с **Л-А** (42 против 30), что подтверждает факт «исчезновения» Василия Епимахова из летописей несколько позже, чем Якова Брюхатого (*рисунок 9*). В итоге, по версии автора, псковская денежная эмиссия прекратилась примерно в 1502 г. (*рисунок 9, таблица 1*).

Теперь перейдем к чеканке Новгорода периода независимости. Чеканились монеты периода независимости со стоящей и сидящей левыми фигурами, причем, скорее всего, параллельно друг другу на двух разных денежных дворах [24]. Единственной изданной работой по новгородским монетам, в которой подробно рассмотрены монетные штемпели, является книга И.И. Толстого [23]. На ней и основан последующий анализ с указанием соответствующих номеров аверсов или реверсов. Естественно, с тех пор многое изменялось, поэтому при появлении каких-то новых публикаций, связанных с анализом штемпельных связей, выводы автора можно будет корректировать.

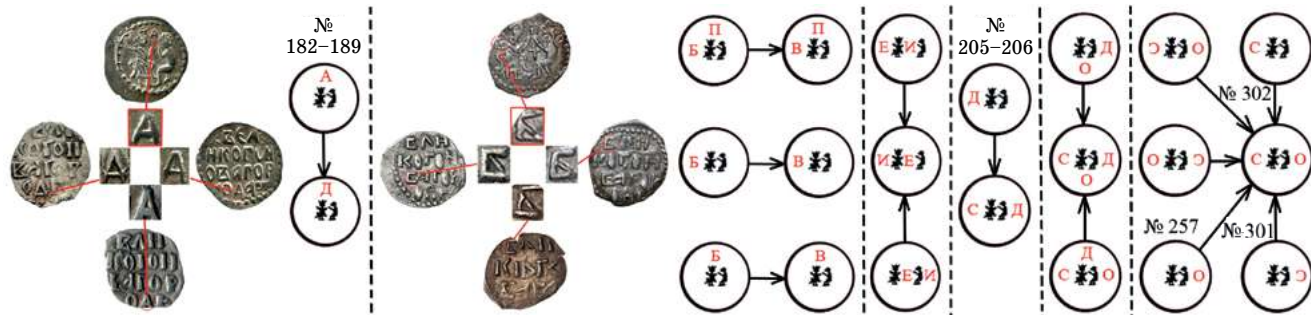
В схематическом изображении монет сделаны некоторые упрощения и уточнения (*рисунок 10*).

По мнению автора, дифферента **А** не было, а была буква **Д**, похожая на заглавную **А** (*рисунок 10*). Аналогично с дифферентами **Б** и **Б-П** – на самом деле это **В** и **В-П**, т. к. на монетах этого периода очень часто в легенде реверса можно было наблюдать написание «**Б**» вместо «**В**» (*рисунок 10*). Полагаю, что разновидности монет последнего этапа чеканки (группы **С-Д**, **С-О-Д**, **С-О** на *рисунок 10*) получились в результате ошибок и низкой квалификации монетных резчиков, которые зеркально отображали как отдельные дифференты, так и композиции из двух букв целиком относительно фигур в центре, а также просто «забывали» вырезать некоторые из них. Исходя из этого, получается, что буква **С** может быть всегда около левой фигуры. Поэтому автор расширявает ее как **София**. Указанные монеты относятся к 1470-м гг. [24]. Именно в эти годы в некоторых Новгородских грамотах (Договор о перемирии с Дерптом от 1474 г., Вкладная архиепископа Феофила Вяжицкому монастырю от 1473/1474 гг.) в преамбуле появляются слова типа «Милостью Божьей и святых Софьи, Премудрости Божьей...» [14]. Таким образом, св. София уже официально выступает как небесная покровительница Новгорода в отличие от летописей, где она, как считал М.А. Львов, скорее была олицетворением православного храма и «социальных симпатий летописца» [27]. Более того, иконописный образ сидящей св. Софии сложился уже в 1-й четв. XV в., а не во 2-й его половине, как писал М.А. Львов [27], т. к. известная икона «София, Премудрость Божия» из Благовещенского собора (*рисунок 11-1*) в соответствии с доводами доктора искусствоведения Л.И. Лифшица [28] относится к живописи именно этого периода. То есть на момент

Таблица 1

Псковские посадники и соответствующие им периоды монетной чеканки

Денежный двор	Годы	Период (расчет)	Дифферент	Посадник
	1424–1428	Около 4 лет ($49/12=4,1$)	А (А, Я)	Яким Павлович
I	1461–1465	Около 5 лет ($60/12=5$)	К	Кондрат
I	1465–1473	Около 8 лет ($98/12=7,9$)	С	Стефан Афанасьевич
I	1474	Менее года	Ь (О)	Терентий А(О)ндреевич (Терентий Ондреев)
I	1475/1476	Менее года	Ф (Ф, Ф)	Моисей Федорович (Моисей Федоров)
II	1463–1467 или 1461–1465	Около 4 лет ($52/12=4,3$)	Е (Е)	И(Е)гнатий Логинович или Леонтий (Елентий) Макарьевич
II	1467–1475/1476 или 1465– 1473/1474	Около 9 лет ($104/12=8,7$)	А(Я)	Яков Иванович Кротов
I	1476–1479	Около 3–4 лет	А(Я)	Яков Иванович Кротов
II	1475/1476– 1484/1485 или 1473/1474– 1484/1485	Около 10–12 лет	А(Я)	Яков Иванович Кротов
I-II		Всего 14–15 лет ($175/12=14,6$)	А(Я)	Яков Иванович Кротов
II	1482–1486	Около 5 лет ($62/12=5,2$)	Л	Василий Логинович (Василий Логинов) или Леонтий Тимофеевич
I	1480–1485	Около 6 лет ($77/12=6,4$)	Д	Дорофей Гаврилович
I	1484–1486	Около 3 лет ($41/12=3,4$)	Е	Василий Епимахович (Василий Епимахов)
I	1485–1486	Около 2 лет ($(25+2)/12=2,3$)	М (аверс+реверс)	Микита Ларионович или Макарий Васильевич
I	1486/1487	Менее года	Ь (О)	А(О)ндрей Иванович
I	1486/1487	Менее года	Л (реверс)	Леонтий Тимофеевич
I	1487–1490/1491	Около 4 лет	Без букв	Неизвестно
I	1490/1491	Менее года	О	Яков Афанасьевич (Офонасович) Брюхатый (Яков Офонасов)
I	1491–1495	Около 5 лет ($58/12=4,8$)	А(Я)	Яков Афанасьевич (Офонасович) Брюхатый
I	1496–1497	Около 2 лет ($22/12=1,8$)	Л - А(Я)	Леонтий Тимофеевич + Яков Афанасьевич (Офонасович) Брюхатый
I	1497/1498–1500	Около 3 лет ($30/12=2,5$)	Л - А(Я)	Леонтий Тимофеевич + Яков Афанасьевич (Офонасович) Брюхатый
I	1497/1498–1501	Около 4 лет ($42/12=3,5$)	Л - Е	Леонтий Тимофеевич + Василий Епимахович (Василий Епимахов)
I	1501–1502	Менее 2 лет	Л (реверс)	Леонтий Тимофеевич

Уточнения и упрощения в схематическом изображении новгородских монет (изобр. www.coins.su/forum, www.rus-moneta.ru)

Рисунок 10

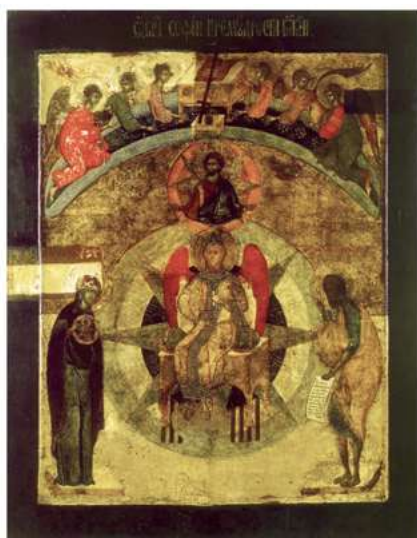
чеканки монет с сидящей левой фигурой икона уже была, но образ св. Софии еще окончательно не закрепился в этом виде, поэтому на монетах сосуществовали некоторое время два варианта. По мере «укрепления» первого из них, образ со стоящей фигурой был вытеснен окончательно. Поэтому в 3-й четв. XV в. появляется подобное изображение св. Софии – Премудрости Божьей в Софийском соборе Новгорода (рисунок 11-2), затем ее изображение уже видим на медных новгородских пулах (рисунок 11-3). Таким образом, все сводится к тому, что левая фигура – это София.

Опираясь на работу И.И. Толстого [23] и учитывая вышеизложенные уточнения и упрощения, представляем на рисунке 12 свое видение схемы чеканки новгородских денег с дифферентами. Эмиссия разбита на несколько периодов, в которых выделено несколько «линий», чеканивших денги с разными дифферентами. Причем их количество увеличивается с 2 до 5, а затем падает опять до 2 на завершающем этапе. Деление на «линии» условное и только в рамках одного периода.

Воспользуемся информацией М.П. Сотниковой из статей [24] и [29]. Разновидностей аверсов монет последнего этапа чеканки – около 300,

а чеканились они примерно с 1470 г., т. е. на протяжении 8–8,5 года. Из схемы на рисунке 12 видно, что денги с буквами С-Д и С-О-Д чеканились параллельно на двух «линиях», поэтому, скорее всего, и последующие монеты с буквами С-О чеканились таким же образом. Значит, на период 8–8,5 года приходится по 150 разновидностей на каждой «линии», т. е. примерно по 18 в год. Длительность других периодов была получена, исходя из этой интенсивности чеканки, данных этих же статей по остальным аверсам (рисунок 12).

С учетом штемпельных связей [23] можно отнести разновидности с буквой Д (№ 186–187 и № 198–199) к более раннему периоду – до 1462/1463 гг. Значит, на период 1465/1466 – 1469/1470 гг. приходятся аверсы № 182–185, 188–189, а также с буквой Д (№ 200–204). По той же причине можно сказать, что монеты с дифферентами **З**, **О-О**, **Ф**, **И** и без букв (некоторые) «бились» в это же время, а изготовление денег с буквами **В** и **Е** происходило в начале 1460-х гг. (рисунок 12). Опять же, исходя из данных Толстого [23], получается, что самыми ранними пореформенными монетами являются денги без букв (с крестиком и некоторые из тех, что вообще без знаков),

1

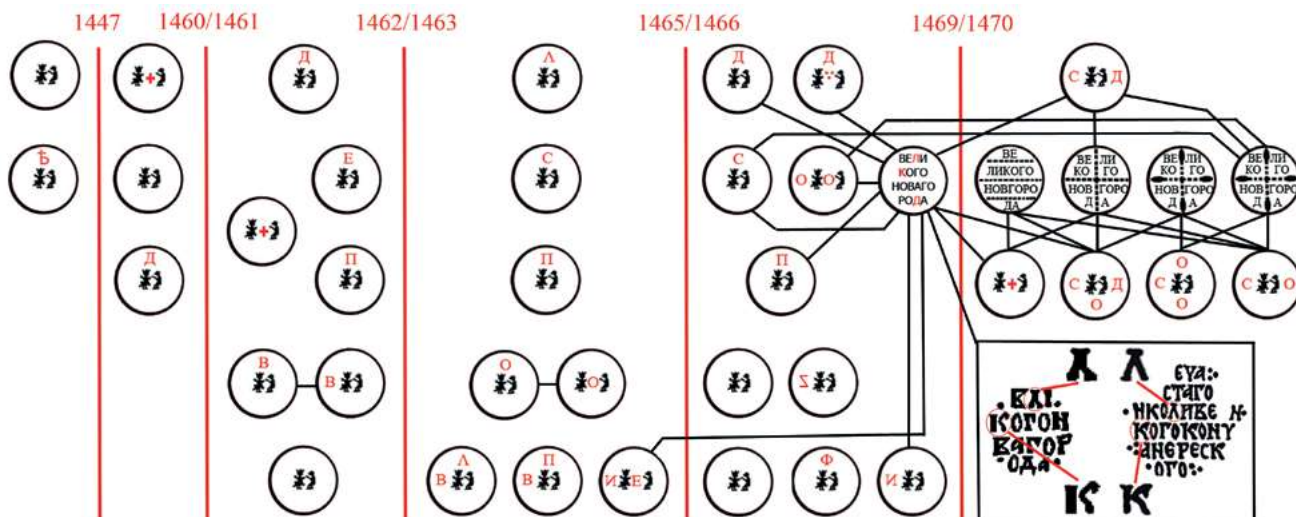
2

3

Иконы св. Софии – Премудрости Божьей (1-2) и ее изображение на медном новгородском пуло (3) (прорисовка пуло из [18])

Рисунок 11

Годы	Период (расчет)	Количество видов аверсов	Дифферент
1461/1462 – 1469/1470	Около 8–9 лет (150/18=8,3)	150	П
1462/1463 – 1469/1470	Около 6–7 лет (120/18=6,7)	120	С
1462/1463 – 1465/1466	Около 3–4 лет (70/18=3,9)	70	О
1462/1463 – 1465/1466	Около 3–4 лет (70/18=3,9)	70	Л
1465/1466 – 1469/1470	Около 4–5 лет (80/18=4,4)	~80	Д (№ 182–185, 188–189) + Д (№ 200–204)
1462/1463 – 1465/1466	Около 3–4 лет (65/18=3,6)	~65	В-П + И-Е + Е-И

Упрощенная схема новгородской денежной чеканки монет с дифференциами

Рисунок 12

а также с буквой Д (№ 198–199). Следует отметить один из последних видов реверса с новым типом шрифта и характерным начертанием букв Л, Д и К. Этот шрифт использовался на печати Неревского конца Новгорода в жалованной грамоте города Соловецкому монастырю от 1468 г. (рисунок 12), описанной в [30]. Эта дата как раз попадает в указанный на схеме период 1465/1466 – 1469/1470 гг.

Монет со стоящей Софией и «крестовым» реверсом на последнем этапе не отмечено. Поэтому можно уверенно сказать, что к 1469/1470 гг. 2-й денежный двор прекратил свою работу, а образ сидящей Софии утвердился окончательно. В итоге получается, что существенный рост новгородской чеканки монет с дифференциами и сидящей Софией приходится где-то на 1460/1461 гг., а это коррелирует с нашим расчетом возобновления «дифферентной» псковской чеканки (дифферент К, 1461 г.).

Попробуем определить принадлежность дифференентов. Как и в случае с Псковом, полагаем, что они соответствуют новгородским посадникам, ответственным за денежную чеканку на той или иной «производственной линии». Для определения посадников были проанализированы работы В.Л. Янина [30; 31]. В результате была получена диаграмма интересующих нас посадников (рисунок 13), в которой цветом выделены наиболее «подходящие» из них. Каждый посадник имеет свой номер, который проставлен в ячейки, соответствующие годам упоминания в летописных источниках.

При выборе посадников учитывались следующие моменты:

1. Прозвище, имя и отчество (ПИО) посадника должны начинаться с буквы-дифферента. Причем, отдавалось предпочтение тем посадникам, у которых на букву-дифферент начинаются только имена или прозвища, т. к. в Новгороде в те времена еще не были сильны традиции написания типа отчество это «фамилия» (это видно по посадничьим печатям [30]), как в соседней Московии.

2. Современные написания ФИО орфографически отличаются от написания ПИО в XV в., что отражено вариантами в скобках.

3. Посадники не назначались пожизненно. Они могли быть отстранены от своих обязанностей на вечно. Думаю, что этот принцип можно распространить и на ответственных за чеканку.

4. В Новгороде был принят «кончанский» принцип формирования посадников. Они назначались от 5 концов города. После денежной реформы 1447 г., согласно летописи, были назначены 5 «денежников», т. е. этот принцип присутствовал и в монетной чеканке. В городе были следующие концы – Неревский, Словенский, Загородский, Плотницкий, Людин. Последние три В.Л. Янин объединил в т. н. Прусско-Плотницкую группировку [30].

5. Фактический (расчетный) период службы посадников может отличаться от упомянутого в летописях и (или) указанного В.Л. Яниным [30; 31].

Таким образом, исходя из данных рисунка 13, автором была получена таблица посадников и их соответствие буквам-дифференциам с разбивкой по периодам чеканки (таблица 2).

Годы	Посадник																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1441																				
1442																				
1443																				
1444																				
1445																				
1446																				
1447																				
1448																				
1449																				
1450																				
1451																				
1452																				
1453																				
1454																				
1455																				
1456																				
1457																				
1458																				
1459																				
1460																				
1461																				
1462																				
1463																				
1464																				
1465																				
1466																				
1467																				
1468																				
1469																				
1470																				
1471																				
1472																				
1473																				
1474																				
1475																				
1476																				
1477																				
1478																				

1	Василий Александрович Калинин	Н
2	Василий Степанович	С
3	Василий Овьянович	С
4	Василий Глазюмен	П
5	Василий Иванович	С
6	Кузьма Остафьевич Грузов	С
7	Мина Васильевич	С
8	Феофилакт Захарыич Скупой Пороочка	П
9	Самсон Иванович	Н
10	Федор Остафьевич Сюзезмен	С
11	Гимзофей Остафьевич	С
12	Есиф Васильевич Носов	П
13	Яков Иванович Селезнев	Н
14	Есиф Андреевич Горощков	П
15	Есиф Яковлевич	П
16	Олферий Иванович	С
17	Есиф Григорьевич Посахино	П
18	Кузьма Григорьевич Ошип	П
19	Захария Григорьевич Ошип	П
20	Офонас Остафьевич Груз	С
21	Богдан Есифович Носов	П
22	Григорий Давыдович	П
23	Лука Федорович	П
24	Дмитрий Васильевич Глухов	С
25	Яков Игнатьевич Лозьев	?
26	Дмитрий Исаакович Борецкий	Н
27	Иван Луканович Шова	П
28	Михаил Иванович Туча	П
29	Иван Франисович	С
30	Исаак Андреевич Борецкий	Н
31	Яков Федорович	П
32	Иван Лаврентьевич	?
33	А(О)лександр Самсонович	Н
34	А(О)лександр Васильевич Кавский	П
35	Федор Яковлевич	П
36	Фома Андреевич Курятник	П
37	Федор Алексеевич	С
38	Федор Оксифович Глазюмен	П
39	Федор Самсонович	Н
40	Никита Есифович (Посахино)	П

С – Словенский конец Н – Неревский конец П – Прусско-плотницкая группировка

Диаграмма новгородских посадников, ПИО которых соответствует дифференциалу

Рисунок 13

Таблица 2

Новгородские посадники и периоды монетной чеканки

Период	Дифферент	Посадник	Конец/группировка	Примечание
После 1469/1470	С	Св. София		В составе других дифференциалов
	О	Офонас Остафьевич Груз	Словенский	В составе групп С-О-Д, С-О
	О-О	Офонас Остафьевич Груз		
	Д	Дмитрий Исаакович Борецкий	Неревский	В составе групп С-О-Д, С-Д

Продолжение таблицы 2

Период	Дифферент	Посадник	Конец/группировка	Примечание
1465/1466 – 1469/1470	Д	Дмитрий Исаакович Борецкий	Неревский	
	О-О	Офонас Остафьевич Груз	Словенский	Кратковременно
	С	Федор Остафьевич Своеземцев	Словенский	Видимо, именно его сменил Офонас Груз, т. к. известно, что Федор Своеземцев умер в 1460-х годах [30]
	П	Есиф Григорьевич Посахно или Никита Есифович (Посахно)	Прус-Плот	Последние летописные данные о первом есть за 1463 г., а первые о втором – за 1475 г. (рисунок 13). Но ничего не мешает любому из них «служить» также в этот период. Возможен вариант, когда сначала был Есиф Григорьевич, а через некоторое время – Никита Есифович
	Σ (З)	Захарий Григорьевич Овин	Прус-Плот	Кратковременно
	Ф	Федор Окинфович Глазоемец	Прус-Плот	Кратковременно. Второй претендент – Федор Яковлевич умер в 1466 г. (рисунок 13)
	И	Иван Лукинич Щока	Прус-Плот	
1462/1463 – 1465/1466	С	Федор Остафьевич Своеземцев	Словенский	
	П	Есиф Посахно или Никита Есифович (Посахно)	Прус-Плот	
	О	А(О)лександр Самсонович	Неревский	Второй претендент – Захарий Овин имел другой знак (см. ранее)
	И-Е	Иван Щока + Есиф Яковлевич или Есиф Андреевич Горошков	Прус-Плот	Совместно. Предпочтительно – Есиф Яковлевич (умер в 1466 г.)
	Л	Лука Федорович или Яков Игнатьевич Лозьев	Прус-Плот	Первый в 1462 г., а второй – в 1463 г. были тысяцкими [30], после этого вполне могли быть посадниками
	В-Л	Василий Глазоемец + Лука Федорович или Яков Лозьев	Прус-Плот	Совместно. Кратковременно
1460/1461 – 1462/1463	В-П	Василий Глазоемец + Есиф Посахно или Никита Есифович (Посахно)	Прус-Плот	Совместно
	П	Есиф Посахно или Никита Есифович (Посахно)	Прус-Плот	
	Е	Есиф Яковлевич или Есиф Андреевич Горошков	Прус-Плот	Предпочтительно – Есиф Яковлевич (см. ранее)
	В	Василий Глазоемец	Прус-Плот	
1447 – 1460/1461	Д (№ 198–199, 186–187)	Дмитрий Васильевич Глухов	Словенский	
1447 – 1460/1461	Д (№ 198–199)	Дмитрий Васильевич Глухов	Словенский	
До 1447	Ъ «ять» (Е)	Любой посадник этого периода, имеющий первую букву Е в своем ПИО	Неизвестны	Данная буква – это символ, одним из вариантов употребления которого было графическое обозначение звука «Е», в дальнейшем она была полностью заменена буквой Е . Использование тех или иных букв целиком зависело от грамотности и (или) желания исполнителя

Становится возможным уточнить дату окончания чеканки монет, имеющих дифференты С-Д и С-О-Д. Это середина 1471 г., когда после пленения Дмитрий Борецкий был казнен. Как видим, кончанский принцип формирования ответственных за чеканку в заключительном этапе уже не соблюдался – с 1469/1470 г. до середины 1471 г. было два ответственных, представлявших Неревский и Словенский концы, а после середины 1471 г. был только представитель Словенского конца города. Аверсы с буквами О-О и С «сочетаются» с более поздними реверсами заключительного периода (рисунки 12). По мнению автора, такое могло быть возможным только в том случае, если аверсы «принадлежат» одному и тому же посаднику, как и последующие (С-О-О и С-О), либо посаднику,

представляющему один и тот же конец города (в данном случае – Словенский). Также при совместной ответственности за чеканку (дифференты И-Е, В-П и др.) оба посадника должны представлять один конец города (одну группировку). В отношении аверсов без дифферентов можно сказать, что за ними также вполне могут «скрываться» представители посадничества от разных концов или группировок города.

В заключение отметим, что хоть предложенные версии и носят условно-вероятностный характер, но они очень неплохо коррелируют как с отдельными нумизматическими данными, так и с общеисторическими событиями в целом и, естественно, при поступлении новой информации могут быть соответствующим образом скорректированы.

Библиографический список:

1. Львов, М.А. «Великокняжеские» новгородки (опыт поштемпельного анализа русских монет XV в.) / М.А. Львов // Русская нумизматика XI–XX веков. – Ленинград, 1979.
2. Зайцев, В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III / В.В. Зайцев. – Киев, 2006.
3. Волков, И.В. «Новгородский денежный двор», или «Новгородские денежные дворы» при Иване III? / И.В. Волков // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. – Выпуск 6. – М., 2019.
4. Зимин, А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки соц.-полит. истории) / А.А. Зимин. – М., 1982.
5. Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во вт. пол. XV – пер. трети XVI в. / А.А. Зимин. – М., 1988.
6. Пашкова, Т.И. Местное управление в Русском государстве пер. пол. XVI в. (наместники и волостели) / Т.И. Пашкова. – М., 2000.
7. Богуславский, В.В. Славянская энциклопедия. Киевская Русь-Московия / В.В. Богуславский. – Т. 1, 2. – М., 2003.
8. Правящая элита Русского государства посл. четв. XV–сер. XVI вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruling-elite.spbu.ru> – СПб., Гос. ун-т, 2019.
9. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/>.
10. Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/>.
11. Полн. собр. русских летописей. – СПб, 1848. – Т. 4: IV и V Новгородские и Псковские летописи.
12. Русская историческая библиотека / Ред. А. Барсуков. – СПб., 1894. – Т. 15: Русские акты Ревельского городского архива.
13. Курляндские, Лифляндские, Эстляндские и Финляндские дела в Моск. гл. архиве М-ва иностр. дел. – М., 1896.
14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. – Ленинград, 1949.
15. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб., 1846. – Т. 1: Археологическая комиссия.
16. Борисов, Н. Иван III / Н. Борисов. – М.: Молодая гвардия, 2006.
17. Волков, И.В. Новгородские пула «Князя Великого» / И.В. Волков. – Двадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2019.
18. Зайцев, В.В. О датировке различных типов Новгородских пул XV–XVI вв. / В.В. Зайцев. – Двадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2019.
19. Гулецкий, Д.В. Русские монеты 1353–1533 / Д.В. Гулецкий, К.М. Петрунин. – Минск, 2013.
20. Мельникова, А.С. Псковские монеты XV в. / А.С. Мельникова // Нумизматика и эпиграфика. – Т. 4. – М., 1963.
21. Толстой, И.И. Русская допетровская нумизматика / И.И. Толстой // Вып. 2. Монеты Псковские. – СПб., 1886.
22. Труды Псковского Археологического Общества за 1906 г. – Вып. 4. – Псков, 1907.
23. Толстой, И.И. Русская допетровская нумизматика / И.И. Толстой // Вып. 1, Монеты Вел. Новгорода. – СПб., 1884.
24. Сотникова, М.П. Денежный чекан Новгорода Великого (1420–1471) / М.П. Сотникова. – Нумизм. альманах. – № 3. – М., 2001.
25. Вовин, А.А. Князь и посадник в Пскове XIV–XV вв. / А.А. Вовин. – СПб.
26. Кафенгауз, Б.Б. Древний Псков (очерки по истории феодальной республики) / Б.Б. Кафенгауз. – М., 1969.
27. Львов, М.А. Еще раз к вопросу об изображении на новгородских монетах. Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики / М.А. Львов. – Ленинград, 1977.
28. Лифшиц, Л.И. София Премудрость Божия в русской иконописи. София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России / Л.И. Лифшиц. – М., 2000.
29. Сотникова, М.П. Денежный чекан Великого Новгорода в 1447 году / М.П. Сотникова // Междунар. нумизм. альманах «Монета». – № 6. – М., 1999.
30. Янин, В.Л. Новгородские посадники / В.Л. Янин. – М., 2003.
31. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь / отв. ред. В.Л. Янин. – СПб., 2007.

On the Issue of Certain Numismatic Riddles of Coin Minting of Novgorod and Pskov in 15th – 16th Centuries

Yury DZENISENKA, Member of the NGO “Belarusian Numismatic Society”, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: dyn291171@tut.by.

Abstract. *The study is devoted to coin minting of Novgorod and Pskov of the 15th – 16th centuries. The author tries to understand the issue of the belonging of the letters (mint marks) on the Novgorod and Pskov coins of the specified period, assuming that they correspond not to merchants authorized to mint coins, but to persons responsible for coinage. The versions proposed by the author are conditional, however, they are well correlated with both individual numismatic data and general historical events as a whole.*

Новы тып падліковага жэтона (лічмана) падскарбія вялікага літоўскага Андрэя Завішы*

Дзмітрый МАЦЕША

Член ГА «Беларускае нумізматычнае таварыства»,
Рэспубліка Беларусь, г. Мінск,
e-mail: ozcoin@mail.ru

Пасада падскарбія земскага (вялікага літоўскага)

Лічыцца, што пасада падскарбія ў ВКЛ з'явілася ў канцы кіравання вялікага князя Вітаўта (1382–1430), пры якім княства займала найбольшую тэрыторыю і дасягнула найвышэйшай палітычнай магутнасці. Пры Казіміры IV гэты пост быў падзелены на дзве пасады: земскага (дзяржаўнага) і дворнага (прыдворнага) падскарбія.

У сярэдзіне XVI ст., у 1566 г. пры прызначэнні на пасаду падскарбія М. Нарушэвіча вялікі князь выдаў прывілей, які вызначыў паўнамоцтвы скарбніка, яго правы і абавязкі. На земскага падскарбія была ўскладзена задача прымаць ад мясцовай адміністрацыі «платы і пажыткі з гаспадарскіх замкаў і палацаў, месцаў і валасцей» з прыходна-расходнымі справаздачамі. Галоўны скарбнік мог падвргаць секвестру маенткі прадстаўнікоў мясцовага кіравання за растрату дзяржаўных сродкаў або несвоечасовае іх пералічэнне ў скарб. Без яго дазволу нельга было займацца распрацоўкамі ў гаспадарскіх пушчах. Падскарбій атрымаў права на ўстанаўленне натуральных і грашовых збораў ад насельніцтва ў велікакняжацкіх маентках, наданне падатковых ільгот. Ён мог інспектаваць вядзенне гаспадаркі, а ў выпадку занятасці даручаць гэтую працу сваёй даверанай асобе.

Падскарбію былі прадастаўлены шырокія паўнамоцтвы ў кіраванні мытнай дзейнасцю дзяржавы. Без рашэння падскарбія, узгодненага з вялікім князем, нельга было адмяняць або памяншаць мытныя плацяжы. Ён атрымаў права прызначаць мытнікаў. Пры гэтым сам гаспадар без узгаднення з падскарбіем не мог раздаваць мыта ў арэнду або перадаваць «да вернай рукі» – сабе як вялікаму князю. Без подпісу падскарбія нельга было выдаваць мытныя грошы і ўключыць у справаздачу выдадзеныя без яго дазволу сродкі.

Таксама адной з важных функцый вялікага літоўскага падскарбія была арганізацыя чаканкі манеты. Як пацвярджэнне важнасці сваёй пасады, падскарбій размяшчаў на манетах свой герб, які выконваў ролю своеасаблівага «подпісу», даводзячы да жыхароў княства інфармацыю аб тым, хто ў дзяржаве кіруе грашова-фінансавай сістэмай. На *малюнку 1* мы бачым «Траяк» з гербам «Ляліва» падскарбія вялікага літоўскага Яна Глябовіча.

Такім чынам, можна сцвярджаць, што пасада падскарбія ў ВКЛ з дзяржаўнага скарбніка ператварылася ў кіраўніка фінансаванага і фіскальна-мытнага ведамства ў сумяшчэннем функцый кіраўніка эмісійнага цэнтра.

Манета 3 грошы (траяк). Рэч Паспалітая часоў праўлення Стэфана Баторыя

Малюнак 1

Род Завішаў

Падрабязнасці жыцця шляхецкага роду Завішаў вядомы дзякуючы мемуарам, якія пакінуў мінскі ваявода Крыштаф Станіслаў Завіша ў пачатку XVIII ст. (Раміетнікі Krzysztofa Zawiszy – «Успаміны Крыштафа Завішы»). У сярэдзіне XIX ст. яны былі пера-

* Аўтар выказвае шчырую падзяку за дапамогу ў падрыхтоўцы гэтага артыкула супрацоўнікам Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея (Ян Лялевіч) і Нацыянальнага музея ў Варшаве (Музей Narodowe w Warszawie, Jerzy Rekiński). Аўтар будзе ўдзячны за звесткі аб падліковых жэтонах ВКЛ з тэрыторыі Беларусі і іншых краін. На якую інфармацыю з фотаздымкамі можна дасылаць на электронную скрыню: ozcoin@mail.ru.

кладзены з лацінскай мовы на польскую, а некалькі гадоў таму выдавец Віктар Хурсік пераклаў іх і выдаў на беларускай мове.

Род Завішаў бярэ свой пачатак у Польшчы, але ў сувязі з перасяленнем яго асобнай галіны ў ВКЛ і парадненнем з тутэйшымі магнатамі дазволім сабе лічыць яго літвінскім або русінскім (як называлі сябе самі жыхары ВКЛ). У XVI ст. Андрэй Завіша ўзяў шлюб з адзінай дачкой ваяводы Кежгайлы Барбарай, у пасаг бацька аддаў графства Бакшты з цэнтрам у Смілавічах. У дадатак Завіша ўзяў сабе герб Кежгайлы «Лебедзь» і прозвішча Завіша-Кежгайла (малюнак 2).

Разам з Бакштамі Андрэй Завіша атрымаў і тытул графа, які насіў род да XIX ст. і які прызнаваўся каралямі. Але пасля падзелу Рэчы Паспалітай Завішы не здолелі пацвердзіць сваё шляхецкае паходжанне.

Андрэй Завіша меў сыноў Мельхіёра і Яна. Апошні, у сваю чаргу, меў ад шлюбу з Яўхіміяй Вярбіцкай трох сыноў – Яна (1550–1626), Юрыя (1555–1590) і Андрэя (1557–1604), падскарбія.

Генеалагічная табліца Завішаў

Ян + ?

Андрэй + Барбара Кежгайла

Ян з Ракава + Яўхімія Вярбіцкая

Андрэй (1557–1604), ваявода мінскі, падскарбій вялікі літоўскі + Сафія Валовіч

Крыштаф (1578–1670), вялікі літоўскі маршалак, віленскі кашталян + Кацярына Тышкевіч

Андрэй Казімір (1618–1678), вялікі літоўскі пісар, стараста мінскі + Аляксандра Агінская

Крыштаф Станіслаў (1666–1721), ваявода мінскі + Тэрэса Тышкевіч

Малюнак 2

Падскарбій і яго лічманы

Звестак пра Андрэя Завішу захавалася не так шмат. Ён нарадзіўся ў 1557 г. у сям'і Яна Завішы і Яўхіміі з Вярбіцкіх. Быў ваяводай мінскім у 1596–1598 гг. Уладальнік часткі маёнтка «Бакшты» (таму пісаўся «на Бакштах Завіша»). У сваіх мемуарах Крыштаф Завіша, праўнук падскарбія, так апісвае

свайго продка: «Быў то падскарбі сумленны, набожны, які баяўся Бога і любіў айчыну».

Пасаду вялікага падскарбія літоўскага Андрэй Завіша заняў 26 красавіка 1598 г. пасля смерці Дзмітрыя Халецкага, які быў падскарбіем з 6 красавіка 1590 г. па 20 студзеня 1598 г.

На малюнках 3 і 4 можна ўбачыць срэбныя манеты наміналам у тры грошы, выбітыя на мынцы ў Вільні ў 1598 г. пры Дз. Халецкім і А. Завішы (паміж лічбаў даты – галава вала (знак майстра мынцы Шымона Лідмана) і гербы «Халецкі» і «Лебедзь» адпаведна).

Манета 3 грошы (траяк). Рэч Паспалітая, 1598

Малюнак 3

Манета 3 грошы (траяк). Рэч Паспалітая, 1598

Малюнак 4

Разам са звонкай манетай на Віленскай мынцы білі і падліковыя жэтоны – лічманы, ці, як іх яшчэ называюць, падскарбуўкі. На малюнках 5 і 6 мы бачым падскарбуўкі Дз. Халецкага і А. Завішы. На абодвух лічманах маецца дата 1595. Пры біцці ліч-

Падскарбуўка Дзмітрыя Халецкага, датаваная 1595 г.

Малюнак 5

Падскарбуўка Андрэя Завішы, датаваная 1595 г.

Малюнак 6

мана Андрэя Завішы цалкам быў захаваны рэверс лічмана Дзмітрыя Халецкага, змяненні звездаў толькі аверс, дзе знаходзяцца ініцыялы і гербы падскарбія. Выкарыстанне рэверса жэтона папярэдняга эмітэнта дае некаторую інфармацыю для разважанняў. Напрыклад, выкарыстанне старога штэмпеля пры біцці рэверса паказвае на неабходнасць эканоміі часу, гэта значыць, што лічман патрэбен быў тэрмінова адразу пасля прызначэння Андрэя Завішы на пасаду падскарбія. Магчыма, адбываліся працэсы, якія нельга было спыняць, для абслугоўвання якіх у кароткія тэрміны патрэбен быў лічман новага падскарбія. Таксама стары рэверс на лічмане мог быць захаваны без змяненняў для забеспячэння пераемнасці паміж падскарбіямі. Напрыклад, ён мог выкарыстоўвацца пры зборы мыта або як пацвярджэнне права на яго памяншэнне.

Можна меркаваць, што з цягам часу павінен быў з'явіцца новы тып лічмана з арыгінальным (змененым) рэверсам і актуальнай датай.

Нарэшце, падліковы жэтон быў знойдзены побач з в. Балі, якая знаходзіцца ў Шчучынскім раёне Гродзенскай вобласці (малюнак 7). Дыяметр лічмана складае 24,5 мм, вага 2,64 г.

Падскарбуўка Андрэя Завішы 1602 г.?

Малюнак 7

На ім няма даты альбо яна ёсць, але з-за дрэннага стану яе складана разгледзець. Можна меркаваць, што ён быў адбіты пасля выпуску лічмана з датай 1595 г., напрыклад у 1602 г. У такім выпадку на ім павінны былі быць лічбы 1602 ці хаця б 02. У падтрымку гэтага меркавання можна ўзгадаць, што ў 1602 г. на мынцы ў Вільні біліся траякі з гербам «Лебедзь» А. Завішы (малюнак 8). Па стылістыцы малюнка апошнія дзве лічбы даты на трохграшовіку падобныя на лацінскія літары O Z. Магчыма літары-лічбы пры біцці лічмана пераблыталі і ў выніку атрымалася Z O.

Манета 3 грошы (траяк). Рэч Паспалітая, 1602 г. («Траяк» с гербам «Лебедзь» падскарбія Андрэя Завішы)

Малюнак 8

Вяртаючыся да апісання падскарбуўкі, трэба адзначыць, што яе аверс цалкам супадае з «папярэдняй версіяй» падскарбуўкі 1595 г. (малюнак 6). На ім выбіта чатырохпольная гербавая тарча, акружаная лаўрамі і абводкай, унутры тарчы – гербы: «Лебедзь», «Палукоз», «Радван» і «Праўдзіч», над тарчай – каранаваны гелм з пер'ем паўліна, па баках ініцыялы AZ. Дрэнны стан падскарбуўкі абумовіў складанасць успрымання адлюстраванай на ёй інфармацыі з дапамогай фатаграфіі. Таму для зручнасці намі была выканана прамалёўка рэверса жэтона ў чорна-белым колеры (малюнак 7). На адваротным баку змешчана сентэнцыя: NEC TIMER, NEC SCITO (лац. «ні паспешліва, ні неабдуманна»). Магчыма, з дапамогай гэтай сентэнцыі эмітэнт «тлумачыць» нам, чаму арыгінальную, адметную ад папярэдніх, падскарбуўку выбілі толькі праз некалькі гадоў пасля заняцця ім пасады падскарбія. Вышэй і ніжэй сентэнцыі размешчаны раслінныя матывы, пад ніжнім знаходзіцца літара Z, справа ад літары размешчаны перакрыжаваныя галінкі. Вяртаючыся да пытання датавання падліковага жэтона, можна сказаць, што для пацвярджэння або абвяржэння гіпотэзы аб даце біцця (у 1602 г.) застаецца дачакацца з'яўлення падскарбуўкі ў добрым стане з цалкам бачным рэльефам. Тады, у залежнасці ад наяўнасці альбо адсутнасці справа ад галін літары-лічбы O, магчыма, вырашыцца пытанне часу чаканкі падскарбуўкі.

Падсумоўваючы, трэба адзначыць, што дадзеная падскарбуўка з'яўляецца ўнікальнай і не апісана ў нумізматычнай літаратуры. Такім чынам, мы адкрываем яшчэ адну новую старонку ў гісторыі айчынай нумізматыкі.

Бібліяграфічны спіс:

1. Demel, B. *Licznany mennicze zwane podskarbiowkami* / B. Demel. – Kraków, 1911.
2. Drożdż, K. *Podskarbiówki i licznany Rzeczypospolitej Obojga Narodów i z Rzeczypospolita powiazane* / K. Drożdż. – Warszawa, 2014.
3. Ivanauskas, E. *Lietuviški skaičiavimo žetonai 1546–1615* / E. Ivanauskas. – Kaunas, 2014.
4. Грузицкий, Ю. Подскарбий земский или казначей ВКЛ / Ю. Грузицкий // *Фінансы. Учет. Аудит.* – 2014. – № 2. – С. 38–39.
5. Завіша, К. Успаміны Крыштафа Завішы, ваяводы мінскага (1666–1721): выданне з арыгінальнага рукапісу з заўвагамі Юльяна Барташэвіча [пер. з польскай мовы, заўвагі В. Хурсіка] / К. Завіша. – Мінск, 2011. – 449 с.
6. Какареко, В.И. *Монеты Великого княжества Литовского 1492–1707* / В.И. Какареко, И.Н. Шталенков. – Минск, 2005. – 80 с.
7. Матеша, Д. *Счетные жетоны XVI–XVII вв. в собраниях на территории Беларуси* / Д. Матеша // *Банкаўскі веснік.* – 2018. – № 2. – С. 24–28.
8. *Warszawskie Centrum Numizmatyczne Marek Kondrat* [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: www.wcn.pl. – Дата доступу: 10.10.2019.
9. *Вікіпэдыя вольная энцыклапэдыя* [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: www.be-tarask.wikipedia.org. – Дата доступу: 10.10.2019.

New Type of a Jetton (Lichman) of Andrei Zavisha, Podskarbi (Treasurer) of the Grand Duchy of Lithuania

Dzmitry MATSESHA, Member of the NGO “Belarusian Numismatic Society”, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: ozcoin@mail.ru.

Abstract. *The article is devoted to the discovery of the jetton (lichman, padskarbouka) of Andrei Zavisha, Podskarbi (Treasurer) of the Grand Duchy of Lithuania. The position of podskarbi as the head of the financial and fiscal and customs agency with the combined functions of the head of the emission center extended wide powers. The author introduces into scientific circulation the unique jetton found in Grodno region.*

Клад третьей четверти XVII в. из д. Докучино Крупского района

(из фондов Национального исторического музея Республики Беларусь)

Валерий КОБРИНЕЦ

ГУ «Музей Белорусского Полесья»,
Республика Беларусь, г. Пинск,
e-mail: lerakob@yandex.by

В третьей четверти XVII в. денежное обращение на белорусских землях продолжало сохранять интернациональный характер. В нем принимали активное участие монеты разных государств Европы: Испании, Священной Римской империи, Швеции, Речи Посполитой, России и др. Временное нахождение части территории Беларуси в составе Русского государства в годы войны 1654–1667 гг. расширило объемы поступления его денежной продукции и, как следствие, увеличило степень ее участия в местном денежном обращении. Указанные процессы прослеживаются на основе как письменных, так и нумизматических источников. Тем не менее следует отметить, что в общем монетном фонде русские монеты продолжали играть небольшую роль [30, с. 196].

В настоящее время на территории Беларуси зарегистрировано не менее 40 случаев присутствия монет Русского государства в составе кладов, сокрытие которых приходится на третью четверть XVII в. Среди них известны находки с «ефимками с при-знаками» и с «проволочными» копейками, которые

образуют две обособленные группы. В каждой из них степень представленности русских монет различна. В частности, комплексы с «проволочными» копейками распадаются на две более мелкие составляющие – клады смешанного состава и «чистые» русские клады. Последние состоят исключительно из монет Русского государства XVI–XVII вв. В смешанных кладах, кроме монет русской чеканки, присутствуют монеты иных европейских стран – Речи Посполитой, прибалтийских владений Швеции, государств Священной Римской империи и др. В настоящее время известно 13 «чистых» и 15 смешанных кладов с русскими монетами.

Одним из примеров комплекса с русскими «проволочными» монетами смешанного состава, который был сокрыт в третьей четверти XVII в., является клад из д. Докучино Крупского района. Он был обнаружен 31 мая 1962 г. при вспашке огорода местным жителем М.Н. Косточко, трактористом совхоза «Селява». Первичное определение находки провел научный сотрудник Белорусского государственного музея (ныне – Национальный исторический музей Республики Беларусь) Л.Д. Клок. В 2010–2011 гг. русская часть была определена автором. В 2019 г. была проведена работа с западноевропейской частью*.

Указанная находка состоит из 254 западноевропейских и русских монет второй половины XVI в. – третьей четверти XVII в. Ее младшими монетами является чеканка прибалтийских владений Швеции (ливонские и рижский солиды 1663 г.).

В западноевропейской части клада представлены 62 монеты:

Священная Римская империя: Бранденбург (маркграфство) – Георг Вильгельм полторагрошовик 1622 (2); Ольденбург (графство) – Антон Гюнтер флорин (1637–1657) (1).

Пруссия (в ленной зависимости от Речи Посполитой) – Георг Вильгельм полторагрошовик год (?) (1).

Речь Посполитая: Сигизмунд III Ваза м. дв. Вильно солид 1623 (1), грош 1625 (1), м. дв. Быдгощ полторагрошовик 1622 (2), 1623 (2), 1624 (3), 1625 (1), 162[X] (2).

Прибалтийские владения Швеции: Густав II Адольф м. дв. Рига полторагрошовик 1623 (1),

* Выражаю благодарность старшему научному сотруднику Национального исторического музея Республики Беларусь Р.И. Крицуну в помощи атрибуции западноевропейских монет находки.

м. дв. Эльблонг полторагрошовик 163[X] (1); Кристина Августа Ваза м. дв. Рига (город) солид (1630–1640-е гг.) (2), 1650 (1), год (?) (1), м. дв. Рига (Ливония) солид 16[4?]8 (1), 16[X]4 (1); Карл X Густав м. дв. Рига (город) солид 1655 (1), 1656 (1), 1657 (3), 1658 (1), 165[X] (1), 1660 (2), год (?) (1), м. дв. Рига (Ливония) солид 1657 (1), м. дв. Эльблонг 6 грошей 1659 (1); Карл XI м. дв. Рига (город) солид 1661 (3), 1662 (3), 1663 (1), 16[X3?] (1), год (?) (2), м. дв. Рига (Ливония) солид 1661 (3), 1662 (3), 1663 (2), 166[X] (1), 16[XX] (1), год (?) (1).

Молдавское княжество, м. дв. Сучава: фальсификаты, имитирующие рижские солиды Кристины Августы Ваза «9» (1), «62» (1), «6[X]» (1), Карла X Густава «12» (1).

Фальсификат неизвестного места происхождения, имитирующий рижский солид Карла X Густава (1).

Русская часть клада состоит из 192 монет:

Россия (царство) – Иван IV Васильевич Грозный м. дв. Новгород копейка (1); Борис Федорович Годунов м. дв. Москва копейка (1); «Дмитрий Иванович» м. дв. Псков копейка (1); Михаил Федорович Романов м. дв. Москва копейка (92), м. дв. Новгород копейка (3), м. дв. Ярославль копейка (1); фальсификаты, имитирующие копейки Михаила Федоровича, (2); Алексей Михайлович Романов м. дв. Москва денга (1), копейка (89); копейка 1640-е гг. м. дв. Москва (1).

Как видно из описания западноевропейской части клада, в нем представлены преимущественно монетные номиналы мелкого и среднего достоинства. Единственной крупной монетой является флорин Антона Гюнтера (рисунки 1). Подобные наборы монет встречаются в кладах, которые происходят из д. Ирвяница Дубровенского района и урочища Бобровица (окрестности г. Наровли) [27, с. 57; 28, с. 184 № 120]. Следует обратить внимание на то, что в одном из этих случаев общее количество монет (384 шт.) близко к рассматриваемой находке. Не исключено, что такие клады могли быть накоплениями части сельского населения. Интересная информация о составе кошельков некоторых представителей населения белорусских городов сохранилась в челобитной на царское имя от жительницы Старого Быхова мещанки «породы еврейския» Богданины Мордахаевой. Известно, что 1 марта 1663 г. она пошла на рынок за хлебом, где у нее русские солдаты украли кошелек. Среди похищенных монет называются серебряные копейки, дукаты, талеры, лёвендаальдеры и орты [1, с. 523].

Среди монет русской части клада несомненный интерес представляют копейки, чеканенные вне

пределов государственных денежных дворов. В настоящее время на территории Беларуси факты присутствия такого рода артефактов в составе находок с русскими монетами выявлены еще в нескольких случаях – Могилев, Орша, Мушино-Пирогово, Чериков. В литературе указанный вид «проволочных» монет известен как «непрямые» деньги [13, с. 195]. К нему относят откровенно «воровские» (т. е. фальшивые. – В.К.) монеты, продукцию организованного русским правительством тайного производства в Москве и Ярославле и изготовление подражательных монет иностранцами. Наиболее известными «непрямыми» деньгами XVI–XVII вв. являются «западные» копейки конца XVI в., шведская чеканка на Новгородском денежном дворе (1611–1617 гг.), датские деннинги (после 1619 г.), творчество «Нефедки с товарищи» (после 1617 г.), ярославские копейки (после 1619 г.). Следует отметить, что количество монет «непрямого» чекана в составе белорусских кладов незначительно. Одним из наиболее представительных их примеров является клад из Мстиславского района, в составе русской части которого из 4 920 монет 30 «копеек» были изготовлены вне пределов государственных денежных дворов [10, с. 159].

Одним из видов «непрямого» чекана России, зафиксированного в составе кладов Беларуси, являются копейки, тайно чеканенные в Ярославле правительством Михаила Федоровича. Впервые они были выделены А.С. Мельниковой и предварительно датированы концом второго – началом четвертого десятилетия XVII в. [13, с. 184–190, с. 285–290 табл. 34–35а, с. 311 диагр. № 32]. Работа по уточнению определения и выявлению новых типов ярославских монет была продолжена И.В. Грипиным и В.Н. Клещичевым [6, с. 70–80; 7, с. 26–28], И.В. Волковым [5] и А.С. Савченко [32, с. 22–24; 33, с. 11]. В результате была составлена достаточно стройная схема развития чекана Ярославля. В настоящий момент количество известных типов приближается к сотне и в перспективе еще может увеличиться. В составе рассматриваемого клада выявлена одна такая монета, которая уже описана в литературе (рисунки 2) [6, с. 77 № 829].

Кроме «непрямых» денег России, для которых установлено место производства, в Докучинском кладе зафиксированы 2 «воровские» монеты неизвестных мест чеканки. Эти фальшивые монеты в литературе не описаны и в научный оборот вводятся впервые. Они с большей или меньшей достоверностью копируют копейки Московского денежного двора разного времени производства.

Ольденбург, Антон Гюнтер, серебряный флорин

Рисунок 1

Михаил Федорович, м. дв. Ярославль. Вес – 0,34 г
Хранение: НИМ РБ, КП 7199/39

Рисунок 2

Фальсифікат
 Аверс: всадник с копьем вправо, на идущем коне. Под крупом коня знак монетного двора в виде буквы М.
 Реверс: ...НКН... / ...МИХА... / ...ЕДОР... / ...ВС...
 Вес – 0,41 г
 Хранение: НИМ РБ, КП 7199/40

Рисунок 3

Фальсифікат
 Аверс: всадник с копьем вправо, на идущем коне. Под крупом коня знак монетного двора в виде о/М.
 Реверс: ...ІКН... / ...ІХЯІ... / ...ДОРОВІЧ... / ...ВСЕ...РУ...
 Вес – 0,32 г
 Хранение: НИМ РБ, КП 7199/77

Рисунок 4

Моделью для лицевого штемпеля одной из «воровских» монет клада (рисунок 3), вероятнее всего, послужил тип 12 времени правления Михаила Федоровича, изготовленный в 1618–1625 гг. [6, с. 24 № 424–430; 13, с. 277 тип 11]. Еще одна фальшивая копейка, скорее всего, появилась в более позднее время. Ее аверс (рисунок 4) по своим стилистическим особенностям наиболее близок к типу 21, который получил распространение в производстве копеек в 1630-е гг. [6, с. 29–31 № 479–494; 13, с. 278–280 тип 20].

Роль русских монет на территории Беларуси неоднократно была предметом научных разработок. Основой для выводов служили данные как кладов, так и письменных источников. Вкратце итоги исследований могут быть сведены к нескольким общим положениям.

В годы войны 1654–1667 гг. наблюдается рост объемов поступления продукции денежных дворов Русского государства на белорусские земли. Тем не менее сохраняется ее небольшое присутствие в общей массе местного монетного фонда. Основной ареал распространения русских монет приходится на восточную часть Беларуси. Одной из причин сокрытия «чистых» русских кладов является ход боевых действий между войсками Речи Посполитой и Русского государства.

Во второй половине XVII в. чаще всего монеты Русского государства находили употребление в торговле белорусских купцов с подданными московского царя. Из материалов жалобы жителей Вязьмы Ивана Исаевича и Фоки Елизаровича следует, что в 1670 г. на Свинской ярмарке могилевский мещанин Григорий Тарасович Грачек взял на реализацию бобровые меха и мед на общую сумму 141 рубль. Указанную сумму должник обязался вернуть на Рождество Христово (т. е. 25 декабря. – В.К.), на что дал собственноручное письмо («церограф») [22, л. 71–72 об.]. Значительно реже такое использование денежной продукции Русского государства встречалось на территории Беларуси.

Русские монеты неоднократно служили источником для обогащения. Показательный эпизод зафиксировали бумаги Полоцкого магистрата. 15 октября 1656 г. полоцкий портной Даниель Лаптевич обвиняет свою сестру Марию Лукьяновну и ее мужа Мак-

сима Ивановича в тайных происках, в результате которых он и еще одна его сестра не были указаны в завещании их матери Раины Савиной Лукьяновой. Среди имущества покойной упоминаются 200 «талеров битых печатных» (т. е. «ефимков с признаками». – В.К.), 150 дукатов и более 200 коп грошей «капейками» [26, л. 59].

Одной из наиболее распространенных причин упоминания русских денег в письменных источниках были кредитные операции в устной и письменной форме – прием на хранение, долг, кабальная запись и залог.

Еще одной сферой использования населением Беларуси копеек была внеэкономическая область. В настоящее время известно несколько видов их применения: 1) высокопробное сырье для ювелирного производства; 2) полуфабрикат для женских украшений («коралей»); 3) «оболы мертвых» или платы за место погребения; 4) дар в церковь.

Признание русских монет реальным платежным средством на территории Речи Посполитой завершилось в последнем десятилетии XVI в. Д.В. Рябцевич выделил несколько признаков их акклиматизации на местных рынках: «...они именуются «готовыми грошами» (наличными деньгами), исчисляются по копному (копа – 60 грошей) литовскому счету, курс их паритетен 0,8 литовского гроша» [31, с. 197]. В течение первой половины XVII в. местная и иностранная традиции вносили изменения в эти критерии. В частности, появились новые варианты термина «наличные деньги» – «готовые денги» и «готовые пенязи» [3, с. 281; 26, л. 146]. Счет русских монет осуществлялся не только в копах, но и в злотых (злотый – 30 польских грошей) и талерах [9, с. 360; 19, л. 241 об.; 21, л. 602, 934, 1013; 23, л. 88].

Наибольшим изменениям на белорусских рынках подвергались показатели котировки серебряной копейки. За первую половину XVII в. ее курс вырос с 0,8 литовского гроша или 1 польский грош до 1 7/9 литовского гроша или 2 2/9 польского гроша [11, с. 27]. В 1654–1660 гг. копейка обменивалась на 1,5–1,6 литовского гроша или 1,875–2 польского гроша [12, с. 157–158; 29, с. 200]. В 1660-е гг. ее котировка стабилизировалась на уровне 1,2 литовского гроша или 1,5 польского гроша [12, с. 158; 20, л. 539, 540, 568 об.; 21, л. 61, 530, 691 об.; 29,

Таблица

Цены на некоторые виды товаров в Бресте (1660-е гг.)

Товар/единица измерения	1661 г.	1662 г.	1663 г.	1664 г.
Рожь/копа (60) снопов	1 зл. 15 гр.–8 зл.	2–6 зл.		
Рожь/сноп	1,25–2 гр.	1–3 гр.		
Рожь/воз		8 зл.		
Рожь/бочка	6–16 зл.	8–12 зл.	12–16 зл.	10–20 зл.
«Кляча» (кобыла)	40 зл.	30–35 зл.		70 зл.
Конь	2–60 зл.	3–40 зл.		50–300 зл.
Вол	12,5–32 зл.	20–30 зл.		12,5 зл.–50 зл.
Вол дворный				12,5 зл.
Вол на мясо	20 зл.	50 зл.		
Корова дойная		20 зл.		
Корова голландская	50 зл.			40 зл.
Корова тельная	15–20 зл.			
Корова яловая	8–20 зл.	15–20 зл.		
Курица	11,25–12,5 гр.	10–15 гр.	15 гр.	15 гр.
Каплун		15 гр.	18 гр.–1 зл.	
Яйцо/копа (60)		1 зл.		
Хлеб/буханка	1–6 гр.	3–10 гр.		
Сапоги турецкие		5 зл.		
Сапоги сафьяновые				2 зл.

с. 223, 233]. Она оставалась неизменной вплоть до конца XVII в. Свидетельства этого сохранились в бумагах Могилевского магистрата. В его приходно-расходных книгах отмечено, что в 1687 г. копейка и чех (т. е. полторагрошовик. – В.К.) соответствовали равному количеству медных солидов [24, л. 14 об., 16 об.; 25, л. 18] и, следовательно, признавались взаимозаменяемыми номиналами. О том же говорят нам данные документов той части Украины, которая отошла к России по Андрусовскому перемирию (1667 г.). В 1670-е гг. обменный курс копейки также составлял около 1,5 польского гроша [2, с. 25].

Расчеты показали, что владелец рассматриваемой находки собрал денег на сумму около 12 злотых. В современной литературе одним из недостаточно разработанных вопросов является стоимостный эквивалент клада. Иными словами, какие услуги и товары мог приобрести его вероятный владелец. Собранный на данный момент материал позволяет получить представление по предложенной проблематике. В настоящее время мы располагаем следующими данными о ценах на некоторые виды товаров, которые выявлены в бумагах Брестского гродского суда за 1660-е гг. [14–18] (таблица).

Библиографический список:

1. Акты Московского государства: в 3 т. / Под ред. Д.Я. Самоквасова. – СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1901. – Т. 3: Разрядный Приказ. Московский стол. 1660–1664. – 674 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АЮЗР): в 15 т. / Под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: типография М. Эттингера, 1879. – Т. 11: 1672–1674. Прибавления 1657. – 820 с.
3. АЮЗР: в 15 т. / Под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: типография Ф. Елеонского, 1889. – Т. 14 (Дополнения к III тому): Присоединение Белоруссии. 1654–1655. – 902 с.
4. Витебская старина: в 5 т. / сост. А. Сапунов. – Т. 4. – Ч. 2. – Витебск: типолитография Г.А. Малкина, 1885. – 394 с.
5. Волков, И.В. Неизданные ярославские монеты Михаила Федоровича / И.В. Волков // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. – № 14. – М., 2007. – С. 82–85.
6. Гришин, И.В. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) / И.В. Гришин, В.Н. Клецинов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 104 с.
7. Гришин, И.В. Дополнения к Каталогам русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг. / И.В. Гришин, В.Н. Клецинов // Нумизматика (медали, фалеристика, бонистика): научно-информационный журнал. – 2004. – Март. – С. 23–30.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губернии Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске: в 32 т. (далее – ИЮМ) / Под ред. А.М. Созонова. – Витебск: типография Витебского губернского правления, 1874. – Вып. 5. – 414 с.
9. ИЮМ: в 32 т. / Под ред. А.М. Созонова. – Витебск: типография Витебского губернского правления, 1877. – Вып. 8. – 530 с.

10. Кобринец, В.А. Клад Пирогово-Мушино Мстиславского района: предварительные итоги исследования / В.А. Кобринец // Деятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 года. – М., 2017. – С. 158–161.
11. Кобринец, В.А. Новое и традиционное о русских монетах на территории Беларуси в первой половине XVII в. / В.А. Кобринец // Банкаўскі веснік. – 2016. – № 3 (632). – С. 26–32.
12. Кобринец, В.А. О курсах обмена русской копейки на рынках Беларуси во второй половине XVII в. / В.А. Кобринец // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2015. – № 9. – С. 156–161.
13. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год / А.С. Мельникова. – М.: «Финансы и статистика», 1989. – 318 с.
14. НИАБ. – Ф. 1705 (Брестский гродский суд). – Оп. 1. – Д. 8 (Актовая книга Брестского гродского суда за 5 января 1660 – 26 декабря 1662 г.).
15. НИАБ. – Ф. 1705 (Брестский гродский суд). – Оп. 1. – Д. 9 (Актовая книга Брестского гродского суда за 1 января 1663 – 30 декабря 1664 г.).
16. НИАБ. – Ф. 1705 (Брестский гродский суд). – Оп. 1. – Д. 10 (Актовая книга Брестского гродского суда за 1 января 1663 – 30 декабря 1664 г.).
17. НИАБ. – Ф. 1705 (Брестский гродский суд). – Оп. 1. – Д. 11 (Актовая книга Брестского гродского суда за 1663–1664 гг.).
18. НИАБ. – Ф. 1705 (Брестский гродский суд). – Оп. 1. – Д. 12 (Актовая книга Брестского гродского суда за 1663–1664 гг.).
19. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 22 (Актовая книга Могилевского магистрата за 3 января – 29 августа 1655 г.).
20. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 24 (Актовая книга Могилевского магистрата за 1 января – 31 декабря 1662 г.).
21. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 27 (Актовая книга Могилевского магистрата за 3 января 1669 – 18 января 1670 г.).
22. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 28 (Актовая книга Могилевского магистрата за 9 января – 31 декабря 1671 г.).
23. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 30 (Актовая книга Могилевского магистрата за 3 января – 15 декабря 1674 г.).
24. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 125 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1686–1687 г.).
25. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 128 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1687 г.).
26. НИАБ. – Ф. 1823 (Полоцкий магистрат). – Оп. 1. – Д. 1 (Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г.).
27. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 годы. – СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1891. – 466 с.
28. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963. – Вып. 1. – С. 152–202.
29. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Мн.: Польша, 1995. – 686 с.
30. Рябцевич, Д.В. Российская монета на рынках Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: Общий анализ свода и топографии кладов / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001. – С. 196–197.
31. Рябцевич, Д.В. «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002. – С. 196–198.
32. Савченко, А.С. Второе дополнение к Каталогам русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг. (продолжение) / А.С. Савченко // Нумизматический Альманах. – № 2 (40). – 2010. – С. 22–31.
33. Савченко, А.С. Новые разновидности русских средневековых монет (1533–1645 гг.) / А.С. Савченко // Нумизматический Альманах. – № 3 (41). – 2010. – С. 10–11.

Treasure of the Third Quarter of the 17th Century from the Village of Dokuchino, Krupsky District (from the Funds of the National Historical Museum of the Republic of Belarus)

Valery KABRYNETS, SA "Museum of Belarusian Polessye", Republic of Belarus, Pinsk,
e-mail: lerakob@yandex.by.

Abstract. The research is dedicated to the 17th century treasure discovered in Minsk region in 1962 from the collection of the National Historical Museum of the Republic of Belarus. A new numismatic material is introduced into scientific circulation: 62 coins of West European coinage, 192 – Russian coinage. Among the latter are kopecks minted outside the borders of state mints. The article provides data on prices for certain types of goods identified in the papers of the Brest City Court for the 1660s.

Российская денга выпусков 1730–1754 гг. в кладах, найденных на территории Беларуси

Виктор МАЛЕЖИК

Член ОО «Белорусское нумизматическое общество», Республика Беларусь, г. Новогрудок, e-mail: numizmal@tut.by

История денежного хозяйства Речи Посполитой традиционно притягивает внимание нумизматов благодаря своей яркости, разнообразию нумизматического материала, довольно развитыми для своего времени кредитно-денежными отношениями. Однако в этой истории достаточно много белых пятен, по разным причинам не затрагиваемых исследователями. К этой категории можно отнести и тему обращения на наших землях медных монет Российской империи во второй четверти – второй половине XVIII столетия, т. е. на финальном этапе существования Речи Посполитой как государства, когда предпринимались отчаянные попытки оздоровления национальной денежной системы и возрождения самодостаточной монетной чеканки в условиях глубокого кризиса и экспансии иноземной монеты.

Нумизматы-исследователи никогда не затрагивали тему русской медной монеты на рынке Речи Посполитой системно. Главным образом темой изучения были вопросы курсовой стоимости русской копейки и особенностей денежного счета. К ним

обращались В.Н. Рябцевич [6], И.Н. Колобова [2], И.И. Синчук [7].

В соавторстве с П.И. Горбанем автор проделал определенную работу по рассматриваемой теме, результатом которой явились несколько исследовательских статей, посвященных русской медной монете в денежном обращении Речи Посполитой [1; 4], в том числе российской медной денге выпусков 1730–1754 гг. В этих работах внимание авторов акцентировано на вторую половину XVIII столетия – период неоднозначный и противоречивый. Именно в это время, по нашему мнению, в денежном обороте Речи Посполитой на территории Беларуси и появляется так называемый «феномен денги». Именно это явление мы и отразим далее на примере известных нам монетных комплексов.

К 30-м гг. XVIII столетия денежный рынок разменной монеты России начал испытывать определенные трудности, в связи с чем 22 декабря 1730 г. в России была введена 10-рублевая монетная стопа, по нормам которой было начато производство медных монет достоинством полушка (1/4 копейки) и денга (1/2 копейки). С этого момента денга (рисунки 1) становится самым крупным и основным медным номиналом, производимым монетными дворами Российской империи до 1754 г. включительно.

Распространенность на наших землях российской медной денги образца 1730–1754 гг. не вызывает сомнения в первую очередь благодаря массовости единичных находок этих монет. По количеству они уступают только находкам медных солидов (так называемых «боратинок») Яна II Казимира (1648–1668). Явление это на наших землях настолько равномерно распространенное, не имеющее какой-либо разницы между западными и восточными областями

Рисунки 1

страны, что картографирование этих находок теряет всякий смысл. Кроме того, все указывает на то, что этот номинал медных монет органично вписался в денежную систему Речи Посполитой на территории современной Беларуси, причиной чему явился довольно серьезный кризис на рынке разменной медной монеты, в том числе сопровождаемый ее дефицитом.

Следует отметить, что российская денга выпусков 1730–1754 гг. находилась в обороте довольно продолжительное время (до 20-х гг. XIX в.) и на территории самой Российской империи, поэтому для понимания ее роли в денежном обороте Речи Посполитой, в части применения анализа нумизматической составляющей, несомненно пригоден только хорошо датируемый и наиболее полный кладовый материал. Актуальность проблемы сохранения информации о кладах довольно остра, т. к. действующее в настоящее время законодательство не может в полной мере осуществлять регулирование отношений в этой сфере.

В настоящей работе автор объединит известные нам комплексы монет, содержащие русскую денгу 1730–1754 гг., и обозначит имеющиеся особенности материала применительно к рассматриваемому вопросу.

Монетные комплексы, в состав которых входит обсуждаемая монета, подразделены на два вида – небольшие комплексы, так называемые «кошельки», содержащие небольшое количество монет и не имеющие признаков накопительного характера, суммы которых использовались в повседневной жизни людей, а также клады – тезаврированные суммы денег, сокрытые их владельцами на определенное время, но не востребованные ими по различным обстоятельствам. Нужно отметить, что известные «кошельки», в составе которых присутствует денга, были найдены любителями металлопоиска в виде единых, скрепленных окислами комплексов либо на очень ограниченной территории, что позволяло предположить их рассыпание в результате механического воздействия в прошлом. Находки не сохранили следов упаковок, что обуславливает относительность выводов об их составе (возможность случайных вкраплений). Тем не менее информация об их находках может быть использована в общем контексте нумизматического материала с определенными оговорками.

В августе 2009 г. в окрестностях г. Несвижа Минской области был найден небольшой депозит «кошелек» (хранится в частной коллекции), который состоял из 8 солидов шведской королевы Кристины (1632–1654), 1 медного солида Яна II Казимира (1648–1668) и 1 российской денги чеканки 1730–1754 гг. (точный год чеканки монеты не известен по причине крайне плохой сохранности, явившейся результатом атмосферных и химических воздействий). Следов упаковки монет в этом случае не сохранилось.

К небольшим комплексам – «кошелькам» – можно отнести и найденный у дер. Герасимовичи Витебского района «чистый» комплекс, состоящий исключительно из медных монет Российской империи (НИМ Республики Беларусь, КП53918). Комплекс был передан в музей находчиком и насчитывает 20 монет, отчеканенных в периоды прав-

ления Анны Иоанновны (1730–1740) и Елизаветы Петровны (1741–1762). В его состав входят 3 полушки 1733–1735 гг., 16 монет достоинством денга 1731–1753 гг., а также денга образца 1757–1759 гг. (монета повреждена окислами, произвести более точную датировку невозможно), которая и является младшей монетой комплекса (в музейной описи числится как денга 1750–1770 гг.). Таким образом, комплекс можно условно датировать второй половиной XVIII в. (после 1759 г.). Условность датировки обуславливается тем, что автором были предприняты попытки установить подробные обстоятельства находки, однако полученная информация сводится только к тому, что комплекс найден на сельскохозяйственном поле на очень небольшой площади. Вопрос о том, является ли представленный в хранилище музея комплекс полным по своему составу, до настоящего времени остается открытым.

Еще один «кошелек», содержащий интересные нас монеты, был найден летом 2012 г. у дер. Юшевичи Несвижского района Минской области. В этом комплексе преобладает российская денга, количество которой составляет 12 экземпляров. Однако младшей монетой комплекса является серебряный двугрошовик Станислава Августа Понятовского (1764–1795), датированный 1767 г. В этом случае, несомненно, бросается в глаза фактическое преобладание российской медной монеты в небольшом комплексе монет из непосредственного, повседневного денежного оборота. Эту тенденцию, характерную для второй половины XVIII столетия, мы замечаем и в более крупных депозитах, относящихся к накоплениям нижнего уровня денежного оборота, речь о которых пойдет далее.

В 2011 г. в Крупском районе Минской области был найден упакованный в глиняный сосуд клад (рисунки 2 и 3), который содержал в себе 559 монет достоинством денга выпусков 1730–1754 гг. и один трехгрошовик Станислава Августа Понятовского (год чеканки нечитабелен, тип штемпеля использовался с 1766 г.). Соккрытие комплекса можно отнести ко второй половине XVIII в. (не ранее 1766 г.). Однако фактическое доминирование денги в кладе и отсутствие в нем иных номиналов медных монет Российской империи ярко отражает востребованность на рынке Речи Посполитой именно этой монеты, подтверждающая выводы об органичном ее вписывании в ряд медных номиналов системы разменной монеты этой страны в середине – второй половине XVIII столетия.

С этой точки зрения одним из самых информативных кладов рассматриваемого периода является депозит из дер. Новоселье Столбцовского района Минской области (рисунок 4). Клад был найден в 1985 г. жителем деревни при производстве хозяйственных работ у себя в огороде и затем сдан находчиком в Государственный музей БССР (в наше время – Национальный исторический музей Республики Беларусь, КП39076). Учитывая крайнюю важность установления в этом случае обстоятельств находки (они не были зафиксированы при приеме клада), автор посетил деревню, на территории которой был обнаружен клад. Таким образом, удалось установить точное место находки и самое главное – подтвердить, что клад был передан в музей в полном составе, что

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

является крайне важным моментом при анализе этого вида кладов.

В состав клада входит 337 монет Речи Посполитой, Австрии и Российской империи. Серебряные номиналы клада представлены единичными экзем-

плярами монет Речи Посполитой (шестигрошовик 1667 г., тынф 1663 г., а также шестигрошовик 1682 г.). Основу массы серебряных монет в кладах составляют прусские шестигрошовики (31 экз.) Фридриха II (1740–1786) эмиссий 1756–1758 гг.

Основную часть рассматриваемого клада составляют российские медные монеты достоинством денга 1731–1754 гг. выпуска в количестве 177 экземпляров. Другие номиналы (полushка 1754 г., 2 копейки 1757 г., 1759 г. и 1764 г.) представлены в виде вкрапления (1 и 3 экземпляра соответственно). Вкраплением же является и австрийская монета императрицы Марии-Терезии (1740–1780) достоинством 1 крейцер 1760 г.

Медные монеты Речи Посполитой представлены тремя солидами Яна Казимира (1648–1668), грошами (77 экз.) и трехгрошовиками (41 экз.) Станислава Августа Понятовского (1764–1795). Младшей монетой комплекса является грош 1782 г.

Данный клад, учитывая датировку младшей монеты и ограниченность представленной чеканки трехгрошовиков Речи Посполитой 1779 г., можно с большей долей вероятности датировать серединой 80-х гг. XVIII в. Территория, где был обнаружен клад, до третьего раздела являлась землями этого государства, что несомненно ставит рассматриваемый комплекс в ряд показательных, учитывая, что в нем отражен реальный состав денежного обращения этих земель до их вхождения в состав Российской империи.

Вернувшись к вопросу «феномена денги», следует отметить, что общее количество этого номинала по отношению к медным монетам Речи Посполитой (по количественному показателю) составляет 58%. Учитывая высокие количественные показатели единичных находок медной денги на территории Беларуси, эта цифра выглядит вполне реальной в части пропорции содержания этой монеты в денежном обороте белорусских земель во второй половине XVIII в. С этой точки зрения комплекс можно назвать уникальным.

Присутствие денги 1730–1754 гг. в очень своеобразном денежном обороте белорусских земель начала XIX в., входивших в состав Речи Посполитой, а с 1795 г. в состав Российской империи, отражается в так называемом Слонимском кладах (рисунок 5).

Рисунок 5

Этот крупный кладовый комплекс, насчитывавший 5 136 медных монет Речи Посполитой, Российской империи, Австрии, Пруссии, Великого герцогства Варшавского, четко датируется 1812 г. Он являлся, предположительно, кассой разменной монеты некоего предприятия.

Клад был обнаружен в ноябре 2011 г. местным жителем на сельскохозяйственном поле у дер. Павловичи Слонимского района, где ранее располагались господский дом и фольварк. Состав клада был упакован в матерчатый мешок, который, в свою очередь, был помещен в деревянный ящик, установленный у основания фундамента построек. При распашке поля сельхозтехникой были вывернуты камни фундамента и верхняя часть клада. Некоторые монеты имели признаки воздействия высоких температур, что указывает на происходивший в прошлом пожар. В таком виде их обнаружил местный житель. Информация о находке клада поступила автору, который осмотрел его, зафиксировал и произвел фотосъемку. В последующем состав клада с его анализом был опубликован [3], и таким образом удалось сохранить практически полную информацию о его содержимом.

Монеты Речи Посполитой представлены в кладе грошами (22 экз.) и трехгрошовиками (36 экз.) Станислава Августа Понятовского (1764–1795). Монеты Австрии и Пруссии составляют небольшую группу, содержащую в общей сложности 91 экзemplар. В основном это австрийские однокрейдеровики, отчеканенные в 1800–1812 гг. Отличным маркером датировки и особенности формирования комплекса являются монеты Великого герцогства Варшавского достоинством грош 1810–1812 гг. (65 экз.) и 3 гроша (110 экз.).

Наиболее широко в кладе представлены медные монеты Российской империи начиная с пятикопеечников 1726 г. до двухкопеечников Александра I (1801–1825) 1811 г. (4 850 экз.).

В эту группу включены и денги эмиссий 1731–1754 гг. в количестве 368 экземпляров. На общем фоне тысяч монет Российской империи, содержащихся в кладе, эта небольшая группа, конечно, не выделяется количественными показателями, однако однозначно указывает на ее востребован-

ность на денежном рынке вошедших в состав Российской империи белорусских земель вплоть до первой четверти XIX в. включительно. Если исключить из рассмотрения составляющие основную долю российского чекана в кладе монеты Павла I (1796–1801) и Александра I (1801–1825) (как поступившие после окончательного раздела Речи Посполитой), то удельный вес денги представляется значительным.

Младшими монетами клада являются крейцеры Австрии, а также гроши и трехгрошовики Великого герцогства Варшавского, отчеканенные в 1812 г. Эти монеты имели сохранность и количество, свидетельствующие об их попадании в комплекс практически без нахождения в денежном обороте. Как отмечается, количество этих монет относительно велико, что наряду с вышеуказанным может подтверждать вывод об их единовременном попадании в комплекс либо накопление в очень ограниченном временном промежутке, что возможно только в условиях проведения расчетных операций при осуществлении какой-либо хозяйственной деятельности. Это подтверждается и местом находки – центром некоего производства в границах имения с фольварком. Оседание данного комплекса связано, скорее всего, с событиями 1812 г., однако само его содержание свидетельствует о формировании кассы непосредственно в денежном обращении территории места находки, что относит этот клад к уникальным, ярко отражающим содержание медной разменной монеты в обороте, имевшем традиции рынка, сформированного до вхождения наших земель в состав Российской империи.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация о кладовом материале только приоткрывает завесу над вопросом экспансии русской медной монеты на денежный рынок Речи Посполитой на финальном этапе существования государства, ее роли в денежном хозяйстве страны, но однозначно не может быть исчерпывающей. Дальнейшая работа в этом направлении, несомненно, откроет очень интересные страницы не только истории функционирования денежного рынка, но и послужит пониманию исторических процессов сложного и неоднозначного XVIII века.

Библиографический список:

1. Горбань, П.И. Российская денга 1730–1754 годов выпуска в денежном хозяйстве Речи Посполитой на землях Беларуси / П.И. Горбань, В.А. Малевич // Монеты России XVIII – начала XX века: Сборник воспоминаний и статей: К 100-летию В.В. Узденикова. – М.: Леопарт, 2019. – С. 201–212: ил.
2. Колобова, И.Н. Монета и денежный счет восточнобелорусского рынка в период Северной войны (1700–1721 гг.) // Материалы Междунар. нумизмат. конф. «Pieniądz – Symbol – Władza – Wojna», Augustów – Warszawa, 2010. – С. 186–194.
3. Малевич, В. Уникальный клад медных монет XVIII – начала XIX веков из Слонимского района Гродненской области / В. Малевич // II Forum numizmatyczne: Studia i Materiały; pod red. nauk. K. Filipowa. – Białystok, 2018. – С. 217–226.
4. Малевич, В.А. Феномен денги в денежном хозяйстве Речи Посполитой (территория Беларуси) / В. Малевич, П. Горбань // Pieniądz i systemy monetarne wspolne dziedzictwo Europy. Studia i Materiały. – Warszawa, 2012. – S. 139–148.
5. Малевич, В. Клад монет XVII–XVIII вв. из деревни Новоселье Столбцовского района Минской области (Беларусь) / В. Малевич // III Forum numizmatyczne: Studia i Materiały; pod red. nauk. K. Filipowa. – Białystok, 2019. – С. 94–101.
6. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск: Полымя, 1995. – С. 254–364.
7. Синчук, И.И. Литовско-белорусский рублево-златово-грошовый счет начала 19 века / И.И. Синчук // Междунар. нумизмат. конф., посвященная 150-летию Национального музея Литвы. – Vilnius, 2010. – С. 347–366.

Приложение. СОСТАВ КЛАДОВ

1. Минская область, окрестности г. Несвижа. Середина XVIII в. Найден в 2009 г. Монеты слипши-еся стопкой, сильно корродированные. Информация получена автором.

Речь Посполитая*Ян II Казимир (1648–1668)*

Солид: 1663–1668 (1).

Российская империя

Денга: 1730–1754 (1).

Швеция (г. Рига)*Кристина (1632–1654)*

Солид: год н/о (8).

2. Минская область, Крупский район. Вторая половина XVIII в. (после 1768 г.). Найден на сельскохозяйственном поле в 2011 г. Информация получена автором.

Речь Посполитая*Станислав Август Понятовский (1764–1795)*

3 гроша: 1768 (1).

Российская империя

Денга: 1731–1754 (559).

3. Минская область, Несвижский район, дер. Юшевичи. После 1767 г. Найден на сельскохозяйственном поле в 2012 г. Информация получена автором.

Речь Посполитая*Станислав Август Понятовский (1764–1795)*

2 гроша: 1767 (1).

Российская империя*Анна Иоановна (1730–1740)*

Денга: 1731 (1), 1735 (2), 1737 (1), 1740 (1).

Елизавета Петровна (1741–1762)

Денга: 1741 (1), 1749 (1), 1751 (1).

4. Витебская область, Витебский район, дер. Герасимово. Вторая половина XVIII в. Найден в 2012 г. Хранится в НИМ Республики Беларусь, КП53918.

Российская империя*Анна Иоановна (1730–1740)*

Полушка: 1733 (1), 1734 (1), 1735 (1);

Денга: 1731 (2), 1735 (2), 1736 (1), 1737 (1), 1739

(1).

Елизавета Петровна (1741–1762)

Денга: 1741 (1), 1744 (1), 1746 (1), 1753 (1),

1757–1759 (1), год н/о (5).

5. Минская область, Столбцовский район, дер. Новоселье. После 1782 г. Найден при производстве земляных работ на огороде частного дома в 1985 г. В полном составе передан в том же году находчиком в НИМ Республики Беларусь, КП39076.

Речь Посполитая*Ян II Казимир (1648–1668)*

Солид: 1665 (1), 1666 (1);

6 грошей: 1657 (1);

Тыньф (30 грошей): 1663 (1).

Ян III Собеский (1674–1696)

6 грошей: 1682 (1).

Август III (1734–1763)

1 грош: 1754 (1).

Станислав Август Понятовский (1764–1795)

1 грош: 1765 (14), 1766 (4), 1767 (25), 1768

(13), 1774 (1), 1776 (2), 1778 (2), 1779 (1), 1780 (1), 1782 (1), год н/о (13);

3 гроша: 1766 (9), 1767 (9), 1768 (2), 1769 (3), 1770 (1), 1771 (1), 1773 (2), 1774 (2), 1775 (1), 1776 (1), 1777 (2), 1779 (2), год н/о (6).

Российская империя*Анна Иоановна (1730–1740)*

Денга: 1731 (26), 1734 (3), 1735 (8), 1736 (7), 1737 (12), 1738 (7), 1739 (6), 1740 (7).

Елизавета Петровна (1741–1762)

Денга: 1743 (8), 1744 (4), 1745 (2), 1746 (9), 1747 (10), 1748 (7), 1749 (21), 1750 (10), 1751 (4), 1752 (2), 1753 (7), год н/о (17);

Полушка: 1754 (1);

2 копейки: 1757 (1), 1759 (1).

Екатерина II (1762–1795)

2 копейки: 1764 (1).

Пруссия*Фридрих II (1740–1772)*

6 грошей: 1756 (6), 1757 (18), 1758 (1), год н/о (6).

Австрия*Мария Терезия (1740–1780)*

1 крейцер: 1760 (1).

6. Гродненская область, Слонимский район, дер. Павловичи. После 1812 г. Найден на сельскохозяйственном поле в 2011 г. Информация получена автором.

Речь Посполитая*Станислав Август Понятовский (1764–1795)*

1 грош: 1772 (1); 1784 (6); 1787 (4); 1788 (8); 1793 (3).

3 гроша: 1770 (3); 1779 (2); 1783 (2); 1786 (2); 1787 (5); 1788 (3); 1789 (2); 1790 (6); 1791 (5); 1792 (5); 1794 (1).

Российская империя*Екатерина I (1725–1727)*

5 копеек: 1726 (1); 1727 (1).

Анна Иоановна (1730–1740)

Денга: 1730 (10); 1731 (49); 1734 (10); 1735 (20); 1736 (18); 1737 (24); 1738 (11); 1739 (13); 1740 (7).

Елизавета Петровна (1741–1762)

Денга: 1741 (10); 1743 (9); 1745 (6); 1746 (6); 1747 (10); 1748 (7); 1749 (21); 1750 (16); 1751 (11); 1753 (23); год не определен (67);

1 копейка (облачная): 1755–1757 (3);

2 копейки: 1757 (262); 1758 (248); 1759 (48); 1760 (11); 1761 (59); 1762 (12); год не определен (20).

Екатерина II (1762–1795)

5 копеек: 1766 (1); 1781 (1);

2 копейки: 1763 (169); 1764 (19); 1765 (35); 1766 (52); 1767 (3); 1768 (9); 1769 (11); 1770 (8); 1771 (9); 1772 (8); 1773 (16); 1774 (7); 1775 (8); 1776 (16); 1777 (8); 1778 (11); 1788 (68); 1789 (25); 1790 (17); 1791 (8); 1796 (4); год не определен (32).

Павел I (1796–1801)

1 копейка: 1797 (87); 1798 (226); 1799 (45); 1800 (31); 1801 (4);

2 копейки: 1797 (819); 1798 (682); 1799 (398); 1800 (415); 1801 (469).

Александр I (1801–1825)

1 копейка: 1811 (2);

2 копейки: 1802 (31); 1810 (3); 1811 (29); 1812 (31).

Австрия*Франц II (I) (1792–1835)*

3 гроша для Галиции: 1794 (6);

1/2 крейцера: 1800 (1);

1 крейцер: 1800 (25); 1810 (3); 1812 (47);

3 крейцера: 1800 (4);

6 крейцеров: 1800 (4).

Пруссия*Фридрих Вильгельм III (1797–1840)*

1 шилинг: 1806 (1).

Великое герцогство Варшавское

1 грош: 1810 (2); 1811 (16); 1812 (47);

3 гроша: 1810 (7); 1811 (62); 1812 (41).

Russian Denga of Issues of 1730–1754 in Treasures Found in Belarus

Viktar MALEZHYK, *Member of the NGO “Belarusian Numismatic Society”, Republic of Belarus, Novogradok, e-mail: numizmal@tut.by.*

Abstract. *The study considers Russian denga dating back to 1730–1754 in storage complexes discovered in Belarus. This was a time when desperate attempts were made to preserve the Polish-Lithuanian Commonwealth as a state, including through the improvement of the national monetary system and the revival of self-sufficient coinage in the face of a deep crisis and the expansion of foreign coins. The author combines information about well-known coin complexes containing Russian denga of the specified period, introduces a new numismatic material into scientific circulation, as well as indicates its features in relation to the subject under discussion.*

Метрические характеристики прусских ортов 1699 г., найденных на территории Беларуси

Валерий КОЛЕСИНСКИЙ

Белорусское республиканское общественное объединение коллекционеров, член правления, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: rusel222@tut.by

Иосиф СУДНИК

Белорусское республиканское общественное объединение коллекционеров, председатель правления, Республика Беларусь, г. Минск

Со времени первой эмиссии ортов в 1608 г. в Гданьске их курс и метрические показатели менялись [1].

На протяжении всего XVII в. и в начале XVIII в. орт являлся полновесной и популярной монетой, о чем свидетельствуют его заметное представительство в кладовых комплексах и единичные находки, в том числе и на территории Беларуси. Метрические характеристики ортов не только менялись в разные годы, но и могли быть разными в пределах одного года. Рассмотрим характеристики прусских ортов Фридриха III 1699 г., чеканенных на Кенигсбергском монетном дворе.

Тираж указанных ортов неизвестен [2]. Их метрические данные имеют существенные колебания в весе и размере. На вес и размер влияют такие факторы, как естественная потеря из-за стирания монеты во время длительного обращения, порча монеты путем спиливания или обрезания для получения прибыли.

Путем визуального обследования удалось установить, что прусские орты 1699 г. по технологии изготовления можно разделить на штампованные на винтовом прессе и изготовленные техникой вальцовки (далее – вальцевание). Диаметр монет измерялся по оси циферблата, где цифра 12 соответствовала оси, разделяющей погрудное изображение на две части от короны вниз к цифре 6. Вторая ось проходила перпендикулярно по оси 9/3. Первый размер диаметра по вертикальной оси портрета, второй диаметр – по горизонтали.

Средний диаметр шести вальцованных монет 28,8 x 28,05. Вес 5,96 грамма. Средний диаметр штампованных монет 28,56 x 28,18. Вес 6,33 грамма. Проба колеблется в пределах 400–700.

Измерения показали разницу в диаметре и весе между вальцованными и штампованными монетами. Разница в диаметре объясняется технологией производства. Поэтому более овальный кружок вальцованных монет объясним. Применялись два способа вальцовки монет, когда вальцевали полосу металла, а затем вырубали кружки монет.

В ортах, датированных 1699 г., вырубали ровный по размеру кружок. В случае подачи кружка на вальцовку получался кружок монеты более овальной формы, когда увеличение размера идет по оси вальцов. Изображение на вальцах могло быть размещено как по оси вальцов, так и перпендикулярно. При подаче на вальцы угол захвата кружка больше расплющивался, что создавало неравномерную толщину монеты в результате разного давления на конфигурацию кружка. Середина кружка толще углов захвата и схода кружка с вальцов. При такой технологии характерна большая волнистость контуров кружка, чем при чеканке на винтовом прессе. Деформация букв соответствует кривизне вальцов и направлению подачи кружка. В рассматриваемых вальцованных монетах кружок заготовки подавался на вальцы с обратной стороны портрета. Подачу кружков заготовок по лотку можно рассмотреть на примере торуньских ортов [3]. Вальцовка монет была более продуктивным методом чеканки монет. Необходи-

Таблица 1

Орты, датированные 1699 г., изготовленные техникой вальцовки

№	Диаметр, мм	Вес, г	Проба	Место хранения
1	29,5 x 28,3	6,13	–	Частная коллекция
2	28,9 x 27,6	6,20	–	Частная коллекция
3	29,1 x 28,1	6,10	600–700	Частная коллекция
4	28,4 x 28,1	5,92	600–700	Частная коллекция
5	29,4 x 28,3	5,80	400–500	НИМ РБ КП 155/2
6	28,1 x 27,9	5,75	400–500	НИМ РБ КП 155/1

Таблица 2

Орты, датированные 1699 г., изготовленные техникой штамповки

№	Диаметр, мм	Вес, г	Проба	Место хранения
1	28,5 x 28,1	6,30	–	Частная коллекция
2	29,5 x 29,1	6,44	–	Частная коллекция
3	28,9 x 29,0	6,48	–	Частная коллекция
4	28,9 x 28,6	6,90	600–700	Частная коллекция
5	28,0 x 28,1	5,87	400–500	НИМ РБ КП 155/3

мо отметить, что вальцевались в основном мелкие номиналы, и орт был самой крупной монетой. При сравнении штампованных на прессе монет и вальцованных, обращает на себя внимание факт меньшей четкости изображений вальцованных монет. Нет заполнения металлом краев букв, и, что характерно для прусских ортов, датированных 1699 г., на вальцованных монетах менее четко просматривается буква /F/, изображенная на груди орла. Отличительным признаком вальцованных монет является их изогнутость, которая происходит из-за неравномерной скорости работы вальцов. Изогнутость может быть заметной или наблюдаться при пристальном рассмотрении. Этот угол (от середины орта к краю) необходимо учитывать, так как погрешность в измерении прусских ортов может составить 0,1–0,2 мм. Если разницу в размерах вальцованных и штампованных ортов можно объяснить технологией изготовления, то разница в весе вызывает разные предположения – от чеканки на другом монетном дворе до простого понижения массы за счет увеличения пробы серебра, хотя на имеющихся в наличии монетах проба находится в пределах допустимого.

Три прусских орта, датированных 1699 г., входили в состав клада из деревни Сухари Чаусского района Могилевской области, найденного в марте 1957 г. Сейчас клад находится в собрании Национального исторического музея Республики Беларусь [4]. При визуальном осмотре ортов, датированных 1699 г., можно предположить, что монеты под учетными номерами КП 155/1 и КП 155/2 – вальцованные. Их метрические данные включены в *таблицу 1* вальцованных ортов за номерами 6 и 5 соответственно. Степень

сохранности этих ортов удовлетворительная. Имеются следы длительного обращения. На орте КП 155/2 имеется прогнутость со стороны короны, что может указывать на дефект при вальцовке. Орт КП 155/3 (№ 5 в *таблице 2*) отличается чуть лучшим состоянием и изогнут в сторону изображения портрета. Это только один из признаков вальцовки. Орты имеют самую плохую сохранность из всех рассматриваемых. Этим объясняется их пониженный вес и проба.

Штампованные орты 1699 г., представленные в *таблице 2* под номерами 1, 2, 3, и вальцованные орты, представленные в *таблице 1* под номерами 1, 2, 3, происходят из клада, найденного в Кобринском районе Брестской области около деревни Остромичи в 1994–1996 гг. Клад содержал галеры голландские, шостаки, гроши, солиды и около 200 прусских ортов. Из них вальцованных около 150 штук, датированных 1699 г., и штампованных около 50 штук, в основном датированных 1699 г. Несколько найденных в это же время ортов, датированных 1699 г., происходят из Ивановского района. Клад постепенно разошелся по рукам и в течение пяти лет продавался. Все вальцованные орты 1699 г. из этого клада были в хорошем и отличном состоянии. Сведения о кладе получены со слов перекупщика спустя много лет. Хорошее состояние и количество монеты вызвало подозрение в их подлинности. Теперь монеты кладового комплекса из деревни Остромичи хранятся в частных коллекциях Польши, Грузии, Беларуси.

Прусские орты, датированные 1699 г., отличаются по весу, размеру и пробе, технологии чеканки. Необходимо проводить и дальнейшее изучение их метрических характеристик.

Бібліографічны спіс:

1. Зварич, В.В. Нумизматический словарь / В.В. Зварич. – Изд. 3-е, доп. – Львов: Издательское объединение «Вища школа», 1979. – 124 с.
2. WORLD COINS 1601–1700. 4-th edition / COLIN R. BRUCE II, SENIOR EDITOR. – 2008. – KRAUSE PUBLICATION.
3. Синчук, И.И. Торунские орты: метрология и техника изготовления / И.И. Синчук // Нумизматика, бонистика, фалеристика. Исследования и материалы; под ред. А.С. Белясова / Труды ГИМ. – М., 1992. – Выпуск № 80. – С. 86–95.
4. Толкачева, Л. Сухаревский клад монет Речи Посполитой и Пруссии второй половины XVII века – начала XVIII века (из коллекции Национального исторического музея Республики Беларусь) / Л.Толкачева // Банкаўскі веснік. – 2018. – № 2. – С. 29–35.

The Metric Characteristics of the Prussian Orts of 1699 Found in Belarus

Valery KALIASINSKI, *Belarusian Republican Public Association of Collectors, Member of the Board, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: rusel222@tut.by.*

Iosif SUDNIK, *Belarusian Republican Public Association of Collectors, Chairman of the Board, Republic of Belarus, Minsk.*

Abstract. *The article is dedicated to the analysis of the technological characteristics of the Prussian orts dating back to 1699, discovered on the territory of Belarus. The authors provide new information about these coins and introduce them into scientific circulation. During 17th – 18th centuries, the orts were full-weight and popular coins, although they differed in weight, size and sample, as well as in coinage technology.*

О Кричевском кладе «1909–1910–1911 гг.»*

Вячеслав ФИЛИНОВ

Белорусское нумизматическое общество, член правления, Республика Беларусь, г. Могилев, e-mail: vafilinov@gmail.com

Весной 1910 г. газета «Варшавский дневник» в разделе «Хроника» поместила следующее сообщение: «Для нумизматического кабинета Варшавского университета получено от Императорской археологической комиссии 47 серебряных польско-литовских монет начала XVI в. из клада, найденного в м. Кричеве, Климовичского уезда, Могилевской губернии»¹. Вскоре эту новость дословно перепечатал петербургский журнал «Старая монета»², а год спустя, опустив упоминание о том, что монеты получены от Императорской археологической комиссии (далее – ИАК, Комиссия), краковской ежемесячник «Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne»³. Последняя публикация послужила источником для включения кри-

чевской находки в составленный В.Н. Рябцевичем перечень кладов XVI в.⁴. В дальнейшем сведения о ней приведены в ряде других работ⁵. Обнаружение клада все авторы относят к 1910–1911 гг.

История находки была дополнена Н.В. Чекуниной, которая привела сведения о получении в 1910 г. Тверским музеем от ИАК 24 серебряных польско-литовских монет начала XVI в. из клада, найденного в м. Кричев⁶. Сопоставив эти данные с перечнями В.Н. Рябцевича и А. Миколайчика, она пришла к выводу об общности происхождения тверских и варшавских монет⁷. Н.В. Чекунина также уточнила время находки клада «как 1909 – начало 1910 г.», указала на ошибочность отнесения местечка Кричев к Климовичскому (а не к Чериковскому) уезду и отметила отсутствие сведений о находке в отчетах Комиссии⁸ (как и отсутствие ссылок на архивные дела в отношении рассматриваемого клада во всех упомянутых выше перечнях: – В.Ф.).

Дела ИАК (фонд 1 Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН, СПб.) являются основным источником информации о монетных кладах и иных находках, поступивших в Комиссию за время ее деятельности с 1859 г. по 1917–1919 гг. Причем «бесследное» прохождение кладов через ИАК практически исключалось как отлаженной за многие годы системой делопроизводства, так и публикациями на базе рукописного материала в ее же изданиях⁹. На каждую находку, присланную в Комиссию, оформлялось самостоятельное, своего рода «личное» дело¹⁰, она отмечалась в Книге поступлений, указывалась в Отчетах и т. д., а наиболее важные с точки зрения, как тогда говорили, «нумизматического интереса» клады публиковались.

Находки из Могилевской губернии в большинстве своем направлялись в ИАК Губернским статистическим комитетом¹¹, их общее число за этот период

* В тексте соблюдена орфография цитируемых источников.

¹ «Варшавский дневник», 31 марта (13 апреля) 1910, № 89.

² «Старая монета», 1910, № 4, С. 11.

³ «Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne», 1911, № 5, С. 80.

⁴ Рябцевич, В.Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика 3. Киев, 1968. – № 5. – С. 180.

⁵ Mikolajczyk, A. Skarby monet z XVI, XVII i XVIII wieku zanotowane na byłym obszarze Wielkiego księstwa Litewskiego. Materiały do inwentaryzacji // Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. NR 5: 1985. Łódź, 1987. – S. 129; Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины / В.Н. Рябцевич // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў Трэціх міжнар. навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г., частка I. – № 16. – С. 14–19; Могилев. Энциклопедический справочник // Минск. – 1990. – С. 294 (Монетные клады Кричевский район: «найден между 1910 и 1911»).

⁶ Чекунина, Н.В. О кладе монет начала XVI в. из местечка Кричев Могилевской губернии / Н.В. Чекунина // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабіцвіча (1934–2008). Тэзісы дакладаў, Мінск, 16–18 мая 2018 г. / БДУ, 2018. – С. 45–46.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 45–46.

⁹ См.: Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009, с. 50, 72–75, 122. Приложение: Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009, с. 6–8.

¹⁰ В ряде случаев при получении из губернии за короткое время нескольких кладов формировалась общая для всех единиц хранения. Относительно Могилевских поступлений это дела 4-1884, 14-1886, 38-1888, 97-1889, 119-1998, 145-1900, 159-1901, каждое из них содержит материалы от двух до четырех находок.

составило около ста сорока. С Кричевом связано три архивных дела.

В первом из них речь идет о получении Комиссией семи случайно найденных разнородных монет, предметов древностей и документов от владельца местного имения В.С. Гольнского, который просит ИАК разрешить ему производить раскопки курганов в его имении «и в прочих местностях России ... и выдать на это свидетельство»¹². В своем ответе Комиссия поясняет: «Что касается желания Вашего заняться раскопками курганов на принадлежащей Вам земле, то Археологическая Комиссия не считает себя вправе воспрепятствовать Вам в этом намерении как собственнику земли и покорнейше просит Вас только почтить ее уведомлением о результате Ваших раскопок». В раскопках «в прочих местностях России» В.С. Гольнскому было отказано, а монеты и предметы старины Комиссия ему вернула¹³.

Материалы второго дела рассказывают о поступлении в ИАК 615 полугрошей XVI в., «приобретенных жителем м. Кричева Чериковского уезда Мордухом Нотовым Гиндиным от неизвестного лица»¹⁴. Этот клад «за отсутствием выдающегося нумизматического значения» был полностью возвращен собственнику и, таким образом, ни целиком, ни частично не мог поступить в Варшаву и Тверь¹⁵.

Третье дело, озаглавленное «О находке старинных серебряных монет в м-ке Кричево, Могилевской губ.», открывает сопроводительное письмо от 29 сентября 1905 г., в котором вице-губернатор М.В. Лядженский извещает об отправке «в распоряжение Комиссии 646 штук старинных серебряных монет, найденных жителем мест. Кричева Климовичским мещанином Рафаилом Берковым Либерманом на огороде вблизи его дома во время рытья картофеля»¹⁶. Клад ИАК передала на рассмотрение в Императорский Эрмитаж, откуда «за ненадобностью» его вернули с приложением сведений о составе обратно в Комиссию. После этого монеты с согласия находчика, предупрежденного, что «в противном случае клад будет возвращен», Комиссия купила у Либермана за 35 рублей. Получение денег тот подтвердил собственной распиской¹⁷.

Краткие сведения, составленные хранителем отделения нумизматики Императорского Эрмитажа О.Ф. Реговским, дают общее представление о находке: «...646 старинных серебряных монет. Польско-литовских: короля Александра полугроши б.г. (1 экз. для Польши, остальн. для Литвы). Сигизмунда I чекан для Польши 1509 г. (1 экз.), полугроши, чекан для Литвы 1509–1527 гг. Весом один ф. 93 зол.»¹⁸. Более детальное описание состава клада содержит пронумерованный список, подшитый в деле горизонтально, между листами 4–5 и 36–37. В нем приведены помимо прочего данные о количестве монет по годам, из них младшую группу составили литовские полугроши Сигизмунда I: 1525 г. (9 экз.), 1526 г. (2 экз.), 1527 г. (3 экз.)¹⁹. Комиссия планировала в мае 1906 г. передать клад Виленскому музею, но по какой-то причине это не было сделано, и его «отложили в долгий ящик»²⁰. К окончательному решению судьбы находки ИАК вернулась через четыре года, когда в марте 1910 г. комплекс был разделен на части, очевидно, с целью пополнения большего числа музейных и иных коллекций.

Список получателей – от Варшавы до Екатеринбургa и от Архангельска до Крыма – с указанием (в скобках) количества монет следующий: Императорское Археологическое Общество (96), Костромская (20) и Таврическая (18) Ученые Архивные комиссии, Ковенский статистический комитет (17), Киевский (44) и Варшавский (47) университеты, Виленский (45)²¹, Рижский (41), Киевский (24), Тверской (24), Рязанский (23), Смоленский (19), Ярославский (24), Могилевский (21), Пермский (20), Уфимский (16), Екатеринославский (18), Черниговский (19), Подольский (20), Полтавский (21), Астраханский (18), Екатеринбургский (18), Архангельский (19) и Херсонский (14) музеи²². В деле имеются подтверждения о получении монет от всех адресатов, кроме Киева, Твери и Ковно. Ректор Варшавского университета, выдающийся ученый, уроженец Гродненской губернии Е.Ф. Карский, написал: «Правление Императорского Варшавского университета, получив ... 47 серебряных польско-литовских монет начала XVI в., из клада, найденного в м. Кричеве ...

¹¹ Исключение составляют дело 145-1900 (две находки, д. Новоселки и станция Лотва, отправлены из Могилева в ИАК начальником работ по постройке «Витебск – Жлобинской» железной дороги), а также несколько оформленных поступлений от частных лиц. В публикациях клад ст. Лотва относят к вымышленной д. Лотва Рогачевского района Гомельской области (см. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии. // В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика I. Киев, 1963. – № 71. – С. 173; Рябцевич, Д. Монетные клады Рогачевщины // Д. Рябцевич // Старажытнасці Рагачоўшчыны: матэрыялы навук.практ. канф. – Мінск, Рагачоў, 2000. – № 21. С. 80–81). В действительности железнодорожная станция Лотва находится в Шкловском районе Могилевской области. В деле 145-1900. Л.1 под первым номером отмечен клад, найденный «на земле крестьян дер. Новоселки Рогачевского уезда», а в отношении второго сказано лишь то, что он обнаружен «недалеко от вновь проектированной станции Лотва», т. е. без уточнения уезда.

¹² Д. 38-1888. Л.12 (в энциклопедическом справочнике «Могилев»: Минск, 1990. – С. 294. Монетные клады. Кричевский район: семь разнородных монет представлены как клад 1888 г.).

¹³ Там же. Л. 15, 15 об. (см. также: Сядых, В.А. Археалагічныя знаходкі У.С. Галынскага з наваколляў Крычава / В.А. Сядых, А.А. Мяцельскі // Матэрыялы на археалогіі Беларусі. – 2001. – № 3. – С. 276–279).

¹⁴ Д. 46-1908. Л. 1, 1 об. Составители перечней относят находку к самому Кричеву. В сводке 2003 г. (Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины // В.Н. Рябцевич // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў Трэцяй міжнар. канф., 22–23 мая 2003 г. Частка I. Магілёў, 2003. – № 17. – С. 16.) не отмечен польский полугроши Александра.

¹⁵ Там же. Л. 5, 7.

¹⁶ Д. 155-1905. Л. 1, 1 об.

¹⁷ Там же. Л. 2, 3, 5, 6, 10.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Перечни «состарили» находку на 2 года (см. Рябцевич, В.Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. // В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика 3: Киев, 1968. – № 4. – С. 179: «до 1525 г.»; Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины // В.Н. Рябцевич // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў Трэцяй міжнар. канф., 22–23 мая 2003 г. Частка I: Магілёў, 2003. – № 15. – С. 16: «полугроши по 1525»).

²⁰ Д. 155-1905. Л. 11.

²¹ Remezas, E. Pinių lobiai Vilniaus senienų muziejaus numizmatikos rinkinyje // Numizmatika 2-3. Vilnius. – 2004. – № 12. – P. 207.

²² Д. 155-1905. Л. 12, 12 об.

присланные в дар для сего университета, имеет честь принести Императорской Археологической Комиссии искреннюю благодарность»²³.

Как видим, никакого самостоятельного клада «1909–1910–1911 гг.» не было, а его появление в качестве двойника реальной находки стало следствием ряда допущенных ошибок. Возможно, что в каких-то музеях из приведенного списка уцелели старые коллекции монет, где сохранились и литовские полугроши начала XVI в. из Кричевского клада 1905 г.

Эта более чем столетней давности история связана с проблемой, которая выходит за рамки отдельного случая. Она заключается в достоверности исходных, базовых данных о кладах, об их составе, месте и времени находки, приводимых в печатных работах справочного характера, перечнях и сводках, соответствии этих данных тем, которыми располагают документальные, прежде всего архивные, источники.

Дело, озаглавленное как «Дело Императорской археологической комиссии о находке старинных монет в Застенке Любиничском Горецкого уезда Могилёвской губ.», содержит материалы еще об одном кладе-«неудачнике»²⁴. Его состав остался не описанным, он не упомянут в «Топографии кладов восточных монет» А.К. Маркова и «Списке монетных находок» Р.Р. Фасмера. При публикации клада и последующем его удвоении допущена путаница в определении названия места находки, его административно-территориальной принадлежности, количестве найденных монет и т. д.²⁵

Установить состав этого крупного комплекса дирхамов хотя бы частично, вероятно, позволит изучение архивов Государственного Эрмитажа, Казанского и Санкт-Петербургского университетов, куда клад поступил частями в 1901–1902 гг.²⁶.

Своего двойника «заполучил» и серебряный платёжный слиток, найденный, как следует из ответа Могилёвского губернатора от 26 мая 1886 г. на просьбу Комиссии сообщить ей подробности этой находки, «... в октябре месяца 1885 года, на дороге, идущей из дер. Студенца в м. Горы, Чауссаго уезда, на расстоянии 2-х верст от м. Горы. Слиток этот лежал на поверхности земли, местности совершенно ровной. Кроме означенного слитка ... никаких больше вещей или монет не найдено»²⁷. В предыдущем письме из канцелярии губернатора от 4 марта 1886 г. (о препровождении слитка в ИАК) сказано, что найден он «... при дер. Студенце ... весом в 12 лотов ... сделан в начале XI века, при Великом князе Владимире Святом ...». Комиссия указала на ошибку в определении его веса: 21 зол. 72 доли (92,78 г), а не 12 лотов (153,56 г), и сообщила о переводе в Могилёвское губернское казначейство 30 рублей для выдачи их находчику²⁸. В августе 1889 г. слиток был передан из ИАК в Императорский Эрмитаж, а его гальванопластическая копия – в Московский исторический музей²⁹.

В нумизматических работах и исторических исследованиях при описании находки слитка встречаются как незначительные погрешности, так и явные ошибки и неточности³⁰.

Особенно наглядно это демонстрирует не так давно изданная монография Ш.И. Бектинеева³¹. В списке источников, на которые он ссылается, названы работы Л.В. Алексева, А.А. Ильина, В.Н. Рябцевича, М.В. Фурсова, Н.Н. Щекотихина, М.П. Сотниковой и др. Надо сказать, что большую часть ошибок Ш.И. Бектинеев позаимствовал в монографии Л.В. Алексева, единственного из авторов, кто удвоил находку³². Ошибка видна сразу, поскольку в работе А.А. Ильина, на которую Л.В. Алексеев ссы-

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Д. 198-1901. В листе использования отмечено, что с делом знакомились Кротошкин В.В. (1955 г.), Рябцевич В.Н. (1960 г.), Милютин В.Н. (1990 г.), Роман Ковалев (1998 г.).

²⁵ В ряде работ (Рябцевич, В. Дирхамы Арабского Халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) / В.Н. Рябцевич // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология): Минск, 1998. – № 19, 19а. – С. 69; Рябцевич, В.Н. Монетные депозиты западных земель Древней Руси (материалы) / В. Рябцевич // Suiatowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewiczej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i slowianskiej. Tom VII (XLVIII). Fasc. V., 2006–2008. – № 76, 76a, № 114) приводятся неполные данные о количестве монет: «известен 541 дирхам», в то время как в деле говорится о 1210 экз., из них 541 экз. целых монет и 2 ф. 38 зол. обломков (Л. 1, 2, 11). Район находки определен в этих перечнях верно – Дубровенский Витебской обл., но необходимость привязать клад к реальному населенному пункту была изначально обречена на неудачу, поскольку опиралась на ошибку в написании его названия на обложке дела. В итоге из-за «синонимичности», по мнению автора, слов «застенок» и «хутор» возник некий «хутор Любиничский». Правильное название места находки указано в документах – это исчезнувшая деревня Застенок Любиничский (Л. 15, 16), которая располагалась в бывшей Баевской волости, в верховьях р. Переволочка (Переволочня), на ее левом берегу. Находка дирхамов – не единственная в этой округе, наряду с характерным топонимом подтверждает наличие здесь волока (см. Мяцельскі, А.А. Месціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск, 2014. – С. 22). Двойник Любиничской находки – «клад Любиничи» Кировского р-на Могилёвской обл. (первая публикация: Кротошкин, В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе / В.В. Кротошкин // Нумизматика и эпиграфика: Том IX. – Москва, 1971. – № 185. – С. 93). Местом хранения этого «клада» автор называет Могилёвский краеведческий музей. Со ссылкой на В.В. Кротошкина В.Н. Рябцевич внес «клад Любиничи» в свои «перечни реликтов денежного обращения» (см.: Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты IX – начала XIV вв. на территории Могилёвщины / В.Н. Рябцевич // Минулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. навук. прац удзельнікаў Другой міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць». – Магілёў, 2001. – № 5. – С. 18.; Рябцевич, В.Н. Монетные депозиты западных земель Древней Руси (материалы) / В.Н. Рябцевич // Suiatowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewiczej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i slowianskiej. Tom VII (XLVIII); Fasc. V., 2006–2008. – № 40. – С. 111). Допущенные ошибки вводят в заблуждение исследователей, которые, пользуясь недостоверными данными, невольно повторяют их (см.: Еремеев, И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвизья) / И.И. Еремеев. – Санкт-Петербург, 2015. – Рис. 46–48. Приложение I. – № 91).

²⁶ Д. 198-1901. Л. 3, 5, 11.

²⁷ Д. 14-1886. «Дело о серебряном монетном слитке, найденном в Могилёвской губернии». Л. 2, 4. В настоящее время на указанном участке дороги находится возвышающаяся в 1920-е гг. д. Курганье Горецкого района (см.: Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя. – Т. 5. Кн. 1: Магілёўская вобласць. – Мінск, 2008. – С. 500).

²⁸ Там же. Л. 1, 2, 5 (деньги получил находчик слитка, Студенецкий сельский староста Никита Дмитриев).

²⁹ Там же. С. 1 об. 6, 8.

³⁰ Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XIV вв. // Гістарычна-археалагічны зборнік № 15. – Мінск, 2000. – № 95. – С. 70; Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты IX – начала XIV вв. на территории Могилёвщины / В.Н. Рябцевич // Минулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. навук. прац удзельнікаў Другой міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць». – Магілёў, 2001. – № 16. – С. 20 (в этих перечнях год поступления слитка в ИАК (1886) отмечен как время самой находки (октябрь 1885), а вместо местечка Горы назван город Горки так же, как и несуществующая дорога Горки – Студенец).

³¹ Бектинеев, Ш.И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX – XVI веках: нумизматические исследования / Ш.И. Бектинеев. – Минск, 2014. – № 19 [87], 20 [88]. – С. 391–392.

³² Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – Москва, 1980. – С. 79.

лается, значит, только одна находка – серебряный слиток, найденный при д. Студенец³³. Обосновывая наличие двух находок – одиночного слитка в д. Горы в 1885 г. и Студенецкого клада монетных серебряных слитков 1886 г., Ш.И. Бектинев, в свою очередь, копирует все ту же ссылку Л.В. Алексеева, которая относится не только к могилевским, но также к смоленским и тверским находкам³⁴, т. е. получается, что к работе А.А. Ильина сам он не обращался. Ш.И. Бектинев повторяет ошибку, указывая вес слитка: 213 золотников и 3 доли (т. е. 908,68 г), бездоказательно говорит о том, что «например, В.Н. Рябцевич» считал Студенецкую находку «кла-

дом слитков», а составитель каталога Могилевского музея М.В. Фурсов «переслал в Археологическую комиссию» слиток и т. д., и т. п.

Как утверждала Т.В. Равдина, «ценность нумизматических сводов зависит от точности и полноты исходных данных. Ошибки ложатся в основу неверных концепций, поэтому в сводах они не оправданы ничем»³⁵.

Насущной задачей в решении проблемы ошибочных данных о монетных кладах и других находках должно стать создание их полноценного свода (инвентаря), тщательно сверенного с архивными, музейными и иными достоверными источниками.

On the Treasury of Krichev “1909–1910–1911”

Viachaslau FILINAU, the NGO “Belarusian Numismatic Society”, Member of the Board, Republic of Belarus, Mogilev, e-mail: vafilinov@gmail.com.

Abstract. *The article dwells on the scientific inventory of the numismatic fund of pre-revolutionary time. Based on the study of archival cases of treasure finds in Mogilev province, the author gives examples of the inaccuracy of the initial and basic data on treasures, their composition, location and time of the find, cited in printed reference works, lists and summaries. The best way to avoid such errors is to use the data contained in documentary sources, primarily archival ones.*

³³ Ильин, А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков / А.А. Ильин. – Петербург, 1921. – № 147. – С. 36.

³⁴ Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – Москва, 1980. – С. 79. Ссылка 21 в [32, с. 36, 46, 47]; Бектинев, Ш.И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX – XVI веках: нумизматические исследования / Ш.И. Бектинев. – Минск, 2014 (с. 391 № 19 [87]), список литературы: 219, с. 36, 46–47).

³⁵ Археологические замечания к нумизматическим работам // «Советская археология», 1975. – № 1. – С. 316.

К вопросу ипотечного кредитования аграрного сектора в Приднепровской Украине

(вторая половина XIX в. – начало XX в.)

Михаил ОРЛИК

Центральноукраинский национальный технический университет, аспирант кафедры экономики, менеджмента и коммерческой деятельности, Украина, г. Кропивницкий, e-mail: orlik.mihail@gmail.com

В условиях развития рыночных отношений в постсоветских странах все большую актуальность приобретают вопросы рынка земельных ресурсов. В контексте понимания проблемы земельного рынка и ипотечного кредитования невозможно обойти опыт внедрения рыночных реформ 60-х гг. XIX в. в Российской империи и развитие экономической мысли, которое сопровождало зарождение ипотечного кредитования.

Значительный вклад в развитие украинской школы экономической мысли сделал И.В. Вернадский. В контексте проблем пореформенного крестьянства ученый отстаивал правовые экономические взгляды на проблему будущего для украинского села. Прежде всего, И.В. Вернадский выделял право собственности на землю как один из движущих стимулов в развитии фермерского хозяйства того времени. Ученый также не соглашался с утверждением, что общинный способ земледелия может иметь позитивный характер в долгосрочной перспективе, поскольку это накладывало ограничения на право собственности [3, с. 344–345]. Свободный рынок земли и гарантии права собственности в долгосрочной перспективе, по

мнению исследователя, не только делали крестьянство менее депрессивным слоем населения, но и открывали возможность крестьянству получать более дешевые кредиты путем минимизации рисков со стороны кредиторов или ростовщиков при заключении договоров.

Трудно переоценить большой вклад профессора Н.Х. Бунге в развитие украинской экономической науки XIX в. Значительное место среди его работ занимают исследования теории кредита и кредитных отношений, в том числе и ломбардных кредитов. В своей работе «Теория кредита» он отмечает, что развитие кредитных отношений в первую очередь выгодно государству, поскольку это оживляет экономику, а кредитные отношения, по мнению ученого, не должны быть без вознаграждения кредитору. Условно эту награду Н.Х. Бунге разделяет на три составные части: 1) реализация кредита; 2) плата за страхование возможных рисков, связанных с выданным кредитом; 3) вознаграждение за пользование денежным капиталом [1, с. 20].

Переход от феодальной экономики к рыночной в Российской империи поставил новые вызовы в банковском секторе [10, с. 259]. Главным вызовом стал рост спроса на кредитные продукты, в первую очередь ипотечные и лизинговые, при отсутствии банковской системы [9, с. 75]. Для решения проблем, связанных с формированием банковской системы, согласно императорскому Указу от 31 мая 1860 г. был создан Государственный банк Российской империи. Данный указ предусматривал ликвидацию Государственного заемного банка и Государственного коммерческого банка, а также передачу их активов и пассивов новому банку. Кроме того, за Государственным банком была фактически закреплена функция банковского регулятора над всеми коммерческими банками и кредитными товариществами, при этом он выполнял функции коммерческого банка: предоставление кредитных и депозитных услуг, прием платежей. Такой широкий спектр возможностей банка можно объяснить предосторожностями правительства относительно возможного дефицита кредитных услуг на банковском рынке в момент реформирования финансовой и банковской систем империи, однако данные собственные коммерческим банкам услуги предоставлялись Государственным банком даже в 1897 г., когда он получил функции эмитента

в ходе денежной реформы С.Ю. Витте [7, с. 84–85], что ставит под сомнение беспристрастность данного банка как банковского регулятора.

В 1864 г. был создан первый на территории современной Украины Земский банк взаимного кредита в г. Херсоне. Однако, как отметил профессор П.П. Мигулин, в 1866 г. [5, с. 103] основу ипотечного кредита составили общества взаимного кредита, которые в первые годы своей работы предоставляли займы крестьянам в виде закладных листов со ставкой до 25% годовых под залог недвижимого имущества. Начиная с 1871 г. стали формироваться первые акционерные банки на рынке аграрного кредитования. Появление большого количества акционерных банков привело к уменьшению процентной ставки по кредиту до 6% годовых. Однако кредитными продуктами, которые предлагались обществами взаимного кредита или коммерческими акционерными банками, могли в основном пользоваться владельцы частной земли, к которым в Российской империи принадлежали лишь 2% крестьянства [5, с. 103]. Для решения этой проблемы в 1882 г. был создан Крестьянский поземельный банк, а уже в 1895 г. было открыто 41 отделение этого банка. Данный банк предоставлял займы на льготных условиях под 5,5% годовых, а в случае возникновения просрочек накладывался штраф в размере 0,5% от стоимости заложенного имущества [5, с. 130–131]. И даже несмотря на социальную направленность Крестьянского поземельного банка, он приносил значительные дивиденды государству. Количество заемщиков в период его существования постоянно увеличивалось. Деятельность банка прекратилась во время революции 1917 г. Среди основных причин успешности данного банка можно выделить следующие:

- 1) кредит предоставлялся в формате ипотеки;
- 2) высокая мотивированность крестьянства в получении собственной частной земли;
- 3) доходность аграрного дела.

Для обеспечения спроса на дополнительные финансовые ресурсы среди привилегированного населения в 1895 г. был основан Дворянский земельный банк, основной целью которого было предоставление долгосрочных займов потомственным дворянам под залог недвижимого имущества и земельных угодий. Общая сумма займа не могла превышать 60% от стоимости залогового недвижимого имущества. Данные займы предоставлялись на срок от 36 лет и 7 месяцев до 48 лет и 8 месяцев на выбор заемщика.

Все эти займы независимо от срока предоставлялись под 5% годовых в виде закладных листов номиналами 100, 300, 500, 1000, 5000 и 10000 руб. [4]. Вскоре процентная ставка по кредиту была снижена до 3,5% годовых [6]. Однако эти льготные кредиты не имели особого успеха, поскольку дворянство часто использовало дополнительные финансовые ресурсы не для улучшения эффективности основных средств, а для получения кратковременного удовлетворения своих личных потребностей или для погашения своих долгов перед ростовщиками. Следует также отметить, что подобное явление в аспекте кредитования помещиков еще в XVIII в. заметил А. Смит, который в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» отмечал, что «единая категория людей, которым обычно занимают деньги, не ожидая, что они дадут им прибыльное использование, – это землевладельцы, которые занимают под залог своих имений» [11, с. 215]. Главную причину такого явления ученый видел в том, что землевладельцы обычно делали займы для оплаты обязательств по предыдущим долгам.

Следует также отметить, что в конце XIX в. – начале XX в. среди экономистов был актуален вопрос фактической монополии Государственного поземельного банка [8, с. 83–85]. Так, П.П. Мигулин обращал внимание на то, что в Российской империи банковская система была слабо развита, и без помощи государства с его неограниченными денежными ресурсами продолжал бы существовать дефицит на рынке кредитных услуг [5, с. 102–103]. С этой мыслью также соглашался и профессор М.И. Боголепов, который отмечал необходимость постепенного перехода к концепции Государственного банка как банка над всеми банками, однако обращал особое внимание на то, что такой переход может и должен быть медленным и постепенным [2, с. 284–285].

Итак, вторая половина XIX в. для Российской империи стала временем работы над ошибками. А неудачный опыт банковской системы предыдущих времен стал толчком для развития собственной экономической школы, что, в свою очередь, привело к формированию доступного ипотечного кредита для всех слоев населения. Также можно предположить, что создание отдельного банка для ипотечного кредитования дворянства, несмотря на печальный опыт Дворянского банка, было шагом, направленным на перераспределение земельных ресурсов в пользу более эффективных собственников земельного капитала.

Библиографический список:

1. Бунге, Н.Х. Теория кредита: Сочинение / Н.Х. Бунге. – Киев, 1852. – 312 с.
2. Боголепов, М.И. Государственный банк и коммерческий кредит. Банковая энциклопедия / М.И. Боголепов; под ред. Л.Н. Яснопольского. – Київ: Типографія 2-й артели, 1914. – Т. 1: Коммерческие банки. – 407 с.
3. Вернадський, І.В. Витоки. Творча спадщина у контексті історії економічної думки в Україні / І.В. Вернадський; за ред. В.Д. Базилевича. – Київ: Знання, 2009. – 862 с.
4. Высочайше утвержденное положение о Государственном Дворянском Земельном Банке: Закон Российской империи от 3 июня 1895 г. № 3016 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – СПб., 1881. – Т. 5. – Отд. I. – С. 263–269.
5. Мигулин, П.П. Наша банковская политика 1729–1903 / П.П. Мигулин. – Харьков: Печатное дело, 1904. – 439 с.
6. О конверсии 4,5% залогового листа Государственного Дворянского Земельного Банка и о втором выпуске 3,1% залогового листа того же: Закон Российской империи от 16 января 1898 г. № 14895 // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. III. – СПб., 1901. – Т. 18. – Отд. I. – С. 34.
7. Ольденбург, С.С. Царствование Императора Николая II / С.С. Ольденбург. – Белград, 1939. – Т. 1. – 389 с.

8. Орлик, В.М. Селянство України в фінансовій політиці імперій Романових і Габсбургів / В.М. Орлик // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Вип. 13. – 2007. – С. 83–86.
9. Орлик, М.В. Зародження банківської кредитної системи в Російській імперії та Наддніпрянській Україні у другій половині XVIII – на початку XIX ст. / М.В. Орлик // Центральноукраїнський науковий вісник. Економічні науки. – Вип. 1(34). – Кропивницький: ЦНТУ, 2018. – С. 75–82.
10. Орлик, С.В. Вплив фінансових реформ на курс рубля у 60-х роках XIX століття в Російській імперії / С.В. Орлик // Наукові записки з української історії. – Вип. 33. – 2013. – С. 259–262.
11. Сміт, А. Добробут націй. Дослідження про природу добробуту націй / А. Сміт. – Київ: Port-Royal, 2001. – 596 с.

On the Issue of Mortgage Lending to the Agricultural Sector in Dnieper Ukraine (Second Half of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century)

Michail ORLIK, *Central Ukrainian National Technical University, graduate student of the Department of Economics, Management and Commercial Activities, Ukraine, Kropyvnytskyi, e-mail: orlik.mihail@gmail.com.*

Abstract. *The purpose of the article is to study mortgage lending in Dnieper Ukraine in the second half of the 19th century - beginning of 20th century. The author also analyzed the views of individual economists of the 19th century - beginning of 20th century on the problems of mortgages and lending in general.*

Особенности денежного обращения на Гродненщине в годы Первой мировой войны

Виктор КАКАРЕКО

Председатель ОО «Белорусское нумизматическое общество», Республика Беларусь, г. Гродно, e-mail: viktor@kakareko.ru

События Первой мировой войны, происходившие на белорусской земле, до сих пор не получили должного отражения в исторической науке и массовом общественном сознании. Многие аспекты этой войны на территории Беларуси еще не изучены и требуют всестороннего внимания историков и литераторов, чтобы восполнить существующий пробел в нашей национальной истории.

В статье предпринята попытка собрать и обобщить имеющиеся архивные материалы и вновь появляющуюся в печати краеведческую информацию о жизни населения, о наличном денежном обращении в преддверии и в первые годы войны. Территориальные рамки нашего исследования сузим до размеров Гродненской губернии, одной из шести губерний Северо-Западного края Российской империи, той ее части, которая в период немецкой оккупации вошла в административно-территориальную округу Белосток–Гродно, созданного немцами военного государственного образования Ober Ost.

В предвоенные годы Гродненская губерния занимала территорию 34 058 кв. верст и принадлежала к числу наименьших губерний Российской империи¹.

Гродненская губерния делилась на девять уездов; 39 станов; 185 волостей; 2 233 сельских общества; 16 заштатных городов и 62 местечка.

В «Памятной книжке Гродненской губернии на 1915 год» сказано, что в 1914 г. число жителей в Гродно составляло 63 036 человек, в Белостоке – 99 641, в Брест-Литовске – 63 579 и т. д. В те годы в Гродно находилось 64 фабрики и завода, на которых трудилось 1 758 работников, ежегодно выпускавших продукции на 3,5 млн. руб. Только на одной табачной фабрике работал 1 181 работник, производилось товаров на 2,9 млн. руб. Один царский рубль сегодня эквивалентен 40 белорусским рублям. В Гродно находилось 14 церквей (8 приходских и 6 домовых), 4 католических костела, 1 лютеранская кирха и 2 синагоги.

В 1912 г. императором Николаем II был подписан Указ о строительстве в Гродно фортовой крепости. Предполагалось построить вокруг Гродно 13 типовых фортов на расстоянии 8–15 верст от города, 23 номерных опорных пункта на взвод пехоты и 19 литерных – на полроты. Строительные работы продолжались вплоть до августа 1915 г. Гродненская крепость и ее укрепления встретили неприятеля с разной степенью готовности².

В преддверии Первой мировой войны в губернском городе Гродно создавалась достаточно развитая многоуровневая кредитно-банковская структура, отвечающая запросам различных секторов экономики и потребностям населения, путем выполнения ссудных, вкладных и посреднических операций.

В конце XIX в. Российская империя перевела свою денежную систему на основу золотого монеталлизма, что нашло отражение в новой редакции Монежного устава, утвержденного Николаем II 7 июня 1899 г., согласно которому государственной денежной единицей России являлся рубль, содержащий 17,424 доли (0,774 г) чистого золота, разделенный на 100 копеек. Полноценная золотая монета обязательно была к приему во всех платежах на неограниченную сумму. Золотыми монетами были 15 рублей, 10 рублей, 7 рублей 50 копеек и 5 рублей. Серебряная и медная монеты являлись вспомогательными в обращении и были обязательными к приему в платежах: серебряная до 25 рублей, а бilonная – до 3 рублей от одного человека. Серебряные монеты в один рубль, 50 и 25 копеек содержали в себе 900 частей чистого серебра и 100 частей меди, а серебряные монеты номиналами

¹ Статистический обзор Гродненской губернии за 1902 год // Памятная книжка Гродненской губернии за 1904 год / Гродненский губернский статистический комитет. – Гродно: Губернская типография, 1904. – С. 43.

² Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: монография / В.Н. Черепица. – Гродно, 2006. – 536 с.

Монеты Российской империи. Золотые: 15 руб.; 10 руб.; 7 руб. 50 коп.; 5 руб. Серебряные: 1 руб.; 50 коп.; 25 коп. Биллионные: 20 коп.; 15 коп.; 10 коп.; 5 коп. Медные: 5 коп.; 3 коп.; 2 коп.; 1 коп.; ½ коп.; ¼ коп.

Рисунок 1

20, 15, 10 и 5 копеек – 500 частей меди. Медная же монета чеканилась достоинством 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки, по 50-рублевой монетной стопе, то есть из 16 кг меди изготавливалось монет на сумму 50 рублей (рисунок 1).

Государственные кредитные билеты выпускались Государственным банком в размере, ограниченном потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом и разменивались на золотую монету без ограничения суммы. В 1898 г. Государственный банк ввел в денежное обращение кредитные билеты достоинством в 500, 100, 25, 10 рублей, а также в 5, 3 и 1 рубль, но уже в 1905 г. началась постепенная замена ранее выпущенных номиналов на банкноты нового образца. В 1905 г. были выпущены 3-рублевые купюры, в 1909 г. – 5, 10 и 25-рублевые, в 1910 г. – 100-рублевая и в 1912 г. – 500-рублевая купюра.

Обострение международной обстановки в середине 1914 г. привело к тому, что 20 июля (2 августа) 1914 г. был подписан Манифест императора Николая II о начале военных действий между Россией и Германией. В этот же день Указом императора Николая II в крепости Гродно, входившей в Виленский военный округ, а также в иных военных округах было введено военное положение.

В связи с неудачами и успехами на немецко-русском фронте практически за один год войны гродненцы пережили эвакуацию четырежды: трижды они переезжали из Гродно в Слоним и возвращались отсюда обратно (сентябрь 1914 г., январь и июль 1915 г.), и опять-таки из Слонима началась для горожан четвертая эвакуация вглубь страны.

10 (23) июля 1914 г. Государственный банк России объявил о приостановке размена кредитных билетов на золото. Правительство пыталось изъять золото из обращения и аккумулировать его в кассы Государственного банка и казначейства. Но проводи-

мые в этом направлении мероприятия не дали сколько-нибудь заметных результатов. Было уже поздно, с началом войны исчезли из денежного обращения не только золотые, но и серебряные, и биллионные монеты. Вскоре редкими стали в обороте и медные монеты.

С началом войны банки и иные финансовые учреждения, хранившие капиталы в кассах гродненского отделения Государственного банка, вынуждены были с началом первой эвакуации из Гродно приостановить наличный оборот, оставляя купцов, промышленников и население без достаточного количества мелких и средних денежных купюр. Поводом для этого была экстренная эвакуация гродненского отделения Российского государственного банка вместе с запасом наличных денег в Пензу, где оно продолжало свою деятельность до 1921 г. Вслед за ним эвакуировались остальные банковские учреждения.

В ходе «Великого отступления русских войск 1915 г.» к началу августа линия фронта вплотную приблизилась к Гродно. Во вторник 18 (31) августа 1915 г. начались бои за ближние подступы к крепости. К исходу следующего дня под напором превосходящих сил противника русские войска вынуждены были оставить крепостные позиции и отойти за Неман. При отходе русские войска взорвали практически все укрепления, уничтожили железнодорожный, шоссеиный и три деревянных моста через Неман. В ходе городских боев в правобережной, центральной, части Гродно сгорел дом губернатора, железнодорожный вокзал и некоторые другие здания.

В результате летнего наступления германской армии к октябрю 1915 г. немцы заняли значительную часть северо-западных губерний, в том числе Гродненскую с крупными городами: Белосток, Брест, Гродно и др. Лишь упорное сопротивление превосходящих сил российской армии и осенняя распутица приостановили продвижение германской армии на восток. С переходом к позиционной обороне линия фронта противоборствующих сторон установилась на рубеже Двинск – оз. Нарочь – Постава – Сморгонь – Барановичи – Пинск.

В начальный период оккупации все захваченные территории северо-западных губерний находились под непосредственным контролем этапных инспекций (комендатур) германских армий, но вскоре непосредственная прифронтовая территория общей площадью около 33 тыс. кв. км была отнесена к военно-операционной полосе и передана в подчинение этапной инспекции 12-й армии во главе с генералом Келеве³.

Остальные тыловые территории оккупированных Германией северо-западных российских губерний, простиравшихся от границ Восточной Пруссии и Царства Польского на западе до внутренней границы военно-оперативной прифронтовой полосы, были переданы в подчинение отделу управления штаба главнокомандующего Восточным фронтом, находившегося под двойным руководством генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга и начальника штаба генерала Э. фон Людендорфа, которые создали военно-административное образование, т. е. военное государство, названное Ober Ost.

³ Государственный исторический архив Литвы. – Ф. 641. – Оп. 1. – Д. 883 а. – Л. 122.

Его главным исполнительным органом был административный штаб, возглавляемый интендантом Ober Ost. Он имел в своем подчинении 12 отделов. Военное руководство Ober Ost поставило перед собой три задачи: первой было полное подчинение указанных районов новым, немецким, правилам и законам; второй – полновесное использование всех ресурсов региона Ober Ost (людских, промышленных, сырьевых и т. д.) в стратегических целях Германской империи; третьей – решение вопроса о присоединении этой территории к Германии.

Со времени своего создания и до апреля 1916 г. Ober Ost имело шесть областей военного управления, или округ: Курляндия, Литва, Вильно, Сувалки, Белосток, Гродно. Округа Курляндия имела два города со статусом городского повета (Stadtkreis) и 8 сельских поветов (Landkreis); Литва соответственно 1 и 19; Вильно – 1 и 5; Сувалки – 7 сельских поветов; Белосток – 1 и 7; Гродно – 4 сельских повета – самая малая округа. Однако внутренняя структура как самого Ober Ost в целом, так и структур отдельных военных округ многократно изменялась.

Так, 8 марта 1916 г. начальником Генерального штаба Э. Людендорфом было подписано постановление, согласно которому с 1 апреля город Гродно выделяется из сельского повета и становится самостоятельным городским поветом. Именно в это время военно-административная округа Гродно стала иметь один городской повет Гродно и четыре сельских повета: Василишки, Гродно, Плянты, Радунь.

1 ноября 1916 г. были объединены военные округа Белосток и Гродно⁴ (рисунки 2). Объединенная округа занимала площадь более 26 тыс. км², с населением 712 тыс. человек, в нее вошли два городских и 11 сельских поветов.

Округа Белосток–Гродно военно-административного образования – военного государства Ober Ost

Рисунок 2

Поветы, в свою очередь, делились на волости, которые объединяли несколько деревень или имений. Во главе волостей по указанию руководителя повета назначались старосты, соответственно в малых городах и местечках бургомистры. Городские поветы делились на комиссариаты, а те – на районные жандармские участки⁵.

Вернемся к началу немецкой оккупации Гродно. С установлением новой власти официально ввели григорианский календарь: все даты сместились на 13 дней вперед, 21 августа стал считаться 3 сентября.

В первые дни оккупации для обеспечения безопасности города и порядка создается «Гражданский комитет», во главе которого стал князь Евстафий Сапега. «Гражданский комитет» как орган местного самоуправления выступал в роли посредника между населением города и немецким городским управлением – магистратом. Комитет стал заниматься организацией жизни в городе. В первую очередь его интересовали вопросы обеспечения населения продуктами питания, отоплением, одеждой и обувью, вопросы образования, здравоохранения, опеки над бедными, инвалидами и престарелыми людьми. На местные органы самоуправления возлагалась ответственность за решение всех городских проблем, которые возникали в то время, в том числе взыскание налогов и штрафов, сохранение общественного порядка, поддержание установленных цен на продукты первой необходимости, борьба с укрытием товаров и со спекуляцией и т. д.

О деятельности «Гражданского комитета» и его руководителя так писал в своем дневнике⁶ ротмистр Курт Кларрот: «Когда русские покинули город, чиновники российской администрации, прихватив наиболее важные документы и кассу, бежали из города. В этом бедственном положении создался так называемый «гражданский комитет». Руководителем комитета гродненцы выбрали князя Сапегу⁷, который прекрасно справлялся со своими обязанностями. Он происходил из славного польского шляхетского рода, учился в гимназии, потом долго жил во Франции и Англии, а во время занятия Гродно – в одном из своих поместий недалеко от города. Это был мужчина в возрасте около 30 лет, высокий, стройный, гладко выбритый, очень приятно выглядевший, он производил скорее впечатление англичанина, чем поляка. Он разделил комитет на отделы, наладил американскую бухгалтерию, одолжал городской казне, на условиях долговременного обязательательства, немалые суммы».

Здесь можно сделать небольшое отступление. Три насильственные эвакуации жителей губернского города Гродно, сопровождаемые еврейскими погромами, значительно (в 2,5 раза) сократили население города-крепости. А полученные «немалые суммы денег» князя Сапегу позволили избежать

⁴ Berliner Tagesblatt, 02.XI.1916, Frankfurter Zeitung, 02.XI.1916 // AAN. Ф. 39. Сnp. 100. – С. 554–555.

⁵ Lowczowski, G. Organizacja etapow wojska niemieckiego i administracja terenami okupowanymi na froncie wschodnim podczas wojny 1914–1918 / G. Lowczowski. – Warszawa, 1933. – С. 39–40.

⁶ Дневник «Meine Erlebnisse im Weltkriege. Nach meinem Kriegstagebuche fuer meine Kinder niedergeschrieben», который написал ротмистр Курт Кларрот, приехавший в апреле 1916 г. на службу в городскую администрацию в оккупированный немецкими войсками Гродно. До октября 1916 г. Курт Кларрот был первым помощником обер-бургомистра Ганса Вайсенборна; Баціс, М. Ober Ost i нямецкая акупацыя Гародні ў Першую сусветную вайну паводле дзённіка Курта Кларрота / М. Баціс // Гістарычны альманах. – 2012. – Том 18. – С. 42–73.

⁷ Евстафий Каетан Владислав Сапега (польск. Eustachy Kajetan Sapieha; 2 августа 1881 г., Верхняя Белка под Львовом – 20 февраля 1963 г., Найроби) – польский государственный деятель, князь, министр иностранных дел Польши (1920–1921), консервативный политик, депутат сейма.

финансовых проблем, с которыми сталкивались вновь созданные немцами органы местного самоуправления на оккупированных территориях. Например, в отличие от ситуации в Гродно городское управление уездного Белостока в начале немецкой оккупации столкнулось с проблемой отсутствия денег в кассе города.

Административным распоряжением власти приказали изготовить городские боны, так называемые кассовые квитанции, с целью введения их в денежное обращение. Известны две эмиссии городских бондов г. Белостока. Первая, датированная 15 сентября 1915 г., состояла из двух номиналов: 30 копеек и 1 рубль. Затем под этой же датой были выпущены городские боны с двойным номиналом в марках и рублях: 1 марка – 60 копеек; 3 марки – 1 руб. 80 коп.; 5 марок – 3 рубля; 10 марок – 6 рублей. Вторая эмиссия городских бондов Белостока, датированная 1 ноября 1915 г., включала купюры большего номинала: 20 марок – 12 рублей; 50 марок – 30 рублей; 100 марок – 60 рублей. Подобных денежных суррогатов в городе Гродно не выпускали.

Лояльное отношение оккупационных властей к деятельности «Гражданского комитета» – органа местного самоуправления в г. Гродно, противоречило целям и задачам Ober Ost. 1 апреля 1916 г. повет Гродно был разделен на городской и сельский поветы. Произошли кардинальные перемены в составе представительных и руководящих органов в гродненских поветовых и окружных структурах. Был прислан новый руководитель округа Гродно – генерал пехоты фон Гелд, который назначил бургомистром

городского повета Гродно капитана, доктора права Г. Вайсенборна.

В апреле 1916 г. вновь назначенный бургомистр Вайсенборн реорганизовал «Гражданский комитет» в подчиненный ему Городской совет, что больше соответствовало его положению по отношению к немецкой городской администрации. Обер-бургомистр Вайсенборн указал, что отныне вся полнота власти в городе находится исключительно в его руках.

С началом немецкой оккупации на территории Гродно продолжали находиться в денежном обращении российские рубли и копейки, к ним добавились немецкие банкноты номиналом 1; 2; 5; 10; 20; 50; 100 и 1000 марок, выпущенные в Германии с 1874 г. по 1915 г., и разменные монеты достоинством в 1; 2; 5; 10; 25 пфеннигов. Серебряные монеты номиналом ½; 1; 2; 3 и 5 марок, а тем более золотые немецкие монеты в 10 и 20 марок (как и российское серебро и золото) еще в начале войны были тезаврированы населением и в свободном денежном обращении практически не встречались.

С целью более эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в начале 1916 г. в Познани был образован Восточный банк для торговли и промышленности – Ost-bank, который специально для оккупированных восточных территорий выпустил военные деньги (рисунки 3), банкноты следующих номиналов – 20 и 50 копеек, 1; 3; 10; 25 и 100 рублей. Кроме бумажных денег были отчеканены железные монеты достоинством в 1, 2 и 3 копейки. На их аверсе – обозначение номинала по-русски и год выпуска (1916) на фоне креста. На реверсе: не-

Военные деньги Ostrubel 'Darlehnskasse' Posen, 17 april 1916 и железные монеты, отчеканенные на монетных дворах в Берлине и Гамбурге
Рисунок 3

мецкое название Ведомства Верховного главнокомандующего на Востоке и монетный знак Берлинского (A) или Гамбургского (J) монетного двора. До апреля 1918 г. в денежном обращении Ober Osta находилось 207 млн. ост-рублей и около 1 млн. рублей в виде железных монет. Это была основная местная валюта.

4 апреля 1918 г. Ost-bank с центром в Ковно выпустил в обращение банкноты достоинством в ½; 1; 2; 5; 20; 50; 100 и 1000 марок, которые, как и ост-рубли, и немецкие государственные марки, являлись законными платежными средствами на территории, оккупированной немецкими войсками. Текст на оборотной стороне этих купюр был напечатан на немецком, литовском и латышском языках.

Золотой паритет германской марки к российскому рублю в предвоенные годы составлял 2,16 к 1, то есть 1 марка была равна 0,463 рубля. В это время 1 доллар США был равен 1 руб. 94 коп. = 4 марки 23 пфеннига. С началом войны курс марки к рублю снизили с 2,16 до 2,06 к 1. Осенью 1914 г. курс бумажной немецкой марки к российскому рублю составлял 2 к 1, но уже 10 марта 1915 г. был понижен курс рубля. С этого дня за 10 марок можно было получить 6 российских рублей. Это видим на городских бонах Белостока, датированных 15.09.1915, где указано соотношение немецкой марки к российскому рублю: 10 марок = 6 рублей, т. е. 1,66 марки = 1 российский рубль. По распоряжению П. фон Гинденбурга, с 11.11.1915 за 150 марок стали давать 100 российский рублей, т. е. 1,5 марки = 1 российский рубль.

Официальный валютный курс в феврале 1916 г.: 1 российский рубль был равен 1 марке 73 пфеннигам. Но при продаже валюты населением за 1 рубль власти давали 1 марку 90 пфеннигов, при покупке 1 рубль стоил 1 марку 94 пфеннига. С мая 1916 г. официальный курс рубля стал равен 1,75 марки, а позже – 2 марки. В 1916 г. 1 доллар США был равен 5,5 немецкой марки.

Выпущенный в апреле 1916 г. ост-рубль первоначально приравнивался к российскому рублю, т. е. 1 ост-рубль = 1 российскому рублю = 100 копейкам (03.09.1916). Независимо от официального курса рубля к марке 3 копейки были равны 5 пфеннигам.

В 1918 г. в денежное обращение поступили ост-марки, первоначально 1 ост-марка = 1 германской марке.

После подписания Брестского мира и последовавшего за ним захвата немцами почти всей нынешней территории Беларуси в денежном обращении на оккупированной территории оказались разные денежные знаки, между ними складывались и быстро менялись обменные курсы.

11 ноября 1918 г. после подписания Компьенского перемирия между странами Антанты и Германии военные действия в Европе прекратились, после чего вывод германских войск с белорусских земель происходил еще полгода. 24 апреля 1919 г. немцы покинули Гродно. Закончилась одна из печальных страниц в истории Гродно.

Special Aspects of Money Circulation in the Grodno Region During the First World War

Viktor KAKAREKA, *Chairman of the NGO "Belarusian Numismatic Society", Republic of Belarus, Grodno, e-mail: viktor@kakareko.ru.*

Abstract. *The author of the article suggests looking through the eyes of a modern researcher-collector of coins and banknotes on the events on the eve of and in the first years of the First World War in the territory of Grodno region. The numismatic aspect allows to better understand the history of the monetary system of those years, especially special aspects of money circulation.*

Боны в немецких лагерях для польских военнопленных во время войны (1939–1945)

Кшиштоф ФИЛИПОВ

Белостокский университет, доктор исторических наук, профессор, Польша, г. Белосток, e-mail: ksf56@interia.pl

Барбара КУКЛИК

Член Польского нумизматического общества, Польша, г. Белосток, e-mail: baszka65@wp.pl

IV Гаагская конвенция 1907 г. (Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны) среди прочих положений в разделе II «О военнопленных» гарантировала военнопленным финансовое обеспечение в период пребывания в лагере для военнопленных. Статья 17 Конвенции требовала выплаты вознаграждения офицерам в лагерях для военнопленных офицеров (офлагах)¹.

Вознаграждение в офицерских лагерях должно было выплачиваться в той же сумме, которую получали офицеры государства, поместившего пленного в заключение. Условием было не превышение размера сборов в собственной армии до войны. Выплата вознаграждения должна была производиться полностью без вычетов, регулярно и по мере возможности ежемесячно. Предположительно это должно было составлять официальный источник доходов военнопленного офицера, если только он не выразит согласия начать работать.

Первые денежные выплаты в лагерях на Цейлоне и в Южной Африке ввела Великобритания во время бурских войн (1899–1902). Это было продолжено во время Первой мировой войны (1914–1918) сторонами воюющих центральных держав и союзников. Они также ввели в лагерях для военнопленных деньги².

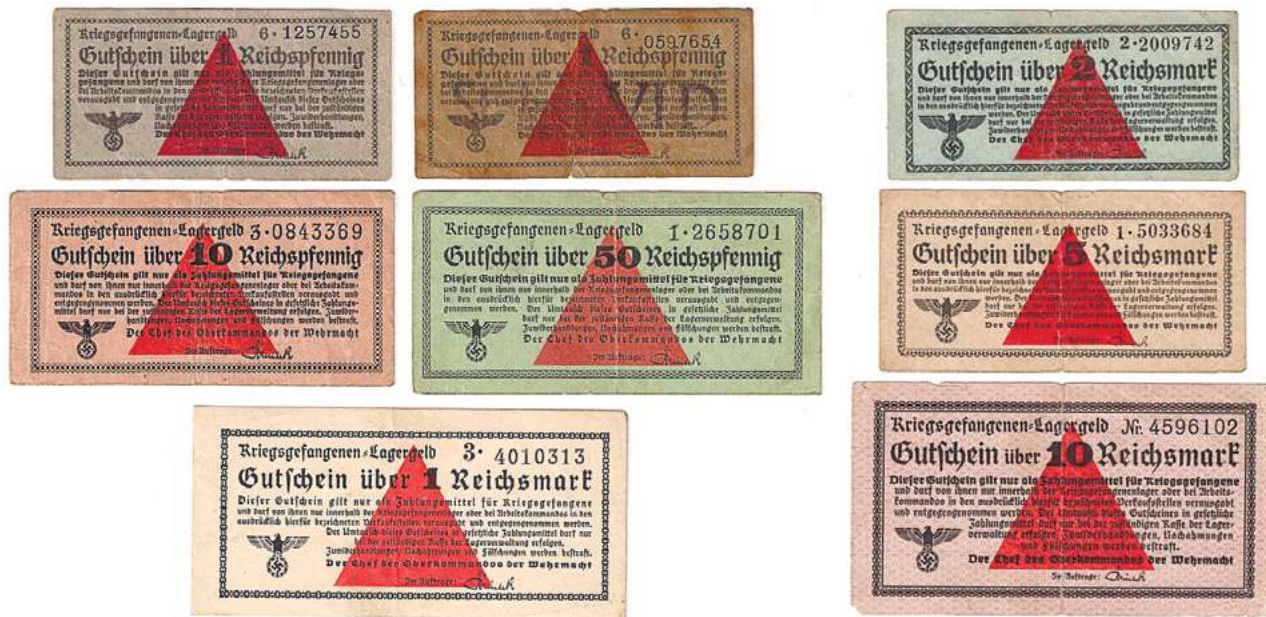
Ситуация повторилась во время Второй мировой войны. Поражение Польши в германо-польской войне привело к возникновению сети лагерей для военнопленных, находившихся в 21 немецком военном округе. Во всех лагерях для военнопленных немецкое военное руководство в 1939 г. ввело специальные денежные средства в виде временных бумажных денег. Они служили для расчетов в лагере. Официально они назывались деньги лагерей для военнопленных, в разговорной речи – лагермарки.

Данные деньги были изготовлены еще перед началом войны в рамках военных приготовлений. Печать лагермарок была односторонней на банкнотах разного номинала, размера и цвета используемой для печати краски. Было подготовлено два выпуска банкнот номиналами: 1 (с префиксом от 1 до 9), 10 (с префиксом от 1 до 12), 50 (с префиксом от 1 до 6) рейхспфеннигов и 1 (с префиксом от 1 до 6), 2 (с префиксом от 1 до 3), 5 (с префиксом от 1 до 3), 10 рейхсмарок. Первый выпуск был помечен префиксом перед номером бона, а второй имел перед цифрой серии обозначение «Nr». Верховное командование вермахта (ОКВ) подготовило также лагермарку номиналом 20 марок в рамках второго выпуска. Однако она не была введена в обращение и осталась в качестве образца (рисунки 1).

На лагермарках с левой стороны размещался герб III Рейха (орел со свастикой). Внутри был характерный красный или коричнево-красный треугольник. Все они защищались водяным знаком: «цветок молочая» (Kreuzblüten). Интересной особенностью

¹ Гаагская конвенция: «Статья 17. Военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, при условии возмещения расходов их Правительством» // Вестник законодательства Республики Польша. – 1927. – № 21.

² Кэмпбелл, Л.К. Деньги военнопленных и концентрационных лагерей 20 века / Л.К. Кэмпбелл. – Порт Клинтон, 1989. – С. 11–136.

Деньги лагерей для военнопленных (лагермарки)

Рисунок 1

было проставление штампов на лагермарках в связи с переводом военнопленного в другой лагерь. Штампы на лагермарках были подтверждением того, что военнопленный получил вознаграждение и может законно использовать его в другом лагере для военнопленных. Штампы проставлялись на оборотной (чистой) стороне бонов. Известны продольные чернильные штампы: «Шталаг III b», «Шталаг III c», «Шталаг VI E/Группа управления», «Офлаг X A», «Комендатура/Пересыльный лагерь d», «Концентрационный лазарет/Шильдберг/(Вартгау)», «Военнопленный=Лазарет/Торгенхютте/Управление», «Военнопленный=Лазарет/Зорау». Также есть боны, проштампованные на лицевой стороне: «Шталаг VI D», или также круглые: «Кр/Геф.-Лагерь/Хойдеберг», «Управление комендатуры – Группа управления», или с орлом со свастикой и надписью «Пересыльный лагерь d». Лагермарки применялись также в лагерях для военнопленных, находившихся под надзором СС, где содержались советские солдаты. На обеих их сторонах стояла буква «К [Лагерь военнопленных]», а также круглая печать СС и факсимильная подпись. Известен также один экземпляр из лагеря СС в Люблине. Полный список проштампованных лагермарок еще не создан³.

Суррогатные деньги, введенные Германией в лагерях для военнопленных, предназначались исключительно для внутреннего оборота. Таким образом, лагермарка являлась эквивалентом товаров, услуг и всех финансовых обязательств в лагере. Однако не предполагалось, что в экономической ситуации III Рейха эти внутренние деньги станут ценным «товаром», на который будет спрос у гражданского населения. За них в лагере можно было купить аме-

риканские продукты, прежде всего шоколад и сигареты. Следовательно, работал нелегальный обмен и двойной оборот лагерных денег. С целью прекращения данной практики военные власти с 1 января 1943 г. вывели из оборота часть бонов, прекратили выдачу наличных денег и ввели проведение финансовых операций военнопленных с использованием индивидуальных счетов, которые велись в каждом бараке назначенным для этого бухгалтером⁴. В лагере для военнопленных, где польские солдаты находились уже в октябре 1939 г., прибыли пачки с лагермарками, упакованными по 1 000 штук, которые были заверены и датированы до 1 сентября 1939 г. Из этой поставки польским офицерам было выплачено первое вознаграждение. ОКВ определило, что месячная заработная плата подпоручика должна составлять 72 рейхсмарки (Rmk), поручика – 84 Rmk, капитана – 96 Rmk, а полковника – 144 Rmk⁵.

В Вольденберге (в настоящее время – Добегнев), крупнейшем во II военном округе лагере для польских офицеров – II C, ежемесячная выплата лагермарок составляла около 470 000. Выплата заработной платы охватывала только «офицеров и равноценных». Поэтому уже в 1940 г. офицеры, заключенные в офлаге II C, решили самостоятельно оплачивать налог в пользу рядовых, находящихся в этом лагере. В условиях военного времени выпуск и оборот лагермарок вышли из-под контроля Германии. Большинство польских военнопленных выплачиваемое вознаграждение отправляли семьям в оккупированной стране, главным образом для покрытия расходов на продовольственные посылки, которые семья им присылала. При отправке переводов в так называемые присоединенные территории: Ватергау, Саудавия

³ Грабовски, Х.Л. Деньги террора. Деньги и их количество в немецких концентрационных лагерях и гетто с 1933 г. по 1945 г. / Х.Л. Грабовски. – Регенштауф, 2008. – С. 79; Ковальски, М. Боны польских лагерей военнопленных в Германии в период Второй мировой войны / М. Ковальски, А. Гупенец // Новости нумизматики, R. VI, z. 1 (19). – Варшава, 1962. – С. 49.

⁴ Ковальски, М. Лагерные платежные средства [в:] Офлаг II C Вольденберг. Воспоминания военнопленных / М. Ковальски. – Варшава, 1984. – С. 96–97.

⁵ Там же. – С. 96.

или округ Белосток, 1 лагермарка равнялась 1 оборотной марке. Переводы в Генерал-губернаторство конвертировались по курсу Эмиссионного банка в Кракове – 1 лагермарка за 2 злотых.

Из воспоминаний полковника дипломата Юзефа Куропеска: «Лагерные «талоны», иначе «лагергельды», имели определенное значение для тех, кто желал помогать своим близким, находящимся на территории так называемого Рейха. Отправленные в Силезию, Померанию, в Ватергау или Юго-Восточную Пруссию, они были серьезной финансовой помощью для семьи. Так что многие старались устроиться на работу»⁶.

Отправка денег и перевод части заработной платы унтер-офицерам и частным служащим достигли невообразимых размеров. Например, с 1 июля по 10 ноября 1940 г. в офлаге II С общая сумма заработной платы, полученной офицерами, составила 1 497 086 лагермарок, из которых 55 000 лагермарок было пожертвовано частным лицам и унтер-офицерам. Более того, в тот же период 1 323 000 лагермарок было отправлено семьям в оккупированной стране, что составило 85% от суммы, выплаченной немцами офицерам⁷. В начале октября 1943 г. оборот лагермарок был остановлен, а сами боны были изъяты.

Однако деньги в лагерях для военнопленных были крайне необходимы. Причиной этого было ограничение немцами количества оборотных денежных знаков и расширение безналичного оборота в лагере и прежде всего – ежедневное использование подручных платежных средств. В лагерях для военнопленных, в которых пребывали поляки, были введены внутренние лагерные деньги. Это произошло в офлагах в Вольденберге II С (Добегнев), Гросс Борн II D (Борне-Сулиново) и Мурнау VII А (Бавария) недалеко от границы со Швейцарией. Первые боны, внутренние лагерные деньги в офлагах, где находились польские военнопленные, были введены в Вольденберге. Лагерь II С весной 1940 г. был размещен на 25 гектарах. Это был самый большой лагерь, в котором находились польские офицеры. Там было около 6 000 офицеров и около 1 000 солдат низшего звена. Все они были размещены в 30 бараках, в основном жилых, и других помещениях, предназначенных для учебных классов, библиотеки, аптеки, почты, кассы взаимопомощи, комиссионных магазинов и различных мастерских⁸.

Первыми в 1942 г. в офлаге II С Вольденберг появились боны Комиссионного магазина барака 7В. Они были выпущены в виде персональных бонов частного комиссионного магазина, работающего в лагерном бараке. Было выпущено два вида бонов номиналами 5 и 10 пфеннигов. Что касается изображения, это была интересная композиция «желез кадудей» (посох Меркурия) с чашечными весами

в качестве символа мира и торговли и с котом. Интересно указание даты выпуска «1942» и ироничный текст, иллюстрирующий место пребывания в лагере для военнопленных. Оно названо «Бивак II С Поморье». Обозначен также эмитент бонов: «Комиссионный магазин барака 7В». На оборотной стороне – чернильный штамп с указанием серии и номера, а также подписи двух продавцов (*рисунок 2*). Автором изображения на боне был неизвестный художник (?) J.S.⁹. Были подготовлены две серии выпусков.

Боны Комиссионного магазина барака 7В. Эмиссия 1942 г.

Рисунок 2

К этому выпуску можно отнести недатированные боны номиналами 1 пфенниг и 3 пфеннига. Однопфенниговая монета – это пробный экземпляр. На картоне проставлен штамп с изображением якоря на скрещенных мечах (символ надежды и борьбы) без обозначения стоимости. И второй экземпляр, на котором вместо символов имеется надпись: «БОН НА 1 пфенниг». На обороте – штамп, как на датированных бонах с подписями продавцов.

На боне номиналом 3 пфеннига – изображение человека с рогом изобилия. Остальные элементы надписей и штампов – как на датированных бонах. Были выпущены две серии бонов¹⁰. Несмотря на дату эмиссии, их следует отнести к выпуску 1942 г., в частности, авторству художника J.S.

В следующем, 1943, году тот же эмитент выпустил боны номиналом 20, 25 и 50 пфеннигов в связи с годовщиной январского восстания 1863 г., что показано на 20 пфеннигах с орлом и датами и на 50 пфеннигах с датами и кадудеем – символом торговли – и стилизованным флагштоком. Изображение на 25 пфеннигах имеет отношение к Померании, там

⁶ Куропеска, Ю. Лагерные раздумья. Офлаг II С / Ю. Куропеска. – Краков, 1985. – С. 117.

⁷ Ковальски, М. Лагерные платежные средства [в:] Офлаг II С Вольденберг. Воспоминания военнопленных / М. Ковальски. – Варшава, 1984. – С. 97–98.

⁸ Подробно это описано в следующих разделах: Офлаг II С Вольденберг, *op. cit.*

⁹ Ковальски, М., Гупенец, А. *Op. cit.*, с. 45, фотография IV 10; Козичиньски, Е. Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 138.

¹⁰ Ковальски, М., Гупенец, А. *Op. cit.*, с. 44–45, фотография III 8-9; Козичиньски, Е. Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 140.

Боны Комиссионного магазина барака 7В. Эмиссия 22.01.1943
Рисунок 3

помещен парусный корабль в центре с ягеллонским орлом и гербом льва с короной¹¹ (рисунок 3).

Вопрос о выпуске суррогатных денег поднял в 1942 г. поручик Теофил Джевецки, переведенный в Вольденберг из офлага XVIII В Вольсберга¹², бывший солдат 1-го Пехотного полка Легионов. В лагере у него была фитоаптека. В 1942 г., чтобы улучшить расчеты за травы, приобретенные военнопленными, он выпустил боны номиналами 5, 10, 15 и 20 пфеннигов. Выпуску предшествовал временный бон без названия и даты, напечатанный на упаковке от сигарет, в виде круглой печати с цифрой «5» и буквой «f» внутри в виде орнамента и тремя вертикальными волнистыми линиями¹³.

Следующие эмиссии Т. Джевецкого «Магазин с травами» были датированы и выполнены по одному шаблону. Они отличались только цветом печати. Бон номиналом 20 пфеннигов был также временным с надписью «ВРЕМЕННЫЙ/БОН НА 020/пор. Теофил Джевецкий/бар. 7b», а внизу – полукругом «Добегнево 1942»¹⁴ (рисунок 4). Следующие выпуски бонов, датированные 1942 г., имели идентичные гравюры по дереву. В левой части бонов есть цветы и листья ландыша. Это была преднамеренная акция, поскольку со времен средневековья ландыш считался символом медицины, менее известным, чем жезл эскулапа. Ведь его символ виден на изображении Николая Коперника.

Над цветком надпись: «ТРАВЫ», ниже – «ИСТОЧНИК ЗДОРОВЬЯ», все было сделано как

Боны «Магазин с травами» Т. Джевецкого. Эмиссия 1942 г.
Рисунок 4

гравюра. Справа печать: «Бон на [5, 10, 15 или 20] пфеннигов». Оттиски были сделаны разными цветами¹⁵. Однако это были частные эмиссии, и их введение в обращение внутри лагеря было вызвано отсутствием лагермарок в широком употреблении.

Нехватка денег привела к созданию в лагерях для военнопленных нескольких банков, занимавшихся выпуском бонов. Они были образованы как лагерные банки, лагерные кредитные кассы, или также кассы самопомощи. Крупнейшим эмитентом бонов в лагере II С Вольденберг была касса самопомощи. Выпуск бонов был бы невозможен без согласия старейшины лагеря, полковника Вацлава Млодзяновского, скорее всего, он организовал кассу самопомощи 30 октября 1944 г. Это должно было предотвратить обмен лагерных знаков жителями окрестностей и неиспользование ими немецкой марки.

Первая эмиссия не датирована, она касалась 10 и 50 пфеннигов (рисунок 5).

Автором изображения является подпоручик Эугениуш Пихелл (1905–1976) – художник и гравер по дереву.

Боны кассы самопомощи лагеря II С Вольденберг. Эмиссия не датирована
Рисунок 5

¹¹ Там же.

¹² Список фамилий польских офицеров, заключенных в лагере для военнопленных в Вольденберге [в:], Офлаг II С Вольденберг. Вчера и сегодня. Музей жителей Вольденберга в Добегневе. – Познань, 2014. – С. 61.

¹³ Ковальски, М., Гупенец, А. *Op. cit.*, с. 46, фотография VI 15.

¹⁴ Единственная сохранившаяся фотография: Ковальски, М., Гупенец, А. *Op. cit.*, с. 46, таблица V 14.

¹⁵ Ковальски, М., Гупенец, А. *Op. cit.*, с. 46, таблица VI 16; Козичиньски, Е. *Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 139.*

Боны кассы самопомощи лагеря II С Вольденберг. Эмиссия 30.10.1944

Рисунок 6

Справочно. Эугениуш Станислав Пихелл в 1932–1934 гг. учился в Краковской академии искусств под руководством профессора Фридерика Паутша и Казимежа Сихульского. В 1936 г. он совершил путешествие во Францию. В 1936–1939 гг. сотрудничал в качестве графика с журналами «Express», «Kurier Czerwony», «Плотук». Будучи заключенным в офлаг II С Вольденберг, он развил там художественную деятельность во многих направлениях: живопись, дизайн, сценография и графика, иллюстрация, экслибрис. Занялся гравюрой, создавая почтовые марки для нужд Фонда вдов и сирот, а также последующими проектами для внутрилагерной почты и бонами. В период пребывания в офлаге появились, кроме прочих, циклы и портфолио гравюр: «Варшава – сентябрь 1939», «Морская папка», «Папка легенд». После войны художник поселился в Дольным Слёнске, где, кроме прочего, преподавал рисунок и графику в Художественном центре в Еленей Гуже. Параллельно с 1949 г. работал в качестве начальника отдела дизайна Бюро по контролю эстетики производства и в других организациях, связанных с промышленным дизайном.

Изображение представляло собой декоративный орнамент из стилизованных листьев с надписью, определяющей стоимость, обозначением серии сверху и названием эмитента: «КАССА САМОПОМОЩИ ЛАГЕРЬ ОФЛАГ II С» и инициалами художника «ЭП». Боны номиналом 10 пфеннигов имели 3 серии, а номиналом 50 пфеннигов – 4 серии.

Последующие боны более высоких номиналов – запатентованные: 1 (как проект), 2, 5 и 10 марок уже датированы 30 октября 1944 г. На них есть пункт: «ОН НА [определение стоимости] ПРИКАЗ СТАРЕЙШИНЫ ЛАГЕРЯ № 321 ОТ [ИЛИ ДЕНЬ] 30.X.44 и ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТОЛЬКО НА ТЕРРИТОРИИ ЛАГЕРЯ II С». Кроме того, надписи: «КАССА САМОПОМОЩИ ЛАГЕРЬ ОФЛАГ II С» и факсимильная подпись полковника В. Млодзяновского и управляющего кассой. Боны на оборотной стороне были отмечены печатью: «К [касса] S [самопомощь] в квадрате, по кругу или без в качестве инициала» (рисунок 6).

В качестве изображений на бонах были использованы, среди прочего, элементы архитектуры: Остра Брама в Вильнюсе, башня Ратуши во Львове (1 марка), а также Флорианские ворота в Кракове (2 марки). На самых крупных номиналах (5 и 10 марок) использованы народные орнаменты¹⁶. Эти выпуски были обозначены буквами «А» и «В».

Последний выпуск внутренних денег лагеря II С Вольденберг состоялся 14 января 1945 г. Однако он не был введен в обращение из-за эвакуации лагеря 25 января 1945 г. На бонах были повторены рисунки и надписи. Отличались они только указанием даты выпуска: «14.I.1945». Архитектурные элементы использовались как декоративный мотив, на этот раз – Варшавы. На боне номиналом 5 марок использован мотив памятника Юзефа Понятовского, а на боне номиналом 20 марок помещен фасад Большого театра и здания Захенты. Бон номиналом 5 марок должен был являться продолжением предыдущего выпуска под буквой «С», а бон номиналом 20 марок как единственный столь высокий номинал имел маркировку серии «А» (рисунок 7).

Боны кассы самопомощи лагеря II С Вольденберг. Эмиссия 14.01.1945. Не введены в обращение

Рисунок 7

¹⁶ Ковальски, М., Гупенец, А. *Op. cit.*, с. 42–44, фотография I-II 1-6; Козичиньски, Е. *Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 132–136.*

Новым автором изображений на бонах стал график, архитектор подпоручик Мариан Стемпень (1915–1984), прибывший в лагерь из офлага IX С Мосдорф.

Справочно. Мариан Стемпень (15.07.1915, Варшава – 08.11.1984, Детройт) – сценограф, график, дизайнер. В качестве военнопленного в офлаге II С в Вольденберге выполнил свои первые сценографические проекты для действующего лагерного театра, потом – для театра кукол. Участвовал также в лагерных художественных галереях. После войны работал сначала в Лодзи, где сотрудничал с Камерным театром Дома солдата (1945) и театром Сирена (1946–1948), затем в Варшаве в переехавшем туда театре Сирена. С 1965 г. был постоянным сотрудником газеты «Жиче Варшавы» и в течение более 20 лет – работником авиакомпании «ЛОТ», соавтором дизайна польских самолетов и бюро на пяти континентах. – См.: Альманах польской сцены, 1984/85. – Том XXVI. – Варшава, 1989.

Интересным фактом является недатированный выпуск бона номиналом 5 пфеннигов. Он был выпущен в качестве платы за кипяток, используемый для напитков, выдаваемых в казармах. Об этом свидетельствует надпись: «ПУНКТ ВОДЫ» и, прежде всего, иконография, использованная на боне: термос и пар над стаканом и чашкой. Номер барака был также указан. На известной копии из коллекции Луцув виднеется «6»¹⁷. Авторам статьи также известен банковский чек, чистый экземпляр, незаполненный. Возможно, он связан с эвакуацией из лагеря, когда немцы сформировали две маршевые группы: «Восток» и «Запад», эти названия были помещены в незаполненном бланке чеков.

Проблемой выпуска денег в лагерях для военнопленных было нахождение технических способов воплощения разнообразных идей по изображению, нахождение бумаги, красок, а также элементов полиграфического оборудования. В качестве печатной формы использовалась гравюра по дереву, реже – литография (?). Характерной особенностью эмиссии лагерных бонув является разнородность цветов. Были использованы общедоступные краски, и их смешивание приводило к возникновению разнообразия цветов.

Лагерь для военнопленных II D Гросс Борн (Борне Сулиново) находился в том же военном округе. В нем, следуя модели лагеря Вольденберга, во внутренний оборот были выпущены почтовые марки, также была создана внутренняя почта¹⁸. Там, по примеру Вольденберга, были введены лагерные деньги «пяст», разделенные на «гроши».

В офлаге II D Гросс Борн был создан банк, который эмитировал в одной серии «А» 16 октября 1944 г. 10, 50 грошей и 1 пяст. Пяст делился на 100 грошей, а 2 пята были эквивалентны 1 рейхсмарке. На круглой печати (с орлом в центре), которой штамповали выпущенные бонув, по кругу было написано название банка. На бонах была надпись: ЮРИДИЧЕСКОЕ ПЛАТЕЖНОЕ СРЕДСТВО В ЛАГЕРЕ II D, размещались также факсимильные подписи правления банка: пору-

Бонув банка лагеря II D Гросс Борн. Эмиссия 16.10.1944

Рисунок 8

чика Тадеуша Трафиша, поручика Родванского (?) и третьего лица (неразборчиво)¹⁹ (рисунок 8). Подобно Вольденбергу, были выпущены также чеки банка лагеря II D.

Интересно, что в лагерном банке существовало депозитное «страхование». Это были американские и английские сигареты, которые были доставлены посылками в лагерь Гросс Борн через Женевский Красный Крест.

Лагерные бонув были также введены во внутреннее обращение в офлаге VII А Мурнау в Баварии. В этом лагере для военнопленных, основанном 25 сентября 1939 г. у подножия Альп, находилось 5 114 польских офицеров (по состоянию на 29 апреля 1945 г.), а также несколько сотен младших офицеров и рядовых из обслуживания лагеря. В конце 1944 г. к польским военнопленным присоединились офицеры (800) – варшавские повстанцы, а в марте 1945 г. – офицеры (381) из лагеря Вольденберг.

В лагере работала лагерная почта и так, как в офлагах II С и II D, – лагерные учреждения. Это были: Комиссия по расчетам и Лагерная кредитная касса. В 1944 г. эти учреждения выпустили свои собственные деньги для обращения в лагере Мурнау.

В офлаге VII А Мурнау были подготовлены три выпуска бонув. Первым эмитентом денег в Мурнау была Лагерная кредитная касса. В 1944 г., с апреля по август, она ввела в обращение два бона двух номиналов: 1 и 5 марок. Форма его реализации была предельно простой. Надпись: «ЛАГЕРНАЯ КРЕДИТНАЯ КАСА/БОН НА СУММУ 1 ЛАГЕРМАРКА [или 5]/ ПРАВЛЕНИЕ/МУРНАУ 1944. «На этом напечатано «ОКК 1 [или 5]». Две подписи ниже: Т (?). Кохановски и неразборчиво. Чернильная печать на обороте бона; «О. [лагерная] К. [кредитная] К. [касса] ЗАМЕНА БОНА НА Л. М./15 ЧИСЛА КАЖДОГО МЕСЯЦА»²⁰.

¹⁷ Козичиньски, Е. Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 139.

¹⁸ Филипов, К. Польская фалеристика на почтовых марках лагерей для военнопленных в Германии [в:] Деньги – Символ – Власть – Война. Обучение и материалы / К. Филипов, Б. Куклик. – Аугустув, 2010. – С. 302, 309.

¹⁹ Ковальски, М., Гупенец, А. О. р. cit., с. 46–47, фотография VII 17-19; Козичиньски, Е. Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 142–143.

²⁰ Ковальски, М., Гупенец, А. О. р. cit., с. 48, фотография VIII 21; Козичиньски, Е. Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 147.

Это было заверено подписью, сделанной карандашом. Второй выпуск бонов пришелся на 2 ноября 1944 г., когда приказом № 45/44 Старейшины лагеря, которым был полковник Юзеф Корицки²¹, были выпущены боны номиналами: 1, 10, 50 пфеннигов, 1, 2 и 5 марок (рисунки 9).

По сравнению с бонами из других лагерей военнопленных их изображение было чрезвычайно скромным. Они были сделаны в виде гравюры, спроектировал их и изготовил деревянные заготовки подпоручик резерва Тадеуш Ключыняк. Он был также автором почтовых марок, выпущенных в лагере.

На болах номиналом 1 пфенниг была маркировка стоимости и надпись: БОН, на остальных номиналах – маркировка серии «А». Было изображено 8 тонких линий, проходящих горизонтально по длине бона (1 пфенниг), 15, 13, 9 маленьких пунктирных линий, образующих широкую полосу или стенку из сложенных кирпичиков (10, 50 пфеннигов, 1, 5 марок), или переплетенную горизонтальную сетку (52 марки).

На болах была проставлена надпись: КОМИССИЯ ПО РАСЧЕТАМ и дата: 2.XI/1944. Все боны, кроме 1 пфеннига, были пронумерованы. В отличие от эмиссий других лагерей они не были подписаны комиссарами или «доверенными лицами лагеря»²².

Этим болам очень доверяли заключенные. В декабре 1944 г. в обращении находилось бонов на сумму около 100 000 марок.

Третьим эмитентом лагерных денег в офлаге VII А Мурнау была сама комендатура Мурнау. Она выпустила во внутреннее обращение «Лагергельд» номиналом 5 пфеннигов. У них был оттиск с горным мотивом – паженица, и это понятно, ведь лагерь находился у подножия Альп. Надписи были в виде отпечатка: «ЛАГЕРГЕЛЬД»/«5 пфеннигов/КОМЕНДАТУРА МУРНАУ».

Комендант лагеря также выдавал купоны – боны, которые служили для оплаты услуг. Они предназначались для парикмахерских услуг: бритья и стрижки. На лицевой стороне была надпись: «Купон/для/Бриться [или Стрижки]/Комендатура Офлаг VII А». На оборотной стороне бон заверялся чернильной печатью: «Комендатура Мурнау/Администрация столовой»²³.

Боны в лагерях для военнопленных, эмитированные польскими военнопленными для внутреннего обращения в офлагах, стали сенсацией в мировом

Боны Комиссии по расчетам лагеря VII А Мурнау. Эмиссия 02.11.1944

Рисунок 9

масштабе. Такой же, как и работа внутрилагерной почты, которая дала стимул к эмиссии бонов. Шаблоны лагерных бонов были сделаны теми же художниками и графическими дизайнерами, которые готовили шаблоны почтовых марок. Нет никаких свидетельств того, что боны в II С Вольденберг, II Д Гросс Борн и VII А Мурнау были созданы там, где уже работала лагерная почта.

Из-за отсутствия источников трудно обсуждать деятельность финансовых учреждений, которые выпускали боны. Финансовые документы скрывались от немцев, поскольку деятельность банков, кредитных касс и финансовых учреждений воспринималась как угроза. За ней также пристально следили агенты абвера в лагере. Из-за приближения линии фронта и опасений по поводу будущего сообщества военнопленных большинство документов о внутренних деньгах лагерей было уничтожено. Исходных материалов для исследования суррогатных денег в лагерях II С, II Д и VII А осталось немного, иногда отдельно сохранившиеся лагерные боны.

The Bons in German War-time Camps for Polish Prisoners of War (1939–1945)

Krzysztof FILIPOW, *Bialystok University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Poland, Bialystok, e-mail: ksf56@interia.pl.*

Barbara KUKLIK, *Member of the Polish Numismatic Society, Poland, Bialystok, e-mail: baszka65@wp.pl.*

Abstract. *The article dwells on to the circulation of money in the camps for polish prisoners of war during the Second World War. In all such camps, the German military command introduced in 1939 special monetary funds (bons), which were made in advance in preparation for the war. The authors investigate a variety of bons and features of their circulation in different camps of Europe.*

²¹ Грушка, Т.К., Мурнау, В. – Гове, 1994. – С. 21.

²² Ковальски, М., Гуленец, А. *Op. cit.*, s. 47–48, tablisa VIII 20; Козичиньски, Е. *Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV, 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 145–146.*

²³ Козичиньски, Е. *Польские банкноты. Коллекция Луцув, т. IV. – 1939–1945. – Варшава, 2008. – С. 147.*

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

Во всех отделениях
РУП «Белпочта»

*Подробную информацию
вы можете получить
в любом отделении
почтовой связи,
на сайте
РУП «Белпочта»
www.belpost.by.*

Подписные индексы:

индивидуальный – 74829

ведомственный – 748292

ISSN 2071-8896

9 172071 889006 20002